

ISSN 1996-0522

СОЦІУМ
И
ВЛАСТЬ

№ 5 2019

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 15.11.2019 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 404/450.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Нехамкин Валерий Аркадьевич**

Парадигмы контрфактического
моделирования прошлого
в социальном познании:
итоги, перспективы развития 7

Зырянов Сергей Григорьевич,**Лукин Анатолий Николаевич**

Эволюция взглядов на взаимосвязь
гражданского общества
и государства в истории
политической мысли 19

Шибанова Елена Климентьевна,**Иванов Олег Петрович**

Возможности и перспективы развития
экспорта образовательных услуг
вузами Челябинской области:
мотивация и выбор студентов 31

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Ершов Юрий Геннадьевич**

Аксиология прав человека:
демократия versus автократия 45

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* — доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* — доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Филип Иванович* — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
- Виктория Лезьер* — доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* — доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* — доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* — доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Г. Л. Тульчинский* — доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. С. Чупров* — доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* — доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понделков* — доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* — доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* — доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* — доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* — кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* — доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* — доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* — доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* — кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* — доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* — кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* — кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* — доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* — доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ

**Артемова Ольга Васильевна,
Савченко Анастасия Николаевна,
Ческидова Татьяна Михайловна**
Технологические тренды развития
российской экономики:
возможности и ограничения 55

**Бархатов Виктор Иванович,
Плетнёв Дмитрий Александрович,
Капкаев Юнер Шамильевич**
Центры и периферия Урала
и Поволжья в условиях
«новой нормальности».....65

**Гордеев Сергей Сергеевич,
Зырянов Сергей Григорьевич,
Подопригора Александр Васильевич**
«Эффект колеи» в развитии
социально-экономического
пространства региона.
Часть 1: «Эффект колеи»
и локальный кризис
в Челябинской области 84

**Зубкова Ольга Владимировна,
Бутрин Андрей Геннадьевич,
Жилина Татьяна Алексеевна,
Маскайкин Евгений Павлович**
Использование модели оценки
денежных потоков
для управления экономикой региона 98

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

КУЛЬТУРА**Борисов Сергей Валентинович**

Рождение «глубинной философии из «духа онтопроектирования» 113

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**Чупров Александр Степанович**

Диалоги на краю онтологической бездны (ответ рецензентам) 123

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 15.11.2019 г.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12.25. Issues — 500.
 Order № 404/450.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Valery A. Nekhamkin

Paradigms of counterfactual modelling
 of the past in social cognition:
 results and development prospects.....7

**Sergey G. Zyryanov,
 Anatoly N. Lukin**

The evolution of views on civil society
 and state relationships
 in the history of philosophy 19

**Elena K. Shibanova,
 Oleg P. Ivanov**

Opportunities and prospects
 for developing educational
 services export by universities
 of the Chelyabinsk region:
 motivation and choice of students 31

STATE AND LAW

Yuriy G. Ershov

Axiology of human rights:
 democracy versus autocracy.....45

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanovic — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyayev — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyryanov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St. Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaliev — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

**Olga V. Artemova,
Anastasiya N. Savchenko,
Tatyana M. Cheskidova**

Technological trends in the development
of the Russian economy:
opportunities and limitations.....59

**Viktor I. Barkhatov,
Dmitri A. Pletnev,
Yuner Sh. Kapkaev**

The Ural and Volga regions' centers
and periphery in the context
of "new normality" 65

**Sergey S. Gordeev,
Sergey G. Zyryanov,
Aleksander V. Podoprigora**

"Path Dependence" in developing
socio-economic space of the region.
Part 1: "Path Dependence"
and the local crisis
in the Chelyabinsk Region 84

**Olga V. Zubkova,
Andrey G. Butrin,
Tatyana A. Zhilina,
Evgeny P. Maskaykin**

Using the cash flow model
to manage the region's economy 98

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

CULTURE

Sergey V. Borisov

Creating "deep philosophy"
from the "spirit of ontoprojection" 113

**DISCUSSIONS
AND DEBATES**

Alexander S. Chuprov

Dialogues on the edge of the ontological
abyss (response to the reviewers)..... 123

Для цитирования: Нехамкин В. А.
Парадигмы контрфактического
моделирования прошлого
в социальном познании:
итоги, перспективы развития //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 7—18.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

УДК 167.7; 93

ПАРАДИГМЫ КОНТРАФАКТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ: ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,

Московский государственный
технический университет им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 119602,
г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корп. 1.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена выявлению и изучению парадигм, возникших в рамках контрфактического моделирования прошлого к концу XX в. Выделяются базовые положения, сильные и слабые стороны различных парадигм. Фиксируются отдельные перспективы становления данных парадигм в историческом познании и за его пределами.

Цель. Выявить существующие в контрфактическом моделировании прошлого устойчивые позиции (парадигмы), сравнить их между собой.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ.

Научная новизна исследования. Введено понятие «парадигма контрфактического моделирования прошлого». Автор выделяет три таких

парадигмы: POSSИБИЛИСТСКАЯ (возможность — действительность); БИФУРКАЦИОННАЯ; РЕТРОПРОГНОСТИЧЕСКАЯ. Выявлены базовые положения изучаемых парадигм. Установлены порождающие каждую из них источники.

Результаты. В работе обосновано, что понятие «парадигма» может быть применимо к контрфактическому моделированию прошлого. Установлено, что POSSИБИЛИСТСКАЯ парадигма порождена философией, БИФУРКАЦИОННАЯ — синергетикой, РЕТРОПРОГНОСТИЧЕСКАЯ — социальным прогнозированием. Имеет место экстраполяция данных областей познания, их методологии на контрфактическое моделирование прошлого. Показано, что базовые положения POSSИБИЛИСТСКОЙ и БИФУРКАЦИОННОЙ парадигм во многом сходны, а РЕТРОПРОГНОСТИЧЕСКОЙ — существенно отличаются от них.

Выводы. Осуществлено выделение, рассмотрение и реконструкция содержания трех парадигм контрфактического моделирования прошлого, но их может быть выявлено и больше. Показано, что при изучении конкретной альтернативной ситуации прошлого данные парадигмы могут использоваться комплексно. Констатируется, что каждая изученная парадигма не носит завершённого характера. Она нуждается в постоянной теоретико-методологической разработке, совершенствовании. Отмечен высокий эвристический потенциал каждой парадигмы в исследуемой области. Авторская позиция состоит в необходимости ухода от доминирования POSSИБИЛИСТСКОЙ, БИФУРКАЦИОННОЙ, РЕТРОПРОГНОСТИЧЕСКОЙ парадигм в сторону развития методологически независимого от конкретных дисциплин контрфактического моделирования прошлого, использующего их достижения в собственных целях.

Ключевые понятия:

парадигма,
контрфактическое моделирование прошлого,
POSSИБИЛИСТСКАЯ парадигма,
БИФУРКАЦИОННАЯ парадигма,
РЕТРОПРОГНОСТИЧЕСКАЯ парадигма.

Введение

Исследования потенциальных (не реализовавшихся) вариантов социального прошлого идут в исторической науке и за ее пределами (в философии истории, художественной литературе) достаточно длительный период. По мнению Д. Норта, альтернативная история существует более ста пятидесяти лет, беря начало с 1830-х гг. [22, с. 10]. Автор полагает, что подобный срок сильно занижен. Так, в «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия (I в.) описан сценарий потенциальной войны Древнего Рима и империи Александра Македонского [28, с. 517—522]. Примеры рассуждений на тему «что было бы, если?» есть в «Истории» Геродота и Фукидида, иных авторов, у древнекитайских и индийских философов, позднее — у византийских историков (Прокопий Кесарийский, Анна Комнина и другие). Значит, интерес к изучению потенциального прошлого появился задолго до нашей эры, насчитывает не одну сотню лет.

С теорией вопроса дело обстоит значительно сложнее. Нет окончательной ясности, ни в какой сфере знания можно корректно с точки зрения науки рассуждать на тему «что было бы, если бы?» (историческая наука, философия истории или где-то еще?); универсальной методологии; даже названия для подобных исследований. По мнению автора, правильнее говорить о контрфактическом моделировании прошлого (КФМ) как междисциплинарном направлении научного познания, где допускается иной исход каких-либо ситуаций минувшего, осуществляется их описание в рамках сценариев, а потом изложенный в них материал проверяется научными средствами (в том числе путем сравнения с реальностью). КФМ касается отдельных персон (предположение, что Наполеон не смог возглавить Францию в конце XIX в.), событий (поход Великой армии на Россию в 1812 г. не состоялся; эллины вместо реальной победы потерпели поражение в битве при острове Саламин в 480 г. до н. э. от персов), факторов (модель продления рабства в США до 1890-х гг. Р. Фогеля и С. Энгермана). Подобные исследования, базирующиеся на математических методах, активно проводятся в рамках такого направления исторического познания, как клиометрия.

Однако несмотря на определенные успехи, выразившиеся в количестве осуществляемых на эмпирическом уровне контрфактических исследований прошлого, в

теоретическом (гносеологическом) плане здесь остается немало вопросов. Можно ли ученым достичь достоверного знания, когда система рассуждений о прошлом строится не на фактах, а на предположениях «что было бы, если?» Достаточно ли, как полагал Н. Фергюсон, проверить данные гипотезы «эмпирическим способом, который предпочитает расчеты воображению» [4, с. 32], чтобы сделать их научно обоснованными? Где найти «теоретические» средства осуществления подобных «расчетов»? Следовательно, надежность КФМ определяется в первую очередь его методологией.

Однако КФМ ведется и в науке (истории, социологии, филологии и т. д.), и за ее границами (например, в художественной литературе, философии истории, в политической аргументации). Соответственно, среди специалистов постепенно возобладали мнения о том, что взять указанные средства познания можно за пределами подобной «интеллектуальной игры» (именно так до сих пор называют КФМ некоторые исследователи) [24, с. 5]. Тогда методология КФМ станет близкой к научной. Оставался вопрос: где именно? Средства познания для «надежности» заимствовались вне пределов КФМ, из разных источников. Одни из них использовали философию, беря оттуда концепцию соотношения «возможности и действительности»; другие — синергетику (опираясь на модель «точки бифуркации»); третьи — социальное прогнозирование, обращенное для этой цели к прошлому.

На мой взгляд, указанные подходы относительно КФМ выступают в роли парадигм. Напомним, что данное понятие Т. Кун определяет как «одно или несколько прошлых научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для развития его дальнейшей практической деятельности» [16, с. 28]. Категория «парадигма» применима здесь потому, что данные теоретические конструкции длительное время используют при осуществлении КФМ значительные группы ученых; переносят на КФМ базовые положения философии, синергетики, социального прогнозирования; применяют их для получения новой информации в данной области. Отсюда, по моему мнению, целесообразно говорить о трех парадигмах КФМ: POSSIBILISTСКОЙ, бифуркационной, ретропрогностической, наличие которых можно проследить в ходе анализа научных дискуссий [см. 10]. Рассмотрим содержание каждой из них подробнее.

Поссибилистская парадигма КФМ прошлого

Наиболее распространенное название парадигма получает от английского слова «possible» (возможный). Исторический процесс в ее рамках делится на одновариантные и содержащие альтернативы периоды. Первые связываются с понятием «действительность», вторые — «историческая возможность». Последние могут осуществиться на практике или нет. Отсюда по главным категориям парадигму можно назвать не только «поссибилистской», но и «возможность — действительность».

Исторические возможности можно изучать с разных сторон. Во-первых, реконструировать их содержание, т. е. давать (через сценарии) описание того, что могло произойти, если бы данная возможность реализовалась. Во-вторых, сопоставлять, сравнивать (по разным основаниям) реализованный на практике вариант и остальные возможности (или одну из них). В-третьих, устанавливая каузальные характеристики прошлого, т. е. причины реализации в действительности именно этой возможности из многих других. В-четвертых, искать исторические параметры (условия) претворения в жизнь какой-либо из потенциальных (но не осуществившихся на практике) исторических возможностей. В-пятых, выявлять этические последствия реализации на практике какой-либо из альтернативных возможностей. (Например, лучше бы или нет, с меньшим ли уровнем социального насилия развивалась Россия в XX в., если бы к власти в 1917 г. не пришли большевики?). Такие исследования дают приращение знания, ответы на некоторые мировоззренческие вопросы, а потому позитивны.

В теоретическом плане относительно рассматриваемой концепции интересно следующее. «Действительность» и «возможность/возможности» выступают как противоположности. Однако противоположности, неравнозначные по форме и содержанию. Возможность многолика, многовариантна, скрыта, реконструируется, как правило, искусственно. Действительность однозначна, одновариантна (по крайней мере, по форме), предполагает завершение процесса сосуществования возможностей. Она наблюдаема, фиксируема в исторических документах. Именно действительность отражается в многочисленных учебниках истории, ее анализ выступает обязательным для исторической науки (возможности прошлого могут ей изучаться, так сказать, в «добровольном» порядке).

Возможности неравнозначны между собой по разным характеристикам, определяющим их видовое разнообразие. Одни из них реальны (могли реализоваться на практике), другие — формальны (не имели таких оснований, могут только реконструироваться силами науки). Некоторые возможности при реализации могли дать более совершенный тип общества (чем осуществившийся на практике), другие — наоборот, регрессивный. Имели место «влиятельные» на ход истории возможности и иные: не обладавшие большим значением. Такую классификацию исторических возможностей по различным критериям можно продолжить.

Однако несмотря на разнообразие видов возможностей, относительно их судьбы у сторонников данной позиции есть определенное единство: осуществление на практике одной из возможностей, ее переход в действительность, «исключает» («уничтожает») осуществление всех остальных. Действительность же развивается относительно линейно до возникновения новой ситуации, где есть ряд возможностей «дальнейшего развития».

Обобщим базовые положения данной парадигмы КФМ:

1. Исторический процесс делится на одновариантные периоды (действительность) и многовариантные (отражение ряда возможностей).
2. КФМ касается исключительно исторических возможностей.
3. Период сосуществования различных исторических возможностей скоротечен. Вскоре одна из возможностей переходит в действительность и ее альтернативы уходят в небытие. Пределы альтернативной исторической ситуации занимают промежуток времени «от возникновения существенно отличных возможностей дальнейшего развития до воплощения в действительность одной из альтернативных возможностей» [13, с. 93].
4. В рамках данной ситуации у отдельных людей (но чаще — их групп) появляется шанс участвовать своими действиями в процессе исторического выбора, в котором проявляется их сознательное начало.

Парадигма КФМ «возможность — действительность», на мой взгляд, обладает следующими положительными характеристиками: 1) фиксирует присутствие в прошлом ситуаций, содержавших ряд возможностей (в противоположность одновариантным

периодам); 2) предлагает изучать их ученым-гуманитариям; 3) признает влияние исторических субъектов на процесс выбора «одной» из возможностей.

Негатив можно резюмировать следующим образом. Во-первых, тезис об обязательном «исчезновении» нереализованных возможностей блокировал исследования дальнейшего бытия подобных потенциальных вариантов. Такое занятие казалось многим ученым бесполезным.

Во-вторых, исторические возможности часто рассматривались как сугубо событийные, поверхностные, не касающиеся структурных сфер исторического процесса. И этим недостатком порой «грешило» историческое познание в СССР как со стороны собственно историков, так и обществоведов-философов. Характерный пример. Л. В. Скворцов полагал, что в ходе Пунических войн (264—146 гг. до н. э.) в действительности могла восторжествовать альтернативная реализовавшаяся на практике возможность: доминирование в Средиземноморье Карфагена. Однако далее заключал: «Господство одной империи сменилось бы господством другой. Сущность истории того времени от этого не изменилась бы» [27, с. 100]. Значит, поскольку альтернативная действительности возможность (превращение в «мировую» империю Карфагена вместо Рима) возникает в рамках одной (рабовладельческой) социально-экономической формации, то ее практическая реализация на эмпирическом (событийном) уровне фундаментально на прошлое не влияла. Впрочем, тенденция отождествлять исторические возможности с чем-то исключительно событийным, а не структурным имеет место и у современных исследователей.

В-третьих, парадигма «возможность—действительность», противопоставлявшая указанные понятия, по справедливому замечанию М. А. Чешкова, давала рассуждениям на тему «что было бы, если?» в историческом познании «однозначную», «достаточно плоскую» интерпретацию [10, с. 14]. Это обстоятельство часто мешает КФМ прошлого развиваться, повышать свой эвристический потенциал.

Бифуркационная парадигма КФМ

Бифуркационная парадигма КФМ, в отличие от POSSИБИЛИСТСКОЙ, имеет иную теоретическую основу. Базируется не на философской концепции «возможность—действительность», а на междисциплинарном

направлении научного познания: синергетике. Она дает базовую модель, позволяющую проводить в том числе и КФМ прошлого. Поскольку автор затрагивал данный сюжет в прежних работах [см. 21], остановимся на содержании синергетической модели лишь в самых общих чертах.

Синергетика (в варианте И. Пригожина и его школы) предполагает, что в любых окружающих человека мирах (физическом, биологическом, социальном) имеет место постоянный переход от равновесных (упорядоченных, где властвуют законы) к неравновесным (господство случайностей) системам. Первые отождествляются с Порядком, вторые — с Хаосом. Обратное движение от Хаоса к Порядку идет через особое (спонтанно формирующееся) образование: точку бифуркации. Здесь из ряда вариантов развития системы осуществляется лишь один, дающий начало новому Порядку. Однако предвидеть, какая возможность осуществится на практике, не получится в силу воздействия на подобный процесс принципиально не прогнозируемых факторов (от внезапного стихийного бедствия до появления в данном социуме «излишне» харизматической личности). Подобный порожденный Хаосом фактор может «столкнуть» систему на один из маловероятных путей дальнейшего Порядка. Затем начинается новый период одновариантного линейного развития до следующего этапа Хаоса. Следовательно, становление систем идет по схеме: порядок — хаос — точка бифуркации — новый порядок. На мой взгляд, по центральному понятию синергетики рассматриваемую парадигму КФМ тоже стоит назвать «бифуркационной».

Сформулируем базовые положения бифуркационной парадигмы КФМ:

1. Для любых систем, включая социальные, характерен переход от равновесных состояний к неравновесным и назад. Движение от Хаоса к Порядку происходит через переходное состояние — точку бифуркации.
2. Понятие «точка бифуркации», схема ее становления, может быть адаптировано для анализа исторического процесса. Именно для изучения подобных ситуаций и нужно КФМ прошлого.
3. Существование переходных состояний скоротечно. Наблюдавшиеся в них варианты исторического процесса со временем исчезают. Как отмечал Г. И. Рузавин, «когда определенный путь будет выбран, тог-

да дальнейшее движение системы подчиняется детерминистическим законам до следующей бифуркации» [26, с. 69]. Существовавшие в данной «точке» варианты исчезают.

Бифуркационная парадигма в рамках КФМ обладает значительным эвристическим потенциалом. Укажу лишь на некоторые его проявления. Во-первых, создаются аналогичные по содержанию, но отличные по форме от базового понятия синергетики категории: «узловая точка истории» (И. Валлерстайн и др.), «критическая точка истории» (Ю. Жуков и др.), «сингулярная точка истории» (А. Панов), «историческая развилка» (В. Лещенко и др.), «высшая точка (социального) развития» (В. Иноземцев) и т. п. Специалисты получают неограниченную возможность разрабатывать с теоретических позиций содержание именно «своей» категории, порой не обращая внимание на «чужие».

Во-вторых, бифуркационная модель синергетики, диктуемая ей схема развития систем, становится настолько распространенной, что источник ее порождения ученые просто «забывают» назвать. Так, Ю. В. Жуков определяет «критическую точку истории» следующим образом: временной отрезок, на котором исторический процесс или его части трансформируются из одного качественного состояния в другое. «...Во внутреннюю массу критической точки <...> заложены альтернативные пути (курсив мой — В. Н.) развития всего исторического процесса или отдельных его частей и направлений» [9, с. 86]. Здесь можно вспомнить девиз одной когда-то популярной в России рекламы: «они выросли и забыли своих родителей».

В-третьих, специалисты начинают активно искать в различные периоды мировой или отечественной истории соответствующие переходные состояния, которые либо продолжают называть «бифуркациями», либо иными, более специальными терминами, например, «историческая развилка» [12].

В-четвертых, бифуркационная парадигма, в еще большей мере, чем попперистская, провозглашает важным фактором (подлежащим исследованию в т. ч. и с помощью КФМ) и индивидуальный, и коллективный выбор (действие) в социальной «точке бифуркации», подводит под него «системное» обоснование.

В-пятых, как правило, поиск переходных исторических состояний и содержащихся здесь альтернатив становится востребованным в период каких-либо социальных потрясений, когда ученые пытаются най-

ти в прошлом ответы на «мучающие» их в настоящем вопросы. Так, в СССР интерес к историческим «развилкам» проявился в заключительный период «перестройки» 1988—1991 гг., когда специалисты искали способы не только переосмысления истории Советского государства с 1917 г., но спасения от распада разрушающейся на их глазах страны [32]. Причем данные усилия ретроспективно нельзя оценивать только отрицательно. Например, по мнению В. П. Данилова, «если взглянуть на отечественную историческую литературу... примерно с осени 1989 г., то взору предстанет сюрреалистическая картина: в облаках дыма и пыли, поднявшихся над распадающимся общественным зданием, ... проплывают «миражи» <...> «несбывшихся возможностей», мечутся в ожесточенной схватке «проклятая ментальность» и «роковая случайность»» [7, с. 95]. Поиск «несбывшихся возможностей» прошлого, в том числе через обнаружение «точек бифуркации», имеет и позитивную сторону. Учеными ведь реконструировались не только «миражи» (маловероятные с точки зрения реализации ситуации), подобные «Бухаринской альтернативе» происшедшему в СССР в 1930-е гг., но и более ранние исторические «развилки» (1920-х гг., периода нэпа и т. д.). В конце концов таким путем специалисты просто «учились» грамотно рассуждать на тему «что было бы, если?», получая на выходе не только заблуждения, но и полезные результаты. В противном случае они не стали бы в 2000-е гг. осмысливать уже период «перестройки» 1985—1991 гг. как своеобразную «бифуркацию» [5].

Негатив бифуркационной парадигмы резюмируем по следующим направлениям.

1. Внимание преимущественно к политически ангажированным периодам прошлого. «...Эти узлы с пониженной предсказуемостью являются моментами революций или резких исторических сдвигов» [14, с. 360].
2. Попытки математизировать, «оцифровать» процесс поиска точек бифуркации, что ограничивало временной диапазон КФМ прошлого, как отмечал М. Левандовский, современностью и «поздним» Новым Временем [Цит. по: 33, с. 65]. Соответственно, получалось, что относительно античности и средневековья корректные контрфактические исследования прошлого проводить бесполезно, ибо об этих периодах нет «точной» информации и реконструкция переходных состояний здесь невозможна.

Действительность оказывалась сложнее ее математических описаний и в другом смысле. Ученым относительно точек бифуркаций и существовавших здесь альтернативных вариантов порой приходилось строить не одну модель, а «целую иерархию математических моделей различного уровня» [11, с. 104]. Возникла проблема их согласования между собой.

3. Признание положения поппилистской парадигмы об исчезновении альтернативных вариантов за пределами точки бифуркации. Она рассматривается как «механизм перехода в новое устойчивое состояние <...> и тем самым выбора одного из возможных путей развития...» [2, с. 171].
4. Количество точек бифуркации постоянно меняется. На их выделение часто влияет субъективизм исследователей, политическая конъюнктура и т. п. внешние факторы, а не научно обоснованные критерии. Особо отмечу: в периоды социальных кризисов наблюдается четко выраженная тенденция к пересмотру со стороны ученых числа данных точек — в сторону его увеличения. В итоге специалисты порой противоречат друг другу в указанном вопросе.

Поппилистская и бифуркационная парадигмы КФМ: сходства и отличия

В целом поппилистская (возможность-действительность) и бифуркационная парадигмы КФМ оказывались в методологическом плане сходными друг с другом. Прежде всего они исходили из наличия сменяющих друг друга периодов одновариантного исторического процесса и его альтернативных состояний; придавали в последних важную роль индивидуальному (бифуркационная) и коллективному (поппилистская) выбору людьми одной из альтернатив; констатировали, что нереализованные в переходных состояниях возможности (альтернативы) исчезают из исторического процесса. Различия парадигм коренились в терминологии (поппилистская именovala переходные состояния «возможностями», бифуркационная — «точками бифуркации» и иными аналогичными понятиями); опоре на отличную дисциплину (философия и синергетика, порожденная физикой); онтологическом

обосновании (поппилистская парадигма уделяет большее внимание коллективному выбору пути развития в переходном состоянии, бифуркационная — индивидуальному, по сути придавая им одинаковое, решающее влияние в переходном состоянии истории). В итоге КФМ в рамках обеих парадигм сосредотачивалось на локализации объекта изучения в отдельные исторические периоды, соглашалось с перспективой его исчезновения за указанными пределами.

Ретропрогностическая парадигма КФМ

Ретропрогностика — парадигма КФМ прошлого, ориентированная на изучение альтернатив минувшего путем реконструкции предмета, методологии, функций такого анализа на базе его редукции (с учетом имеющейся специфики) к познанию будущего. Значит, за основу в рамках данной парадигмы берется социальное прогнозирование (прогностика). Ретропрогностика устойчиво востребована, например, у отечественных ученых, занимающихся КФМ. Интерес к ней заметен в 1990-е гг. [1], фиксируется 15 лет назад [6, с. 66], а сегодня она рассматривается специалистами как важная составляющая, формирующая в России специфическое национальное представление о прошлом [17, с. 99—114].

Однако на пути методологии ретропрогностики есть и проблемы. Прежде всего дискуссионным остается вопрос: кто осуществляет подобный анализ? В расширительной трактовке субъектами ретропрогнозирования оказываются не только ученые, но и «российская нация в целом», которая в подобном творчестве, не опирающемся на критерии научности, выражает «отношение к современным реалиям» [17, с. 102]. Не отрицая возможность подобного подхода, отметим, что этими категориями субъекты не исчерпываются и нуждаются в дальнейшей классификации. Кроме ученых и населения страны (причем, не только РФ), сюда надо отнести писателей, политиков (скажем, политическая элита Прибалтийских государств желает получить от РФ финансовые «репарации» за ущерб от включения в состав СССР 1940 г., ибо по местному «ретропрогнозу» без «оккупации» данные государства жили бы теперь на уровне Швеции или Финляндии [10, с. 5; 20, с. 347—349]) и т. д.

Относительно предмета КФМ рассуждения сторонников ретропрогностики достаточно просты, строятся по аналогии. Дело в том, что изучение будущего предполагает

познание нескольких его вариантов. Такой подход можно назвать альтернативистикой [1, с. 113]. Значит, для анализа ряда альтернатив прошлого создается ретроальтернативистика, ее «зеркальное (курсив мой — В. Н.) отражение...» [1, с. 113]. Поскольку в обоих случаях речь идет о прогнозировании (только не будущего, а прошлого), постольку парадигма КФМ, отражающая такой подход, на мой взгляд, в корректной форме может быть названа «ретропрогностической».

В плане методологическом в рамках ретропрогностической парадигмы обязательно строятся сценарии потенциального прошлого. Содержание альтернатив раскрывается в виде определенных описаний. Это проявилось уже у Тита Ливия, который рассмотрел возможную войну империй Рима и Александра Македонского с учетом следующих факторов: сопоставление тактических и стратегических способностей полководцев противников; сравнение количества, видов войск, резервов сторон, их мобилизационных ресурсов; готовность армий к затяжным войнам [28, с. 517—522]. В дальнейшем начинают создаваться конкретные правила контрфактического моделирования прошлого у К. Клаузевица, М. Вебера, Д. Мило, И. В. Бестужева-Лады¹ и др. [см.: 1, с. 122; 3, с. 463—485; 15, с. 155—157; 18, с. 196]. Конечно, высказывается и противоположное мнение: «Ахиллесовой пятой ретропрогностики всегда было слабое методологическое обеспечение. У нее нет четких приемов исследования» [6, с. 72]. На мой взгляд, дело в другом: «приемов исследования» (правил) столь много, что их надо приводить к универсальности.

Задачи ретропрогноза при таком подходе становятся сугубо прагматическими. Гносеологически это — объяснение того, почему именно данный вариант (из ряда возможных) стал основным. (В результате КФМ становится одним из «вспомогательных» средств исторической науки). Этически — уберечь людей от повторения сходных ошибок в новых исторических условиях [1, с. 113]. Аксиологически — оценка степени оптимальности, «эффективности избранного (в реальности — В. Н.) пути» [6, с. 66].

Возможно, целесообразно, как предлагает Ю. В. Латов, включить в структуру данной парадигмы не только научно обоснованные исследования, но и «ретропрогностические представления», т. е. представления (мне-

¹ Отмечу интересный факт: некоторые из перечисленных специалистов полагали, что работают в рамках попперовской парадигмы, но в действительности выходили за ее пределы.

ния) населения страны о том, «как надо было поступать в прошлом, чтобы добиться лучшего настоящего» [17, с. 106]. Тем самым в контрфактическое моделирование (на базе скажем, социологических опросов относительно альтернатив какого-то конкретного периода прошлого) входит «голос» не только научного сообщества, но и обычных людей, рядовых создателей «национальной исторической ментальности». К такому предложению, на мой взгляд, стоит прислушаться, но пока остаются открытыми механизмы «перевода» подобных ожиданий в научную ретропрогностику.

Суть ретропрогностической парадигмы КФМ выражают следующие положения: 1) КФМ может проводиться относительно любого периода прошлого; 2) КФМ по предмету — ряд альтернатив прошлого; 3) раз сходимый по форме объект (альтернативы будущего) изучает социальное прогнозирование, то оно и должно быть взято за методологическую основу при моделировании альтернатив прошлого; 4) необходимо по определенным правилам создавать альтернативные сценарии прошлого (как это делает прогнозирование в отношении альтернатив будущего); 5) цель КФМ — объяснение причин реализации и оценка степени эффективности осуществившегося на практике варианта.

Позитив ретропрогностической парадигмы. Во-первых, она онтологически и гносеологически оправдывает создание альтернативных сценариев прошлого. Ныне некоторые ученые уверены, что анализ многовариантных сценариев целесообразно проводить лишь в отношении будущего [30, с. 15]. Данная парадигма обосновывает потребность формирования сценариев применительно к прошлому.

Во-вторых, ретропрогностическая парадигма, в отличие от попперовской и бифуркационной, не сводит феномен альтернативности к отдельным переходным состояниям (историческим развилкам, критическим точкам истории, точкам бифуркации и т. п.), а рассматривает его более широко, на протяжении всего исторического процесса.

В-третьих, ретропрогностическая парадигма не требует для создания сценариев альтернативного прошлого избыточной количественной информации, включая математическую (о чем говорил М. Левандовский и другие). Отсюда она позволяет «продвигать» КФМ в историческом времени от современности в более удаленные периоды. Хотя надо отметить, что число ученых,

работающих в данном направлении и опирающихся на точные науки, тоже растет.

В-четвертых, ретропрогностическая парадигма не обязана принимать тезис (хотя некоторые специалисты в ее рамках это делают) о том, что нереализованные возможности (варианты) прошлого обязательно куда-то «исчезают» после некоторого «альтернативного» периода. Такой подход дает простор для раскрытия «бытия несвершившегося» (С. А. Модестов) [19], т. е. изучения путей существования потенциальных вариантов прошлого в «равновесные» исторические периоды, их сложных форм взаимодействия с реальным прошлым.

В-пятых, ретропрогностическая парадигма получает научный характер «за счет использования проверяемых и доказательных методов исследования, привлечения адекватных проблеме источников» [2, с. 73].

В-шестых, расширяет имеющиеся знания о прошлом. Один из наиболее интересных в данном плане — созданный специалистами по экономической демографии ретропрогноз, посвященный выявлению численности населения России конца XX в. без крупных социальных конфликтов первой половины столетия, сравнению полученных цифр с нынешними показателями. Данные исследования, по мнению Н. Я. Петракова, дают крайне пессимистическую картину. По самым минимальным оценкам, на каждого живущего в конце XX в. «россиянина (а их около 148 млн) приходится одна тень человека, который был бы нашим сверстником» [23, с. V]. Создан ретропрогноз относительно эволюции социально-экономических процессов «... в среде крестьянства при условии сохранения нэпа» [2, с. 73] в СССР после 1929 г., позволяющий дать взвешенную (а не эмоционально мотивированную) оценку как реальности (проводимой под руководством И.В. Сталина политики «великого перелома» в деревне), так и «Бухаринской альтернативе» коллективизации. Не стоит забывать и о работе Р. Фогеля [34], где создана модель экономического развития США XIX в. без железных дорог, которая базируется на математических расчетах и выводы которой оказались противоположны устоявшейся среди ученых ранее точке зрения.

Негативные стороны ретропрогностической парадигмы сводятся к следующим. Во-первых, изучение прошлого и будущего как в плане предмета, так и методологии похожи, но не тождественны. Поэтому ретропрогностика как «зеркальное отражение» в прошлое социального прогнозирования

не верна. У КФМ прошлого целесообразно выявить специфические предмет и средства исследования. Во-вторых, здесь часто не указаны способы выделения исторических альтернатив, что открывает порой простор произволу конкретного ученого. В-третьих, КФМ превращается во «вспомогательное средство» исторической науки, а не самостоятельное направление изучения прошлого. (Подобно философии, которую в средневековье Фома Аквинский и иные теологи называли «служанкой богословия»). В-четвертых, опять-таки опора на количественную информацию часто мешает проникновению КФМ в рамках данной парадигмы вглубь веков, от XIX—XX столетий.

Заключение

В работе рассмотрены POSSИБИЛИСТСКАЯ, бифуркационная, ретропрогностическая парадигмы КФМ прошлого. Все они раскрывают КФМ не как суверенный субъект познания, а как объект, к которому приложимы представления о предмете, методах, функциях исторического исследования из философии, синергетики, социального прогнозирования. Автор исходит из принципиально иной позиции, согласно которой КФМ — самостоятельное, междисциплинарное направление познания прошлого. Оно, на мой взгляд, должно не само быть «служанкой» какой-то дисциплины, а использовать информацию из других областей знания в собственных целях для лучшего исследования альтернатив прошлого. КФМ нуждается в специфических средствах выдвижения гипотез, выделении структуры контрфактических сценариев, способов их проверки. Авторский вариант решения подобных задач изложен в ряде работ [см., напр., 20]. Разумеется, при таком подходе отдельные «наработки» каждой парадигмы тоже пригодятся ученым.

Существующие парадигмы КФМ носят неоднозначный характер. Методологически POSSИБИЛИСТСКАЯ и бифуркационная во многом повторяют базовые положения друг друга. Ретропрогностическая выглядит на их фоне более самостоятельной, а потому — предпочтительной. К тому же, она не стремится замкнуть альтернативность прошлого в какой-то одной его «точке», вырабатывает ряд правил раскрытия содержания альтернатив. Впрочем, каждой из исследуемых парадигм, на мой взгляд, не хватает в качестве методологической посылки исследования тезиса, озвученного А. В. Гулыгой: «Историческое событие, совершившись, не

переходит в чистое небытие. Оно продолжает жить, и подчас не только в сознании людей, но и в материальных процессах» [Цит. по: 29, с. 10].

Надо понимать, что указанные парадигмы в конкретном контрфактическом исследовании прошлого не существуют в «чистом» виде, а их базовые положения «переплетаются» между собой. Например, Л. И. Бородкин одни потенциальные ситуации исторического прошлого России — СССР моделирует в рамках ретропрогностической, другие — бифуркационной парадигмы [2, с. 72—98, 183—215]. Более того, на уровне чисто теоретическом специалисты советуют начинать с бифуркационной парадигмы, а потом переходить к ретропрогностической [6, с. 68—69]. Здесь, на мой взгляд, возможны различные комбинации парадигм, определяющие эффективность анализа. Несомненно одно: знать эти теоретические конструкции сами по себе необходимо для совершенствования методологии КФМ прошлого.

Кроме того, наличие парадигм играет важную роль в обосновании научности КФМ. Некоторые специалисты до сих пор отождествляют такой подход с «гаданиями». Так, Р. Хаас утверждает: «В изучении истории принято задаваться вопросом: «Что было бы, если бы?» Повторюсь, нам остается лишь гадать, что произошло бы в ином случае...» [31, с. 96]. И примеров отождествления КФМ с «гаданиями» в нашей стране и за рубежом можно найти не мало. Присутствие же в рамках КФМ устойчивых теоретических позиций, которых придерживаются группы ученых, говорит об обратном заявленному тезису: КФМ, опирающиеся на соответствующие парадигмы, носят научный характер.

Резюмируем перспективы исследования парадигм КФМ.

1. Автор не склонен считать, что количество парадигм КФМ, выделенных в данной работе, окончательно. Поэтому их поиск целесообразно продолжить.
2. Представляет интерес подробное рассмотрение этапов эволюции раскрытых в данной работе, или иных возможных парадигм КФМ, дальнейшая фиксация их базовых положений.
3. Отсутствие знания о наличии парадигм КФМ порой приводит к тому, что специалисты начинают использовать одну из них как своеобразную методологическую «дубинку», которая выступает единственно «правильной» точкой зрения на данный предмет, а его иные трактовки являются якобы

сугубо заблуждениями, антинаучными фантазиями, гаданиями. Как пример можно привести использование поппибилистской парадигмы обществоведов СССР, которые на ее базе порой стремились показать бесполезность КФМ как таковых. «Одна возможность («если бы») связывается с другой, другая — с третьей... Получается целая цепь выводимых друг из друга вероятностей, уже никоим образом не связанных с действительными тенденциями исторического развития» [8, с. 380]. Признание же наличия определенных, нескольких парадигм КФМ, выявление их базовых положений, способно хотя бы отчасти положить конец подобным спекуляциям.

4. Заслуживает отдельного анализа и набор ценностных установок, составляющих ученых выбирать какую-либо парадигму КФМ, их связь с ценностной динамикой общества в целом [25].

---

1. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 113—122.

2. Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2017. 306 с.

3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

4. Виртуальная история: альтернативы и предположения / под ред. Н. Фергюсона. М.: АСТ, 2019. 656 с.

5. Ворожейкина Т. Е. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 17—22.

6. Губбеева З. О. Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса // Вестник АГТУ. 2005. № 5 (28). С. 66—74.

7. Данилов В. П. Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 95—101.

8. Диалектический и исторический материализм. М.: Политиздат, 1968. 392 с.

9. Журов Ю. В. Проблемы методологии истории. Брянск: Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1996. 144 с.

10. История в сослагательном наклонении? // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: Наука, 2000. С. 5—85.

11. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М. : Наука, 1997. 285 с.

12. Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М. : КоЛибри, 2005. 638 с.

13. Ковальченко И. Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. 1986. № 4. С. 82—95.

14. Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? (закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 353—364.

15. Клаузевиц К. О войне. М. : Логос, 1997. 507 с.

16. Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 296 с.

17. Латов Ю. В. Ретропрогнозирование как элемент национальной исторической ментальности // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 99—114.

18. Мило Д. За экспериментальную, или веселую, историю // THESIS. 1994. № 5. С. 185—205.

19. Модестов С. А. Бытие несвершившегося. М. : Московский общественный научный фонд, 2000. 176 с.

20. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Контрфактическое моделирование прошлого в обыденном познании: уроки для ученого // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 336—352.

21. Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 96—105.

22. Норт Д. Наполеоновские войны. Что, если? М. ; СПб. : АСТ, 2002. 539 с.

23. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М. : Экономика, 1998. 286 с.

24. Пламя «холодной войны»: победы, которых не было. М. : АСТ, 2004. 476 с.

25. Покровская Т. П., Майкова В. П., Молчан Э. М. Духовно-нравственные ценности как феномены социальных систем // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 40—48.

26. Рузавин Г. И. Неопределенность, вероятность и прогноз // Вопросы философии. 2005. № 7. С. 65—75.

27. Скворцов Л. В. История и антиистория. М. : Политиздат, 1976. 230 с.

28. Тит Ливий. История Рима от основания города : в 3 т. Т. I. М. : Ладомир, 2002. 702 с.

29. Философские проблемы исторической науки. М. : Наука, 1969. 321 с.

30. Шевченко В. В. Многовариантность исторического развития : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2005. 25 с.

31. Хаас Р. Мировой беспорядок. М. : АСТ, 2019. 320 с.

32. XX век: альтернативы развития (материалы «круглого стола») // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 1 С. 60—71; № 2. С. 77—97.

33. Юзефович Г. Сад расходящихся тропок // Ежедневный журнал. 2002. № 10. 13. марта. С. 63—66.

34. Fogel R. Railroads and American Economic Growth: essays in Econometric History. Baltimore : The John Hopkins Univ. Press, 1964. 343 p.

References

1. Bestuzhev-Lada I.V. (1997) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 113—122 [in Rus].

2. Borodkin L.I. (2017) *Modelirovanie istoricheskikh processov: ot rekonstrukcii real'nosti k analizu al'ternativ*. St. Petersburg, Aletejya Publ., 306 p. [in Rus].

3. Veber M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 808 p. [in Rus].

4. *Virtual'naya istoriya: al'ternativy i predpolozheniya* (2019). Moscow, AST, 656 p. [in Rus].

5. Vorozhejkina T.E. (2005) *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 17—22. [in Rus].

6. Gubbyeva Z.O. (2005) *Vestnik AGTU*, no. 5 (28), pp. 66—74. [in Rus].

7. Danilov V.P. (1993) *Novaya i novejschaya istoriya*, no. 6, pp. 95—101 [in Rus].

8. *Dialekticheskij i istoricheskij materializm* (1968). Moscow, Politizdat, 392 p. [in Rus].

9. Zhurov Yu. V. (1996) *Problemy metodologii istorii*. Bryansk, Izd-vo Bryanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Publ., 144 p. [in Rus].

10. *Istoriya v soslagatel'nom naklonenii?* (2000)// *Odissej. Chelovek v istorii*. 2000. Moscow, Nauka Publ., pp. 5—85 [in Rus].

11. Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G. (1997) *Sinergetika i prognozy budushhego*. Moscow, Nauka Publ., 285 p. [in Rus].

12. Karacuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. (2005) *Vybiraya svoyu istoriyu. «Razvilki» na puti Rossii: ot Ryurikovichey do oligarhov*. Moscow, KoLibri Publ., 638 p. [in Rus].

13. Koval'chenko I.D. (1986) *Istoriya SSSR*, no. 4, pp. 82—95 [in Rus].

14. Lotman Yu.M. (1994) *Iz'yavlenie Gospodne ili azartnaya igra? (Zakonomernoe i sluchajnoe v istoricheskom processe)* // Yu.M. Lotman i tartusko — moskovskaya semioticheskaya shkola. Moscow, Gnozis Publ., pp. 353—364. [in Rus].
15. Klauzevic K. (1997) *O vojne*. Moscow, Logos Publ., 507 p. [in Rus].
16. Kun T. (1998) *Struktura nauchnyh revolucij. Blagoveshchensk, BGK im. I.A. Boduena de Kurtene Publ.*, 296 p. [in Rus].
17. Latov Yu.V. (2019) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 99—114. [in Rus].
18. Milo D. (1994) *THESIS*, no. 5, pp. 185—205. [in Rus].
19. Modestov S.A. (2000) *Bytie nesvershivshegosya*. Moscow, Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond Publ., 176 p. [in Rus].
20. Nekhamkin A.N., Nekhamkin V.A. (2018) *Dialog so vremenem*, no. 65, pp. 336—352. [in Rus].
21. Nekhamkin V.A. (2019) *Socium i vlast'*, no. 2 (76), pp. 96—105. [in Rus].
22. Nort D. (2002) *Napoleonovskie vojny. Chto, esli?* Moscow, St. Petersburg, AST Publ., 539 p. [in Rus].
23. Petrakov N. Ya (1998) *Russkaya ruletka. Ekonomicheskij eksperiment cenoyu 150 millionov zhiznej*. Moscow, Ekonomika Publ., 286 p. [in Rus].
24. Plamya «holodnoj vojny»: *Pobedy, kotoryh ne bylo* (2004) Moscow, AST Publ., 476 p. [in Rus].
25. Pokrovskaya T.P., Majkova V.P., Molchan E.M. (2019) *Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 2, pp. 40—48. [in Rus].
26. Ruzavin G.I. (2005) *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 65—75. [in Rus].
27. Skvortcov L.V. (1976) *Istoriya i antiistoriya*. Moscow, Politizdat Publ., 230 p. [in Rus].
28. Tit Livij (2002) *Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda: v 3 t. I*. Moscow, Ladomir Publ., 702 p. [in Rus].
29. *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* (1969). Moscow, Nauka Publ., 321 p. [in Rus].
30. Shevchenko V.V. (2005) *Mnogovariantnost' istoricheskogo razvitiya*. Abstract of thesis. Volgograd, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet Publ., 25 p. [in Rus].
31. Haas R. (2019) *Mirovoj besporyadok*. Moscow, AST Publ., 320 p. [in Rus].
32. XX vek: *al'ternativy razvitiya (Materialy «kruglogo stola»)* (1989) *Rabochij klass i sovremennyy mir*, no. 1, pp. 60—71; no. 2, pp. 77—97. [in Rus].
33. Yuzefovich G. (2002) *Ezhenedel'nyj zhurnal*, no. 10, March 13, pp. 63—66. [in Rus].
34. Fogel R. (1964) *Railroads and American Economic Growth: essays in Econometric History*. Baltimore, The John Hopkins University Press Publ., 343 p. [in Eng].

For citing: Nekhamkin V.A.
Paradigms of counterfactual modelling
of the past in social cognition:
results and development prospects //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 7—18.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18

UDC 167. 7; 93

PARADIGMS OF COUNTERFACTUAL MODELLING OF THE PAST IN SOCIAL COGNITION: RESULTS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 119602,
Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1
E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The article is focused on identifying and studying the paradigms that arose in the framework of counterfactual modelling of the past by the end of the twentieth century. The author highlights basic concepts, strengths and weaknesses of various paradigms. Some particular prospects of forming these paradigms in historical knowledge and beyond it are fixed.

The aim of the paper is to identify stable positions (paradigms) existing in counterfactual modelling of the past, and to compare them with each other.

Methods. The author uses the following general scientific methods in the study: modelling, structural-functional, systemic and comparative analysis.

Scientific novelty of the study. The author introduces the concept "paradigm of counterfactual modelling of the past" and outlines three

paradigms: possibilistic (possibility-reality); bifurcation; retro-prognostic, pointing out the basic ideas of these paradigms and determining the sources generating each of them.

Results. In the work, the author proves that the concept "paradigm" can be applied to counterfactual modelling of the past. It is found that the possibilistic paradigm is generated by philosophy, the bifurcation paradigm is generated by synergetics, and the retro-prognostic paradigm is generated by social forecasting. There is an extrapolation of these areas of knowledge, their methodology to counterfactual modelling of the past. The author shows that the basic principles of the possibilistic and bifurcation paradigms are largely similar, while those of the retro-prognostic paradigm are significantly different from them.

Conclusions. The author identifies, considers and reconstructs the content of the three paradigms of counterfactual modelling of the past, but a larger number of paradigms can be identified. It is shown that when studying a specific alternative situation of the past, these paradigms can be used in its entirety. It is stated that each paradigm is not completed. It needs constant theoretical and methodological development and improvement. The author specifies high heuristic potential of each paradigm in the studied area. The author is of the opinion that it is necessary to move away from the dominant possibilistic, bifurcation, retro-prognostic paradigms towards developing a methodologically independent counterfactual modeling of the past, making use of those paradigms advantages for the purposes of the latter.

Key concepts:

paradigm,
counterfactual modelling of the past,
possibilistic paradigm,
bifurcation paradigm,
retro-prognostic paradigm.

Для цитирования: Зырянов С. Г.,
Лукин А. Н. Эволюция взглядов
на взаимосвязь гражданского общества
и государства в истории политической мысли //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 19—30.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-19-30

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-19-30

УДК 1.091; 316.3

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал, директор филиала,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: director@rane74.ru

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются историко-философские предпосылки зарождения идеи гражданского общества. Уже в эпоху античности, рассуждая об идеальном государстве, Аристотель приписывает ему признаки, которые мыслителями более позднего времени будут признаны необходимыми условиями для возникновения и развития гражданского общества. В Новое время возникает теоретический концепт гражданского

общества, который будет развит последующими поколениями мыслителей, осмысливающими новую капиталистическую экономическую и социальную практику. Идеи философов Просвещения окажут существенное влияние на развитие демократии и гражданского общества в европейских странах и в Северной Америке. В Новейшую эпоху в большинстве стран, вступивших на путь модернизации, формируется, в той или иной степени, гражданское общество. Однако социальные реформы могут быть успешны только в том случае, если они учитывают культурно-историческую специфику социума. В этой связи рядом экспертов предпринимаются попытки теоретического обоснования возможности создания принципиально отличной от европейской модели гражданского общества, основанного на традиционных ценностях конкретного социума. Это в полной мере касается России, которая в настоящее время находится в политической и цивилизационной оппозиции к западным странам. Ряд авторитетных политических и научных российских экспертов отводят решающую роль государству в становлении и развитии институтов гражданского общества, тогда как большинство западных теоретиков указывают на самоорганизацию граждан как базовый атрибутивный признак гражданского общества. При этом если принять первую позицию за более близкую к истине, то при её логическом развитии возникает опасность выхолащивания самой сути гражданского общества. В этих условиях, на наш взгляд, проведение историко-философского анализа появления, формирования и развития представлений о гражданском обществе будет вполне уместным и продуктивным. Чтобы двигаться дальше в осмыслении феномена гражданского общества, стоит более чётко проследить предысторию существующих взглядов на него.

Ключевые понятия:

гражданское общество,
государство,
гражданские свободы,
гражданская активность,
гражданственность.

Введение

Интерес к проблематике гражданского общества в современной научной литературе, как зарубежной, так и российской, весьма устойчив. Если обратиться к поисковой системе электронной библиотеки «eLIBRARY», то при наборе словосочетания «гражданское общество», даже при ограничении поиска статьями научных журналов за 2016—2019 гг., система предложила для просмотра 1418 источников на эту тему. Столь часто предметом исследования гражданское общество становится вследствие устойчивого тренда на возрастание его роли в жизни общества в демократических странах. С другой стороны, обилие публикаций — это ещё и свидетельство отсутствия единства во взглядах экспертов на сущность, структуру и функции гражданского общества, а также на универсальность его концепции и на тенденции развития во всех странах мира, и в частности в России. Должен ли может ли опыт когорты государств, объединённых лейблом «западные демократии», в развитии гражданского общества в полной мере применяться в российских условиях, либо он может быть учтён лишь в преломлении к нашей культурно-исторической традиции? Если следовать принципу историзма, то логично допустить, что не только российское общество, но и другие государственно-этнические акторы будут формировать своё особенное гражданское общество. Ну а с другой стороны, можно ли генерировать какую-то новую модель гражданского общества? Наконец, является ли гражданское общество закономерным результатом общественного развития, или это идеальная модель, теоретический конструкт, даже симулякр, по выражению Ж. Бодриера, «замещающий агонизирующую реальность псевдореальностью» [2]? Эти вопросы требуют поиска и формулировки соответствующих ответов.

В то же время для консолидации российского общества стоит выработать идею, при реализации которой можно было бы достичь гармонии в соотношении государственных и частных интересов. Тут исторический опыт западных демократий вполне может пригодиться.

Итак, в сложившейся ситуации будет уместно хотя бы в общих чертах проследить за развитием представлений о гражданском обществе в истории человеческой мысли. Прежде чем двигаться дальше, следует провести инвентаризацию накопленного багажа знаний. Глубокое и всестороннее

исследование концепта гражданского общества предполагает использование междисциплинарного подхода, опирающегося на теоретико-методологические наработки социальной философии, политологии, социологии, права, истории, культурологии и экономики. Понимая ограниченный объём статьи, мы тем не менее постараемся охарактеризовать основные этапы эволюции идей о гражданском обществе как социальном и политическом феномене.

1. Предыстория становления идеи гражданского общества в Античности и её развитие в Новое время

Древняя Греция — интеллектуальная колыбель европейской цивилизации. Именно античным философам принадлежит пальма первенства в постановке ключевой проблемы гражданского общества, попытке концептуально осмыслить дилемму взаимодействия государства и граждан в сложившейся на тот момент общественно-исторической ситуации в жизни полисов — городов-государств.

Для взглядов античных мыслителей характерно отождествление государства и общества. Идеальная модель государства, созданная пытливым и рациональным гением Платона, не оставляла много места для реализации частных интересов населения полиса. В его идеальном городе-государстве всё подчинено интересам общественного целого. Нет института частной собственности. Даже жёны и дети должны быть общими. Это, впрочем, не предусматривало беспорядочных половых связей, так как лучшие жёны должны были рожать от лучших мужей, а худшие — от худших. Все социальные роли расписаны. Философы управляют государством, стражи его защищают, ремесленники и крестьяне обеспечивают жителей одеждой, предметами быта и пищей [18]. Общество Платона вертикально иерархизировано, и в этом идеальном государстве воплощена абсолютная монетизированная идея общественного разделения труда, основанного на авторитарном порядке, и здесь невозможно обнаружить предпосылок для появления гражданина и гражданского общества в современном его понимании.

Гораздо больше возможностей для исследователей генезиса представлений о гражданском обществе открывают труды ученика Платона — Аристотеля, у которого в трактате «Политика» появляется и обо-

сновывается необходимость частной собственности граждан, которым среди прочего необходим досуг и относительная свобода от удовлетворения первичных потребностей для размышления и участия в государственных делах. Для устойчивости общества, по мнению Аристотеля, важно наличие большой доли граждан с собственностью умеренного размера, так как слишком богатые стремятся к олигархическому строю, а неимущие — к демократии, а обе эти формы античный мыслитель считал несовершенными. Можно предположить, что это не что иное, как прообраз того, что в наше время стали называть средним классом. К отличительным признакам совершенного общества (царская власть, аристократия или полиция) Аристотель также относит правовую защищённость граждан — прообраз правового государства — и высокий уровень гражданской активности как базовый элемент политической культуры этой части населения [1]. Трудно не согласиться с тем, что всё перечисленное, по нынешним представлениям, является как условием становления гражданского общества, так и формой (способом) её бытия. Аристотелева идеальная модель общества содержит в себе все потенциальные возможности для возникновения концепта гражданского общества. Подчеркнём, что, хотя в трудах Аристотеля и позже у Цицерона упоминается гражданское общество, оно, по мнению этих авторов, должно служить интересам государства. Государство же рассматривалось как совокупность граждан, а его сила, следовательно, в значительной мере зависела от качества жителей полиса. Таким образом, сам термин «гражданское общество» тогда имел иной смысл и употреблялся в ином, чем в наши дни, значении — политическая власть была основана на синкретичности интересов общественного целого и отдельного гражданина.

Именно этот аспект идеи Аристотеля меньше через чем тысячелетие оказал существенное влияние на формирование взглядов европейских мыслителей эпохи Просвещения. По мнению многих экспертов, понятие «гражданское общество» вошло в научный лексикон благодаря английскому философу Дж. Локку [19, с. 67]. Он обосновывал необходимость конституционного ограничения прав власти и возлагал большие надежды на развитие парламентаризма. Правительство должно опираться на согласие народа с его действиями, а у всех граждан есть свои неотчуждаемые государством естественные права. Законы должны

быть обязательными для исполнения как со стороны граждан, так и со стороны правителей [14].

Т. Гоббс в трактате «О гражданине» высказал ряд интересных и для нашей современности идей. Например, положение о том, что «в интересах всеобщего мира чрезвычайно важно, чтобы гражданам не проповедовались никакие взгляды и учения, которые бы привели их к мысли, что они имеют право не подчиняться государственным законам». Во взаимодействии государства и гражданского общества, по мнению этого мыслителя, гражданское общество должно целиком подчиниться воле государства — логика Платона, так как именно это даёт абсолютную гарантию пресечению вражды между людьми, которая неизбежно возникает без добровольного (по договору) наделения властью правителя (или совета). При ослаблении государственного управления в обществе непременно нарастает хаос, что наносит ущерб всем индивидам. Поэтому государственные интересы имеют приоритет над частными, а гражданские свободы в любом случае не должны выходить за рамки того, что разрешено законами. Т. Гоббс был убеждён, что высокий уровень организации общества и нормальное его функционирование достигаются через власть и признание силы правителей [5]. Как видим, Т. Гоббс, следуя логике Платона, не предусматривал возникновения каких-либо форм контроля власти со стороны гражданского общества, тем более реализации принципа равноправного диалога граждан и правящей элиты.

Ж.-Ж. Руссо под другим углом зрения рассматривает сущность гражданского общества, которое, по его мнению, образует государство в результате общественного договора. Совершенным государством в этом случае известный французский мыслитель, в отличие от Платона, считал республику. За гражданским же обществом он оставлял право на противодействие несправедливо действующей власти, что означало возможность свергнуть правительство, которое не соблюдает законы и не отвечает интересам общественного договора, т. е. утрачивает легитимность. В этой связи гражданское общество берет инициативу и власть в свои руки. Ж.-Ж. Руссо высказывает и обосновывает идею о том, что народ (гражданское общество) может контролировать действия правительства, добиваясь установления справедливых законов. Периодически должны собираться народные собрания (советы), которые призваны подтверждать

полномочия (легитимность) правительства [20]. Таким образом, у Ж.-Ж. Руссо появляется смелая и прогрессивная для своего времени идея осуществления общественного контроля за деятельностью власти. В наши дни во всех развитых демократиях это стало важнейшей функцией народного суверенитета и реализующего его гражданского общества.

Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и другие мыслители эпохи Просвещения обосновывали революционные по тем временам идеи социальной справедливости, необходимости соблюдения законных прав граждан, их равенства по рождению. Они были убеждены, что просвещение граждан, их личностный рост станут основой процветания общества. Все они высказывались в пользу приоритета права и закона в управлении общественными процессами. Закон и право понимается ими как базовое условие соблюдения общественного договора, в результате которого появляется современное цивилизованное национальное государство. Теоретические построения философов эпохи Просвещения намного опережали политическое время, а не просто описывали сложившуюся реальную социальную ситуацию, в которой жили мыслители. Существовавшие во время жизни мыслителей абсолютные монархии не слишком заботились о благе своих граждан, скорее господствовал принцип «я — сюзерен, ты — вассал». Но идеи просветителей в совокупности с перемены в развитии экономики, переходом к машинно-индустриальному способу производства и изменением образа жизни людей, вызванным этим трендом, вели европейцев к созданию национально-демократического государства, которое открывало хорошие возможности для развития гражданского общества как большой и постоянно развивающейся сферы реализации частных интересов граждан. Постепенно вызревает мысль о том, что гражданское общество не тождественно государству, а находится между гражданами и государством, обеспечивает формирование гражданских и групповых интересов и самоидентификацию гражданственности.

В XVIII в. шотландские мыслители Д. Юм, А. Фергюсон и А. Смит сформулировали свое представление о гражданском обществе. По их мнению, гражданское общество — результат самоорганизации граждан, вступающих в индивидуализированные и непринудительные отношения взаимной солидарности и поддержки, пребывающие за рамками политических институтов государ-

ства. Гражданское общество рассматривалось как благо, тогда как государство — как зло. Чем совершеннее и сложнее гражданское общество, тем в меньшей степени в отношении него оправдано воздействие со стороны государства [10]. Этот концепт существенно отличается от взглядов Дж. Локка и Т. Гоббса, которые не противопоставляли гражданское общество и государство.

Д. Юм выделил ключевые условия самоорганизации в гражданском обществе и логическим путём обосновал конвенциональную основу взаимодействий в социуме. Соглашение базируется на присущем людям осознании общественного группового интереса. Вследствие этого все граждане, вступающие в интеракции друг с другом, разделяют это чувство, поскольку оно выгодно всем. Чувство общей и собственной выгоды приобретает особую социальную нагрузку. Государство возникает как следствие договора граждан, который может быть пересмотрен в том случае, если характер деятельности государства не устраивает граждан [27].

Серьёзный вклад в развитие идей о гражданском обществе оставила немецкая классическая философия, прежде всего Г. В. Ф. Гегель. Немецкий философ разделяет государство и гражданское общество как сферы всеобщих и частных интересов, подчёркивая их органическое единство и взаимопроникновение. По мнению Гегеля, гражданское общество выступает как сфера отношений, возникающая между семьёй и государством. Цель гражданского общества — защита частных материальных и нравственных интересов индивида. Государство у Гегеля — это торжество абсолютного разума над эгоизмом отдельных субъектов — граждан. Благодаря его деятельности всё частное уступает великой идее отечества. По мнению этого мыслителя, республиканская форма правления не является совершенной, потому что при ней слишком много уступок делается частным корыстным интересам отдельных индивидов и их объединений. Этих изъянов удаётся избежать при монархическом правлении. Государство, по мнению Гегеля, может выступать в качестве арбитра в том случае, когда внутри гражданского общества возникают конфликты и противоречия. Гражданское общество появляется на определённом этапе развития социума, так как жизнь варваров основывается на традициях и обычаях, а гражданское общество предполагает подчинение законам [3]. Гражданское общество и государство, по Г. В. Ф. Гегелю, соположены, но статус государства выше и значимее.

Закономерно, что всплеск интереса среди философов к проблематике гражданского общества возник именно при переходе к фабричному способу производства. Капитализм содержит в себе потенциал появления и развития как национальных государственных структур и институтов, работающих в соответствии с принятыми нормами, так и несвязанных с политикой негосударственных институтов в самом обществе. Это объясняется тем, что без относительной свободы граждан от контроля государства капиталистические отношения развиваться не будут. Негосударственные общественные структуры, хотя и осуществляют свою деятельность в соответствии с принятыми в государстве законами, всё же относительно независимы от государства, так как их функционирование происходит на базе важнейшего правового принципа «разрешено всё, что не запрещено законом». Они серьёзным образом влияют на формирование общественного мнения, с которым всё более вынужден считаться правящий слой. Как отмечают И. А. Гобозов и Л. А. Халаева, «такое общество потому и называется гражданским, что все граждане государства могут проявлять себя, могут открыто выражать свое отношение к тем или иным действиям официальных властей... И нередко под влиянием неофициальных структур официальные структуры вынуждены пересматривать свои решения» [6, с. 65].

2. Развитие представлений о гражданском обществе в XX и начале XXI века

Если в период Просвещения гражданское общество (*societas civilis*) рассматривалось как антипод варварскому, «естественному» состоянию общества и почти отождествлялось с государством и его властными органами, создаваемыми гражданами на основе договора, то в XX столетии развитие стран западной демократии происходит по форме и по сути в соответствии с позицией мыслителей Д. Юма, А. Фергюссона, А. Смита и Г. В. Ф. Гегеля, согласно которой гражданское общество формирует пространство реализации частных интересов граждан, ограждая и защищая его от произвола государственной власти. В странах с развитой экономикой и государственными институтами, сформированными на принципах ценностей либеральной идеологии, утверждающей «естественные права человека» и соответствующие ценности — свободы, суверенитета народа, закона и права, личного

достоинства, защищать которые призвано государство, произошёл переход от отождествления гражданского общества и государства к пониманию гражданского общества как феномена, возникающего вследствие самоорганизации автономных граждан в огромное множество системно организованных общественных институтов — больших и относительно маленьких. Эти гражданские общественные институты функционируют независимо от воли властной политической элиты, управляющей государством, как общественные самостоятельные объединения, способные организовать граждан, т. е. агрегировать новые интересы граждан и артикулировать их, а в случае необходимости требовать удовлетворения частных интересов граждан от государственной власти. В теории и практике управления обществом была задействована концепция Т. Пейна, в которой роль государства ограничивалась минимальным участием в управлении социумом и признавалось право гражданского общества на саморегуляцию [17].

Понятие «гражданское общество» с момента его появления в научном обороте и до наших дней никогда не имело однозначного толкования, а постоянно изменялось и в определенной мере эволюционировало в сторону усложнения вместе с развитием всей совокупности общественных отношений, от производственных до межличностных. Либеральные и социал-демократические концепции гражданского общества различаются по тому, как они определяют характер взаимоотношения между гражданским обществом и государством. Современный либеральный мыслитель Э. Геллнер утверждает, что «гражданское общество представляет собой совокупность неправительственных институтов, достаточно сильных для того, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества» [4, с. 14].

Влиятельные политики, стоящие на социал-демократических позициях, например Т. Блэр, Г. Шредер, Л. Жоспен, Д. Эренберг и др., не имеют существенных разногласий с либеральными мыслителями относительно понимания феномена гражданского общества как важного фактора устойчивого функционирования и развития социума. Кроме того, они считают гражданское общество важным игроком в политической жизни, исходя из того, что демократия предполагает наличие возможности влиять на формирование

властных структур, которые, в свою очередь, очерчивают контуры гражданского общества [14].

В прошлом столетии весомый вклад в развитие представлений о гражданском обществе внес немецкий философ Ю. Хабермас. Он ввёл понятие публичности (общественности), которое через некоторое время стало одним из центральных в общественных науках и широко использовалось при создании концепта гражданского общества. Появление средств массовой информации (вначале это были газеты и журналы), рост их популярности привели к появлению большего, чем прежде, интереса индивидов к их участию в общественной жизни и стали стимулом к их самоорганизации. Согласно Ю. Хабермасу, бытие современного человека становится всё в большей степени публичным [23]. Отметим, что время, на наш взгляд, подтвердило выводы немецкого мыслителя XX в. В наши дни всемирная сеть Интернет открыла невиданные ранее возможности для коммуникации, что существенно повышает возможности для самоорганизации граждан и для реализации самых разных частных и общественных интересов, а понятие «общественность» — одно из самых часто употребляемых в диалоге власти и граждан.

Дж. Козн и Э. Арато противопоставляют гражданское общество «политическому обществу», в первую очередь — государственным структурам, политическим акторам, а также «экономическому сообществу» [12].

Российский исследователь А. П. Кочетков в связи с этим отмечает, что «в конце XX — начале XXI в. отчетливо прослеживается тенденция рассматривать гражданское общество как альтернативу в противостоянии личности посттоталитарной системе. Благодаря работам В. Гавела, А. Михника, Г. Конрада идея гражданского общества стала означать в Восточной Европе в первую очередь противовес авторитарным политическим практикам» [13].

Многие западные эксперты убеждены, что развитые рыночные отношения необходимы для развития гражданской инициативы. Как отмечает Ю. Кока, «при отсутствии типичной для функционирования рыночной экономики децентрализации экономических решений и экономической власти гражданское общество сильно проигрывает» [11].

Некоторые теоретики западного мира делают акцент на том, что гражданское общество открывает возможности для проявления в современных условиях нравственных качеств людей. В конце прошлого столетия в США был разработан концепт

«социального капитала», наличие которого делает членов социума успешными. Особая роль при этом отводится волонтерским объединениям [21].

Анализируя трансформационные процессы в России и Восточной Германии, М. Ховард выделяет важнейшую задачу гражданского общества в постсоциалистических странах Восточной Европы — «удержать государство от принятия законов, которые противоречили бы организованным интересам граждан» [24].

Среди экспертов встречаются и отрицательные оценки гражданского общества, которое, по мнению, Р. Дубре и Д. Плевника, способно ослаблять государство, что оборачивается всеобщими потерями, поскольку ослабленное государство не может столь же эффективно, как прежде, обеспечивать безопасность граждан [13]. Эмпирической базой подобных выводов стали периодические возникающие массовые беспорядки во Франции, сопровождающиеся поджогами машин, разграблением магазинов и человеческими жертвами. Впрочем, на наш взгляд, здесь налицо не отрицание необходимости существования гражданского общества как такового, а констатация того факта, что для всех социальных институтов должны быть определены рамки дозволенного, а точнее — конструктивного диалога. В противном случае свобода оборачивается анархией.

Немецкий эксперт Й. Зигерт считает, что принципиальная неупорядоченность является атрибутом гражданского сектора. Оно таково потому, что отражает сложную структуру самого современного общества, рассматриваемого им как разнородное, не признающее никаких правил образования. Этим объясняется и разнообразие функций неправительственных организаций. Они способны защищать интересы граждан от произвола государства, обеспечивают коммуникацию между членами социума и структурами власти, предоставляют услуги. По Й. Зигерту, гражданское общество функционирует между государственными и частными сферами. Оно разнородно по составу элементов и предполагает внутреннюю конкуренцию между ними, так как его институты преследуют разные цели. Добровольность формирования и автономность существования — это атрибуты гражданского общества. Кроме того, Й. Зигерт исходит из того, что ни политическая, ни экономическая ситуация в стране не влияют на развитие гражданского общества столь существенно, как настрой людей [7].

Согласно взглядам профессора Йельского университета И. Шапино, в гражданском обществе не должно быть доминирующей системы ценностей. Кроме того, в развитом гражданском обществе не может быть единой позиции граждан по разным вопросам. Отстаивание своих взглядов, наличие коммуникаций для разрешения противоречий во взглядах индивидов на решение проблем необходимы для устойчивого развития гражданского общества. Следует исключить тренд на иерархизацию гражданского общества, ликвидируя те управленческие структуры, без которых оно может обойтись, чтобы не допустить появления системы подчинения. Нужно сохранять горизонтальные связи между соположенными равными акторами. Следует оберегать независимость различных сфер гражданского общества, препятствуя насаждению в сознании людей тех или иных стандартных ценностей [25].

В последние годы всё чаще в политологическом сообществе гражданское общество и государство рассматриваются как партнеры, между которыми не должно быть антагонизма. Не антитезу государству, а силу, обеспечивающую социальную балансировку, видят в гражданском обществе польский исследователь П. Залеский и британский учёный А. Вейтс [10].

Если находящаяся у власти в государстве политическая сила последовательно и целенаправленно проявляет стремление развивать общественную активность индивидов, исключая избыточное влияние государства на процессы, происходящие в гражданском обществе, а институты гражданского общества тоже проявляют уважение к государственным структурам, то, по мнению шведского учёного Т. Янссона, формируются условия для достижения гармонии, партнёрского типа отношений между этими элементами социума [28]. Такую ситуацию этот мыслитель обнаруживает в скандинавских странах, изучению которых посвятил много лет своей жизни.

По-разному западные эксперты относятся к идее перенесения модели гражданского общества на иную социально-культурную почву, т. е. универсальности концепции гражданского общества. В частности, немецкий мыслитель Юрген Кока утверждает, что, хотя концепт гражданского общества разработан на Западе и имеет претензию на универсальную значимость, он, проникая в страны Восточной Европы, подвергся там серьёзным корректировкам. Селективные изменения в нём обусловлены специфическими условиями появления и развития

гражданского общества. Возник ряд модусов гражданского общества. Социальный опыт одной страны не может тиражироваться без изменений в другом социуме [11].

В том виде, как его описывали политические философы-классики, гражданское общество может существовать только в странах с развитыми и хорошо структурированными, устойчивыми и ставшими традиционными демократическими институтами (к таким у нас принято относить политические системы западных держав и те страны, которые стали таковыми в результате трёх волн демократизации). Для большинства экспертов стало аксиомой, что только в развитом, демократическом, устойчиво функционирующем и сильном государстве может сформироваться и существовать зрелое гражданское общество. В странах, где существует диктатура или авторитарные режимы, гражданское общество либо не формируется, либо не развито, существует как протогражданское, не обладающее качествами системы гражданского общества. Хотя в таком социуме есть и неформальные общественные структуры, они жёстко контролируются властными структурами и в значительной степени от них зависят. Формирование гражданского общества не может осуществляться в странах, где культивируется политическое насилие или преобладают кровные связи [6, с. 65].

Как видим, многообразие взглядов на гражданское общество позволяет увидеть новые грани сущности этого сложного феномена. Кроме того, отсутствие единства взглядов, постоянный поиск консенсуса в его понимании — это мощнейший стимул для дальнейших научных исследований.

3. Взгляды исследователей на перспективы формирования и развития гражданского общества в современной России

В советский период в нашей стране отсутствовал официальный и неофициальный запрос и интерес к изучению проблематики гражданского общества. Социалистическое государство рассматривалось как абсолютный гарант защиты интересов рабочего класса. Большинство негосударственных структур (профсоюзы, комсомол, пионерская организация и т. п.) полностью контролировались властью. Инакомыслящие граждане не имели возможности доносить свои взгляды до граждан и выглядели как маргиналы. В СССР политическая гражданская идентичность как

идеал предписывалась человеку тщательно выстроенной и подконтрольной государству системой воспитания, при этом не предполагалась её самостоятельность как результат свободного гражданского выбора.

Исследовательский интерес к проблематике гражданского общества появился в России только в постсоветский период. Это было обусловлено кардинальным изменением социально-политической ситуации в стране, а также разрушением догматизированных идеологических барьеров, в значительной мере закрывавших доступ к трудам современных западных теоретиков по этой проблематике, да и к самой проблематике гражданского общества как таковой.

К сожалению, фактически единственным результатом многостороннего и пристального внимания российских исследователей к гражданскому обществу за последние два десятилетия является отсутствие общего его концепта и даже отрицание объективности его существования, высказываемое некоторыми экспертами [15] (тогда как на Западе гражданское общество общепризнано считать атрибутом развитой демократии).

Проводя анализ различных научных публикаций по проблематике развития гражданского общества в России, мы пришли к выводу, что мировоззренческая позиция автора существенно влияет на его представление о сущности и содержании гражданского общества. В известной мере формулировка проблем и варианты предлагаемых решений политической мотивированы. Идеологические предпочтения влияют на научные исследования и разделяют научное сообщество. Идеологическая перегруженность концепта «гражданское общество» в современной России — это результат непрекращающегося противостояния мнений внутри российской интеллигенции по поводу оптимального для нашей страны пути социально-экономического развития и оценки характера политического режима. Наблюдается своеобразный Ренессанс «западничества» и «славянофильства» в общественной мысли по поводу концепта гражданского общества.

Так, интересно мыслящая С. Г. Кирдина обосновывает тезис о том, что ценностная природа делает понятие «гражданское общество» идеологемой [10, с. 63].

Представители российской либеральной оппозиции и большинство западных экспертов высказывают мнение о том, что надежды на развитие российского гражданского общества следует связывать не с государством, а с теми гражданами, которые

готовы действовать, не оглядываясь на его установки, а довольно часто вопреки им. По мнению Й. Зигерта, в современных российских реалиях деятельность гражданских активистов имеет особое значение. Государство не может отвечать самостоятельно на все современные вызовы. В этих условиях объединяются в некоммерческие организации люди, не утратившие веру в возможность самостоятельного решения накопившихся проблем. Государство не должно им мешать [7].

Известный отечественный философ и политолог А. Сунгуров особое место в структуре гражданского общества отводит так называемому третьему сектору, или некоммерческим неправительственным организациям, для которых характерны практики волонтерства и благотворительности. Он считает, что именно здесь формируются моральные стандарты, которые распространяются на всё гражданское общество [21].

Из этих двух подходов возникают и различные акценты в понимании сущности гражданского общества представителями разных направлений. Конформистское направление по отношению к власти делает акцент на том, что гражданское общество — это негосударственная сфера, внутри которой функционируют неполитические организации. Государство может стимулировать развитие этой сферы, иницируя создание организаций типа общественных палат, общественных советов при исполнительных органах федеральной и региональной государственной власти. Это способствует повышению гражданской активности, формирует новые площадки для диалога власти и общества. А вот представители другого — либерального — направления настаивают на необходимости реализации принципа самоорганизации как базового атрибута гражданского общества, считая, что всё, что создано при непосредственном участии государства, — это бутафорские «потёмкинские» структуры, призванные только имитировать диалог с властью, а по сути являющиеся инструментом в руках правящей политической элиты.

Как свидетельствует политическая практика последних десятилетий, независимые от государства неполитические неправительственные организации могут оказаться реальной силой для осуществления проекта смены правящей элиты, как это было, например, в Грузии, на Украине, в Киргизии. Обнародованы факты, подтверждающие, что многие структуры, сыгравшие ключевую роль в этих процессах, имели финан-

совую подпитку от международных фондов, например от фонда Сороса. Реакция российской власти оказалась предсказуемой. Было принято новое законодательство об НКО, которое ещё сильнее раскололо имеющиеся в России структуры гражданского общества на готовые тесно сотрудничать с властью и те организации, которые готовы уйти в жёсткую оппозицию по отношению к политическому правящему страту страны. Иностранцы источники финансирования НКО купируются и постепенно замещаются государственными (в распределении которых важнейшую роль играет Общественная Палата России).

Ещё одна проблема, вокруг которой идут теоретические споры, — должно ли российское гражданское общество строиться на либеральных западных ценностях, либо оно может формироваться на основе наших традиционных культурных ценностей. В консервативном подходе гражданскому обществу предписывается решение задачи обеспечения сохранения традиционных российских ценностей. Это, естественно, никак не согласуется с либеральной моделью гражданского общества по образцу стран западной демократии. Раскол здесь наблюдается по той же идеологической линии. Справедливости ради отметим, что эта проблема поднимается не только в России, но и в рассуждениях некоторых западных экспертов, например, американского консерватора П. Дж. Бьюкинена в его нашумевшей книге «Смерть Запада».

Мы полагаем, что отсутствие единства взглядов исследователей на состояние и перспективы развития гражданского общества в современной России — это не повод для рассмотрения ситуации как тупиковой, а скорее основание для расширения процесса диалога на самых разных площадках. Та модель, которая овладеет сознанием большинства граждан, и будет иметь большие шансы на своё воплощение в реальности.

Заключение

Несмотря на отсутствие единства во взглядах мыслителей прошлого и современности на сущность гражданского общества и перспективы его развития в России, неоспорим факт того, что рассуждения исследователей — это не голое теоретизирование. По крайней мере, почти все учёные сходятся во мнении, что среди базовых условий становления российского гражданского общества необходимо появление четкого тренда на развитие демократического правового госу-

дарства, развитие культуры коммуникации властных структур и граждан, базирующейся на плюрализме мнений и формировании общественной установки на поиск согласия при принятии важных решений, затрагивающих интересы людей, готовность политической элиты учитывать интересы населения, высокий уровень гражданской активности, основывающейся на солидарности, доверии, ответственности, честности, независимости суждений, гуманности и т. п. Наличие правового государства — атрибутивный признак структурированного по интересам и активно действующего гражданского общества [8].

По нашему мнению, в качестве рабочей дефиниции гражданского общества (не затрагивая спорные моменты) можно использовать предложенное нами три года назад определение: «Под *гражданским обществом* мы понимаем сложную, многоуровневую самоорганизованную систему относительно автономных от государства гражданских институтов и практик, используя которые, граждане способны совершать осмысленные индивидуальные, групповые или массовые действия в защиту или с целью реализации своих интересов. При этом основные акторы гражданского общества не стремятся стать субъектами власти, находятся в пространстве частной жизни, но принимают на себя ответственность за управление основными институтами государственной власти в целом» [9].

Социальные теории часто создают «идеальные типы» (термин М. Вебера), которые никогда не воплощаются на практике. Но, овладевая сознанием масс, эти идеальные типы обуславливают выбор, основной вектор социальных изменений в обществе. Нам кажется, что сейчас сложно однозначно предсказать, какой конкретно концепт гражданского общества будет в полной мере реализован в России. Возобладает ли западно-либеральная модель, или будет и далее делаться акцент на так называемую российскую специфику с её традициями повышенной роли государства в жизни общества и отличной от Запада системой ценностных координат. Очевидно, что в ближайшее время острота дискуссий по этому поводу будет только нарастать. Так как почвы для достижения в ближайшем времени консенсуса среди исследователей не предполагается, то, вероятно, ответственность за выбор пути развития российского гражданского общества возьмёт на себя либо правящая элита (возможна некая корректировка плана под давлением общественности), либо

существенную роль сыграют стихийные действия слабо рефлектирующего социума, а в качестве критерия истины выступит практика ближайших пяти — пятнадцати лет, которая будет осмысливаться как нынешними поколениями граждан, так и теми, кто будет приходить им на смену.

1. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 376—644.

2. Бодриар Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 528 с.

4. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М. : Московская школа политических исследований, 2004. 240 с.

5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М. : АСТ : Харвест, 2003. 304 с.

6. Гобзов И. А., Халаева Л. А. Гражданское общество: сущностные характеристики // Философия и общество. 2001. № 2 (23). С. 59—80.

7. Зигерт Й. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii> (дата обращения: 02.02.2019).

8. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Гражданское общество в современной России: основные сценарии становления и развития // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 7—16.

9. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Структурные связи системы гражданского общества и сформированность его институтов // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 7—14.

10. Кирдина С. Г. Гражданское общество: уход от идеологии // Социологические исследования. 2012. № 2 (334). С. 63—73.

11. Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 3 (28). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka-pr.html> (дата обращения: 31.01.2019).

12. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь мир, 2003. 784 с.

13. Кочетков А. П. Гражданское общество в фокусе политической науки (историографический обзор) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 1. С. 29—51.

14. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 137—405.

15. Никитина М. И. Институализация гражданского общества в России: историко-теоретический аспект // Журнал российского права. 2017. № 2 (242). С. 30—41.

16. Паршина Н. В. Эволюция идей гражданского общества в истории социально-философской мысли // Вестник МГПУ. Сер. Философские науки. 2016. № 1 (17). С. 43—49.

17. Пейн Т. Избранные сочинения / пер. с англ. А. С. Богомолова и др. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 421 с.

18. Платон Государство. М. : АСТ, 2018. 448 с.

19. Пузиков Р. В., Киселёв А. С. О концепции гражданского общества: истоки формирования идеи // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Политические науки и право. 2016. № 2 (6). С. 67—74.

20. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. М. : КАНОН-пресс, 1998. 416 с.

21. Сунгуров А. Ю. Гражданское общество и его развитие в России. СПб. : Ютас, 2008. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf (дата обращения 03.02.2019).

22. Туманова А. С. Концепции гражданского общества западных обществоведов XX века // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 10—15.

23. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир, 2016. 304 с.

24. Ховард М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М. : Аспект Пресс, 2009. 192 с.

25. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 27—29.

26. Юдин Р. Г. Рецензия на книгу: Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества (2016) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1 № 3. С. 123—133.

27. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным проблемам // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1965.

28. Янссон Т. Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными организациями // Гражданское общество на Европейском Севере : материалы междунар. семинара 18—19 янв. 1996. URL: <https://docplayer.ru/27788726-Treugolnaya-drama-vzaimootnosheniya-mezhdu-gosudarstvom->

mestnym-samoupravleniem-i-dobrovolnymi-associyami.html.

References

1. Aristotel' (1983) *Politika* // Sochineniya: v 4 t. T. 4. Moscow, Mysl' Publ., pp. 376—644. [in Rus].
2. Bodriyar Zh. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya*. Tula, Tul'skiy poligrafist Publ., 204 p. [in Rus].
3. Gegel' G.V.F. (1990). *Filosofiya prava*. Moscow, Mysl' Publ., 528 p. [in Rus].
4. Gellner E. (2004) *Usloviya svobody. Grazhdanskoye obshchestvo i yego istoricheskiye soperniki*. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 240 p. [in Rus].
5. Gobbs T. (2003) *Filosofskiy osnovaniya ucheniya o grazhdanine*. Moscow, AST Publ., Kharvest Publ., 304 p. [in Rus].
6. Gobozov I.A., Khalayeva L.A. (2001) *Filosofiya i obshchestvo*, no. 2 (23), pp. 59—80. [in Rus].
7. Zigert Yyens (2005) *Otechestvennyye zapiski*, no. 6 (27). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/6/grazhdanskoe-obshchestvo-v-rossii>, accessed 02.02.2019 [in Rus].
8. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 3, pp. 7—16 [in Rus].
9. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 5, pp. 7—14 [in Rus].
10. Kirdina S.G. (2012) *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2 (334), pp. 63—73 [in Rus].
11. Koka Yu. (2003) *Neprikosnovenny zapas*, no. 3 (28). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/2/koka-pr.html>, accessed 31.01.2019 [in Rus].
12. Koen Dzh., Arato E. (2003) *Grazhdanskoye obshchestvo i politicheskaya teoriya*. Moscow, Ves' mir Publ., 784 p. [in Rus].
13. Kochetkov A.P. (2014) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, no. 1, pp. 29—51 [in Rus].
14. Lokk Dzh. (1988) *Dva traktata o pravenii* // Sochineniya: v 3 t. T. 3. Moscow, Mysl' Publ., pp. 137—405 [in Rus].
15. Nikitina M.I. (2017) . *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 2 (242), pp. 30—41 [in Rus].
16. Parshina N.V. (2016) *Vestnik MGPU. Seriya: «Filosofskiy nauki»*, no. 1 (17), pp. 43—49 [in Rus].
17. Peyn T. (1959) *Izbrannyye sochineniya*. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 421 p. [in Rus].
18. Platon (2018) *Gosudarstvo*. Moscow, AST Publ., 448 p. [in Rus].
19. Puzikov R.V., Kiselov A.S. (2016) *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskiye nauki i pravo*, no. 2 (6), pp. 67—74 [in Rus].
20. Russo Zh.-Zh. (1998) *Ob obshchestvennom dogovore* // Traktaty. Moscow, KANONpress Publ., 416 p. [in Rus].
21. Sungurov A.Yu. (2008) *Grazhdanskoye obshchestvo i yego razvitiye v Rossii*. St. Petersburg. Available at: http://www.civisbok.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf, accessed 03.02.2019 [in Rus].
22. Tumanova A.S. (2013) *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 10—15 [in Rus].
23. Khabermas YU. (2016) *Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva*. Moscow, Ves' Mir, 304 p. [in Rus].
24. Khovard Mark M. (2009) *Slabost' grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskoy Yevrope*. Moscow, Aspekt Press Publ., 192 p. [in Rus].
25. Shapiro I. (1992) *Polis*, no. 4, pp. 27—29 [in Rus].
26. Yudin R.G. (2017) *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, vol. 1, no. 3, pp. 123—133 [in Rus].
27. Yum D. (1965) *Traktat o chelovecheskoy prirode, ili popytka primenit' osnovanny na opyte metod rassuzhdeniya k moral'nym problemam* // Sochineniya: v 2 t. T. 1. Moscow, Mysl' Publ. [in Rus].
28. Yansson T. (1996) *Treugol'naya drama: vzaimootnosheniya mezhdru gosudarstvom, mestnym samoupravleniyem i dobrovol'nymi organizatsiyami* // *Grazhdanskoye obshchestvo na Yevropeyskom Severe*. Available at: <https://docplayer.ru/27788726-Treugolnaya-drama-vzaimootnosheniya-mezhdru-gosudarstvom-mestnym-samoupravleniem-i-dobrovolnymi-associyami.html>, accessed 31.01.2019 [in Rus].

For citing: Zyryanov S.G., Lukin A.N.
The evolution of views on civil society
and state relationships
in the history of philosophy //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 19—30.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-19-30

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-19-30

UDC 1.091; 316.3

THE EVOLUTION OF VIEWS ON CIVIL SOCIETY AND STATE RELATIONSHIPS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Director,
Doctor of Political Sciences, Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: director@rane74.ru

Anatoly N. Lukin,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Public Administration, Legal Support of State
and Municipal Service,
Cand.Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ul. Komarova, 26.
E-mail: anlukin@mail.ru

Abstract

The authors analyze the historical and philosophical background of the idea of civil society. In the era of antiquity, reasoning about the ideal state,

Aristotle attributes to it the signs that later thinkers will recognize as necessary conditions for emerging and developing a civil society. In the New Age, there appears a concept of civil society, which will be developed by subsequent generations of thinkers. The ideas of the Enlightenment philosophers will have a significant impact on developing democracy and civil society in European countries and in North America.

In the New Age in most countries that have embarked on the path of modernization, civil society is being formed, to one degree or another. However, social reforms can be successful only if they take into account the cultural and historical peculiarities of society. In this regard, a number of experts are trying to theoretically justify the possibility of creating a civil society fundamentally different from the European model based on the traditional values of a particular society. This is fully relevant to Russia, which is currently in political opposition to Western countries, and some representatives of the Russian ruling elite and experts close to them exaggerate the role of the state in developing civil society institutions, while most Western theorists point to the self-organization of citizens as an attribute of civil society. In this case, there is a danger of emasculating the very essence of civil society. Under these conditions, in our opinion, conducting a historical and philosophical analysis of developing the ideas about civil society is valuable. In order to move further in understanding this phenomenon, it is necessary to trace the background of the existing views.

Key concepts:

civil society,
state,
civil liberties,
civic activism.

Для цитирования: Шибанова Е. К., Иванов О. П. Возможности и перспективы развития экспорта образовательных услуг вузами Челябинской области: мотивация и выбор студентов // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 31—44. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-31-44

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-31-44

УДК 378.4

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ ВУЗАМИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: МОТИВАЦИЯ И ВЫБОР СТУДЕНТОВ

Шибанова Елена Климентьевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, начальник учебно-методического отдела, кандидат педагогических наук, доцент. Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26 E-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Иванов Олег Петрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, старший научный сотрудник лаборатории прикладной политологии и социологии, кандидат технических наук, доцент. Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26 E-mail: olegivanov@chel.ranepa.ru

Аннотация

Введение. В статье представлена оценка перспектив развития экспорта российского образования в другие страны мира. Опираясь на задачи национального проекта «Образование», в состав которого входит федеральный проект «Экспорт образования», авторами на примере вузов Челябинска и Челябинской области разработана методика изучения специфики этого направления, оценки реально существующих перспектив, возможностей и угроз в региональной реализации федерального проекта.

В исследовании учитывались как реально существующие возможности вузов Челябинской области по приему и обучению иностранных студентов, так и критерии и приоритеты молодежи зарубежных стран, на основе которых они

осуществляют выбор места и конкретного вуза для прохождения обучения.

Цель. Изучение возможностей и перспектив развития экспорта образовательных услуг вузами Челябинской области Челябинским филиалом РАНХиГС и разработка рекомендаций.

Методы. В рамках исследования использовались методы сопоставления и систематизации, позволяющие получить информацию о потребностях иностранных студентов, особенностях образования в российских вузах, методы изучения, обобщения и анализа опыта существующих результатов практики экспорта образования, социологическое исследование на основе анкетирования для проведения мониторинга динамики экспорта образования в вузах регионов, разработанное Центром компетенций международных служб образовательных организаций РАНХиГС.

Научная новизна исследования. Проведенный в исследовании масштабный анализ потребностей иностранных студентов и особенностей экспортной деятельности высших учебных заведений Челябинской области позволяет определить специфику этого направления, оценив реально существующие перспективы, возможности и угрозы в региональной реализации федерального проекта.

Результаты. Результатами исследования является возможность оценить перспективы развития происходящих процессов в рекрутировании иностранных студентов и постановке задач как на региональном, так и на федеральном уровне, развития как системы образования, основными пользователями которой являются граждане России, так и экспорта российского образования в другие страны мира. Эти задачи не являются альтернативными, они дополняют друг друга и создают дополнительный ресурс развития за счет возникающих синергетических эффектов взаимодействия этих направлений.

Выводы. В современных условиях экспорт образования рассматривается как вектор социально-экономического развития территории, как социальная деятельность, не имеет однозначного подхода, решения вопросов языкового барьера и нормативно-правового обеспечения. Сложившаяся ситуация является серьезной проблемой для привлечения иностранных студентов, решение которой позволит развивать данное направление в российских вузах. Необходимо обобщить имеющийся в различных вузах опыт. При этом следует учитывать как реально существующие возможности вузов Челябинской области по приему и обучению иностранных студентов, так и критерии и приоритеты молодежи зарубежных стран, на основе которых они осуществляют выбор места и конкретного вуза для прохождения обучения.

Ключевые понятия:

образование, высшие учебные заведения, экспорт образовательных услуг, мотивация, выбор страны и вуза, федеральный проект.

Введение

Перспективы устойчивого развития России в эпоху глобализации и формирования экономики знаний и на ее основе постиндустриальных межгосударственных отношений во многом будут определяться тем, насколько успешно Россия осуществит интеграцию в мировую экономическую систему и войдет в число лидеров в приоритетных направлениях ее развития. Для успешного решения этих задач Россия имеет целый ряд необходимых предпосылок и очевидных конкурентных преимуществ по сравнению со многими другими странами. Прежде всего это выгодное географическое расположение, богатые сырьевые ресурсы, наличие мощных источников энергии [2, с. 148]. Еще одним важным фактором, определяющим потенциал развития страны в современных условиях, является эффективно работающая система образования, обеспечивающая экономику знаний квалифицированными кадрами [6, с. 267; 12, с. 20; 15, с. 56]. Основы существующей ныне в России системы образования были заложены еще во времена Советского Союза. Так, по оценке ЮНЕСКО, Советский Союз в 1990 г. по уровню образования занимал высокое 3-е место в мире¹. Эта система работала успешно, но в основном на внутренние потребности страны. Экспорт образовательных услуг в то время также присутствовал и был ориентирован на страны социалистического лагеря, а также ряд стран Азии и Африки — идеологических партнеров. Так, например, квота студентов-иностранцев в вузах СССР в 1970 г. составляла 8250 человек².

С тех пор российская система образования пережила немало трудностей переходного периода, но до сих пор сохранила свои важнейшие отличительные черты: оптимальное сочетание фундаментальных и прикладных знаний, широкую эрудицию в смежных по отношению к выбранной профессии областях наук [11, с. 315; 14, с. 21]. Высшее образование сегодня имеют более половины российских граждан, и в условиях глобализации не только экономики, но и человеческой деятельности в целом этот фактор играет все более важную роль в фор-

мирующейся экономике знаний. Получение высшего образования в России постепенно набирает популярность в различных странах мира, и в 2017 г. в вузах страны обучалось около 230 тыс. иностранных студентов (оценочный годовой набор составлял около 60 тыс. человек) [9, с. 119].

Россия, как и многие другие государства, реально оценивает перспективы развития происходящих процессов и ставит на федеральном уровне задачи как развития системы образования как таковой, так и экспорта российского образования в другие страны мира. Эти задачи не являются альтернативными, они дополняют друг друга и создают дополнительный ресурс развития за счет возникающих синергетических эффектов взаимодействия этих направлений [13, с. 6]. Не секрет, что экспорт образования — это не только своего рода бизнес, одновременно это еще и развитие культурных и экономических связей России с другими странами, формирование международного престижа России и личных связей молодых россиян с мировой элитой, будущими лидерами других стран. Все это в совокупности формирует так называемую мягкую силу государства³.

Еще одним мощным механизмом для мирового образования является рейтинговая система оценки вуза, которая достаточно прозрачно формирует имидж, привлекательность для иностранных студентов.

Отметим, что международная мобильность является неотъемлемой частью современного высшего образования не только за рубежом, но и в среде российской молодежи [1, с. 13].

В 2015 г. на мировом рынке образовательных услуг для иностранных студентов лидерами являются США (объем образовательных услуг 25 %), Великобритания (12 %), Китай (10 %). Россия (7 %) по данным Организации экономического сотрудничества и развития занимает 6-е место после Франции и Австралии [6]. Этот рынок быстро растет, и к 2025 г. ожидается, что он достигнет 7 млн по численности иностранных студентов. Безусловно, это направление сегодня и в долгосрочной перспективе является одним из наиболее важных как с точки зрения коммерческих результатов, так и с позиции роста политического веса России в системе международных отношений [4].

По мнению Ш. С. Сулеймановой, Е. Л. Рябовой, миграционные и межнациональные

¹ Inostrannye studenty v SSSR. URL: <https://cccp.temadnya.com/326805025634650318/inostrannye-studenty-v-sssr/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Sovetskaja sistema obrazovanija: dostoinstva i nedostatki obrazovanija v SSSR // Informatcionno-analiticheskij centr. URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/7897/sovetskaya-sistema-obrazovaniya-dostoinstva-i-nyedostatki-obrazovaniya-v-sssr> (дата обращения: 03.06.2019).

³ Preimushhestva obuchenija v Rossii // Study in Russia. URL: <http://studyinrussia.ru/why-russia/advantages> (дата обращения: 12.06.2019).

процессы обусловлены влиянием на молодежную среду со стороны СМИ [3, с. 10].

Позиция государственной власти в этом вопросе отражена в стратегии развития России, в частности в национальном проекте «Образование», в состав которого входит федеральный проект «Экспорт образования»¹². Главным целевым показателем этого проекта является достижение численности иностранных студентов очной формы обучения в России 425 тыс. человек. Для решения поставленных задач в 2019—2024 гг. предполагается государственное финансирование проекта в размере 107,5 млрд руб.

Успешная реализация этого федерального проекта требует вовлечения в число его исполнителей вузов значительной части российских регионов [14, с. 20]. В их число входит и Челябинская область, являющаяся одним из важнейших промышленных центров России, расположенная на границе Европы и Азии, граничащая с Республикой Казахстан.

К числу основных экспортно-импортных партнеров Челябинской области относятся Кувейт, Турецкая Республика, Финляндская Республика, Китайская Народная Республика, Федеративная Республика Германия, Итальянская Республика, Египет, Республика Узбекистан, Королевство Нидерланды, Исламская Республика Иран, Вьетнам, Азербайджанская Республика, Южная Африка. Область активно развивает международное деловое сотрудничество. В 2017 г. на Южном Урале принимали 52 официальные делегации иностранных государств. В их число входят Швейцария, Республика Корея, КНР, Казахстан, Чехия, Узбекистан, Япония, США, Иран, Великобритания, Германия, Франция, Венгрия, Словацкая Республика, ЮАР, Индия, Италия и др. Уже сегодня реализуются 5 инвестиционных проектов с участием иностранного капитала из 5 стран, в том числе из Швеции, Казахстана, Италии.

Челябинская область в стратегии своего развития до 2035 г. ставит целью активизацию привлечения в региональную систему высшего образования специалистов мирового уровня для создания учебных

программ, кафедр и исследовательских центров. Движение в этом направлении будет способствовать развитию вузов и их деятельности в экспорте образовательных услуг и одновременно формированию имиджа области как крупного международного образовательного и научного центра.

Методы и материалы

Обширное представительство стран различных частей света создает для области хорошую платформу для реализации задач проекта по развитию экспорта образования. С другой стороны, важно и то, что Челябинская область в России считается одной из наиболее развитых по предоставлению качественных услуг в сфере высшего образования [5, с. 13].

Для проведения мониторинга динамики экспорта образования в вузах регионов, использовались анкеты, разработанные Центром компетенций международных служб образовательных организаций РАНХиГС.

По состоянию на 2018 г. в Челябинской области имели действующую лицензию и вели образовательную деятельность 15 вузов и 25 филиалов других городов России (см. таблицу).

В перечисленных вузах в 2017 г. обучалось 87 397 студентов, а в филиалах — еще 10 572 студента. Общее количество обучающихся в вузах Челябинской области составляло 97 969 человек. Эти данные говорят о наличии в области весьма большого, обеспеченного необходимыми ресурсами потенциала для ведения образовательной деятельности на высоком уровне. Однако на протяжении длительного времени эта возможность использовалась в весьма ограниченных размерах и только в последние 20 лет ситуация изменилась — ведущие вузы области стали активно привлекать иностранных студентов.

Использование этого потенциала и развитие экспортной деятельности образовательных структур Челябинской области требует тщательного изучения специфики этого направления, оценки реально существующих перспектив, возможностей и угроз в региональной реализации федерального проекта. Необходимо обобщить имеющийся в различных вузах опыт. При этом следует учитывать как реально существующие возможности вузов Челябинской области по приему и обучению иностранных студентов, так и критерии и приоритеты молодежи зарубежных стран, на основе которых они осуществляют выбор места

¹ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308 (дата обращения: 09.06.2019).

² Belkis Megraoui Most International Universities in Europe <https://www.topuniversities.com/student-info/studying-abroad/most-international-universities-europe> (дата обращения: 11.06.2019).

Список действующих вузов Челябинской области в 2018 году

Название	Категория	Месторасположение	Число студентов
Магнитогорская государственная консерватория	государственный	Магнитогорск	279
Магнитогорский государственный технический университет	государственный	Магнитогорск	12 702
Международный институт дизайна и сервиса	негосударственный	Челябинск	1313
Уральский государственный университет физической культуры	государственный	Челябинск	2600
Уральский институт бизнеса	негосударственный	Челябинск	
Челябинский государственный институт культуры	государственный	Челябинск	2890
Челябинский государственный университет	государственный	Челябинск	12 703
Челябинский институт экономики и права	негосударственный	Челябинск	528
Челябинский многопрофильный институт	негосударственный	Челябинск	172
Южно-Уральский государственный аграрный университет	государственный	Троицк	6274
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет	государственный	Челябинск	11 152
Южно-Уральский государственный институт искусств	государственный	Челябинск	247
Южно-Уральский государственный медицинский университет	государственный	Челябинск	4241
Южно-Уральский государственный университет	государственный	Челябинск	28 747
Южно-Уральский институт управления и экономики	негосударственный	Челябинск	3549

и конкретного вуза для прохождения обучения.

С целью исследования возможностей и перспектив развития экспорта образовательных услуг вузами Челябинской области Челябинским филиалом РАНХиГС были разосланы в 31 вуз и филиалы вузов анкеты для опроса студентов и администраций вузов для получения информации о мотивах иностранных студентов в выборе города и вуза для обучения, условиях их жизни в период обучения, а также о деятельности вузов по привлечению студентов других стран для обучения в них.

Из общего числа вузов, в которые были разосланы перечисленные анкеты, результаты анкетирования, выполненные в соответствии с приложенными к анкетам инструкциями, были представлены в полном объеме от трех вузов, в т. ч. крупнейшего вуза региона — ЮУрГУ, это:

- 1) частное образовательное учреждение высшего образования «Международный Институт Дизайна и Сервиса»;
- 2) Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Россий-

ская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»;

- 3) федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».

Общая численность студентов, обучающихся в этих вузах, составляет 32 189 — это около 33 % от их общей численности в Челябинской области. Основная часть иностранных студентов обучается в ЮУрГУ, а всего на конец 2018 г., согласно официальным данным отдела виз и регистрации управления Федеральной миграционной службы России по Челябинской области, в вузах региона обучается 620 иностранных студентов [8] — это составляет около 2 % от общей численности студентов вузов Челябинской области. Общее число опрошенных иностранных студентов составило 127 человек, или 20,5 % от их общей численности иностранных студентов, в т. ч.: ЧФ РАНХиГС — 13 человек, Международный институт дизайна и сервиса — 40 человек, ЮУрГУ — 74 человека.

Данные о результатах анкетирования не представили 10 вузов из 13 образовательных учреждений и 17 из 18 филиалов, в которых по сравнению с перечисленными вузами число иностранных студентов незначительно. При этом следует отметить, что ряд филиалов находятся на территории ЗАТО, и иностранных студентов в них быть не может: это Озерский технологический институт, Снежинский физико-технический институт, Трехгорный технологический институт, являющиеся филиалами федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»).

Результаты

Основные результаты исследования контингента иностранных студентов в вузах Челябинской области в целом говорят о понимании руководителями ведущих образовательных структур региона важности и реальных выгод для вузов, принимающих и активно расширяющих географию и численность контингента обучающихся иностранных студентов.

На рис. 1 представлены данные, характеризующие географию стран обучающихся в Челябинской области студентов и их численность.

В настоящее время в вузах Челябинской области обучаются студенты, представители 15 стран, в т. ч.: Республики Казахстан, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Ирака, Камеруна, Непала, Китая, Индии, Сирии, Ливана, Конго, Азербайджана, Молдовы, Армении. Наибольшим количеством студентов представлен Казахстан — 39 %, далее Таджикистан — 17 %, Китай — 16 % и Узбекистан — 10 %. Эти страны, кроме Китая, являются членами СНГ, а Республика Казахстан является страной-соседом, активным деловым партнером, имеющим общую границу с Челябинской областью.

Для разработки стратегии и конкретных мероприятий по привлечению в Россию иностранных студентов необходимо знать личные мотивы потенциальных студентов, определяющие их выбор страны и вуза для обучения. Результаты анкетирования по этому вопросу представлены на рис. 2.

Результаты анкетирования показывают, что к числу основных факторов мотивации, определяющих выбор студента, в порядке убывания значимости следует отнести:

1. Советы родственников, друзей, знакомых.
2. Наличие информации в Интернете.
3. Доступность сайта вуза.
4. Возможность трудоустроиться в России после окончания обучения.
5. Хорошее владение русским языком.

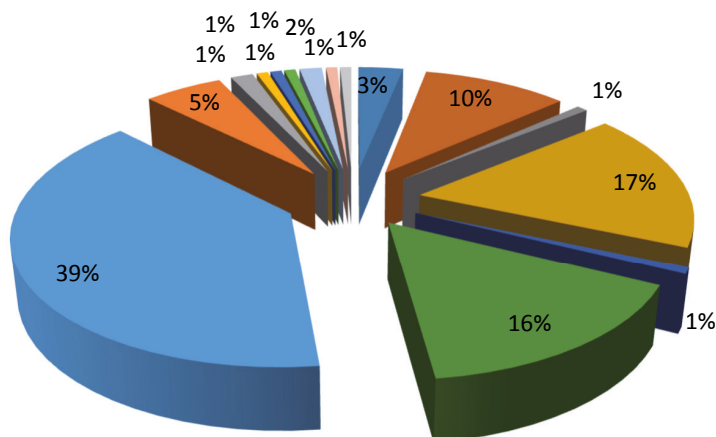
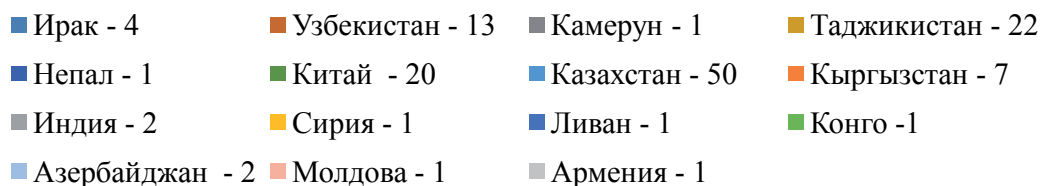

Рис. 1. География стран по числу студентов в Челябинской области

- Советы родственников, друзей, знакомых;
- Рекомендации рекрутингового агентства;
- Наличие информации в Интернете;
- Доступность сайта вуза;
- Наличие в вузе знакомых студентов;
- Наличие в городе диаспоры страны, из которой Вы приехали;
- Хорошее владение русским языком;
- Возможность освоения образовательной программы на английском языке;
- Доступная стоимость обучения;
- Дешевизна проживания в городе, где находится вуз;

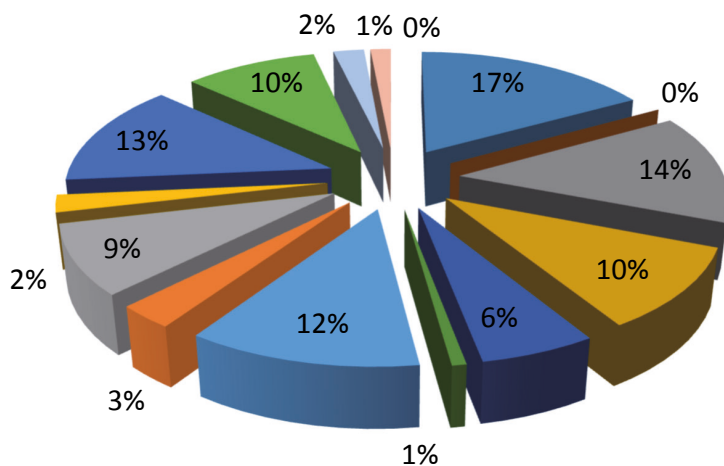

Рис. 2. Факторы, оказавшие влияние на выбор обучения в российском вузе

Наибольшее количество прошедших анкетирование зарубежных студентов обучаются в Южно-Уральском государственном университете (рис. 3).

Основная часть опрошенных студентов получает высшее образование впервые и при ответе на вопрос о сравнении России и вуза с другими странами и вузами утвердительно ответили 55,4 %, остальные сравнения не проводили.

Рассмотрим структуру обязательных расходов иностранных студентов на оплату жилья, питание, приобретение предметов быта и средств гигиены, транспортные расходы.

Во время учебы в российском вузе в 68 % иностранных студентов проживают в общежитии. Практически все вузы Челябинской области, принимающие на обучение иностранцев, имеют общежития. В то же время 19 % респондентов ответили, что снимают

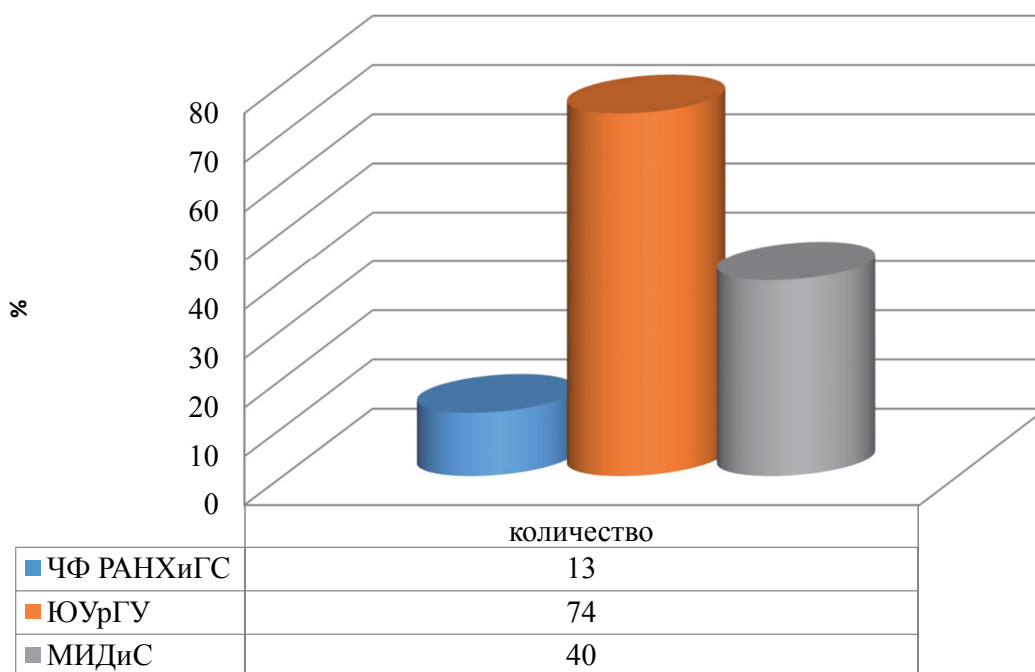

Рис. 3. Численность иностранных студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Челябинской области, участвующих в анкетировании в 2018 г., %

квартиру самостоятельно, 2 % снимают жилье совместно с товарищами, а 10 % проживают у родственников (рис. 4).

Структура ежемесячных расходов иностранных студентов на проживание представлена на рис. 5.

Как следует из диаграммы, наибольшая доля студентов — 38 % — платит за проживание более 10 тыс. руб. В диапазоне от 5 до 10 тыс. руб. оплачивают 30 % студентов, а 28 % студентов несут расходы на жилье от 2 до 5 тыс. руб. На данном фоне ценовой политики Челябинской области можно объяснить выбор иностранных студентов для проживания общежитий.

Рис. 6 показывает, что для 65 % иностранных студентов в Челябинской области ежемесячные расходы на питание не превышают 10 тыс. руб. Для 31 % студентов эти расходы лежат в диапазоне от 10 до 20 тыс. руб. Только 2 % студентов расходуют на питание от 20 до 30 тыс. руб., а расходы более 30 тыс. руб. не указал ни один респондент.

На приобретение предметов быта и средств гигиены 72 % студентов в месяц расходуют менее 5 тыс. руб., а от 5 до 10 тыс. руб. имеют расходы 21 % опрошенных студентов (рис. 7).

На вопрос «Сколько вы тратите на проезд» (рис. 8) 67 % иностранных студентов от-

ветили, что тратят на проезд по городу не более 1,5 тыс. рублей. Это связано прежде всего с тем, что в г. Челябинске действуют проездные билеты для студентов, а также общежития, в которых проживают респонденты, находятся, как правило, на близком расстоянии от учебных корпусов. Студентов, ответивших, что тратят от 1,5 до 3,0 тыс. руб., — 29 %, а от 3,0 до 5,0 тыс. руб. — 2 %, свыше 5,0 тыс. руб. — также 2 %.

На вопрос «Сколько раз в год Вы ездите домой?» 47 % иностранных студентов ответили — 1 раз, 31 % респондентов выезжают домой более 2 раз в год, 10 % — два раза в год, а 12 % домой, на родину не ездят. 69 % выездов приходится на каникулы, 31 % — на праздники.

В свою очередь, в гости к иностранным студентам приезжают родственники и друзья. Большинство обучающихся (64 %) ответили, что это происходит не чаще 2 раз в год. 9 % ответили, что это происходит 3—4 раза в год, а еще 9 % студентов встречают гостей или родственников ежемесячно. При этом, несмотря на отсутствие варианта ответа «не приезжают», 16 % человек написали, что родственники и друзья не приезжают к ним. Такие результаты можно связать с достаточно дорогими билетами и проживанием.

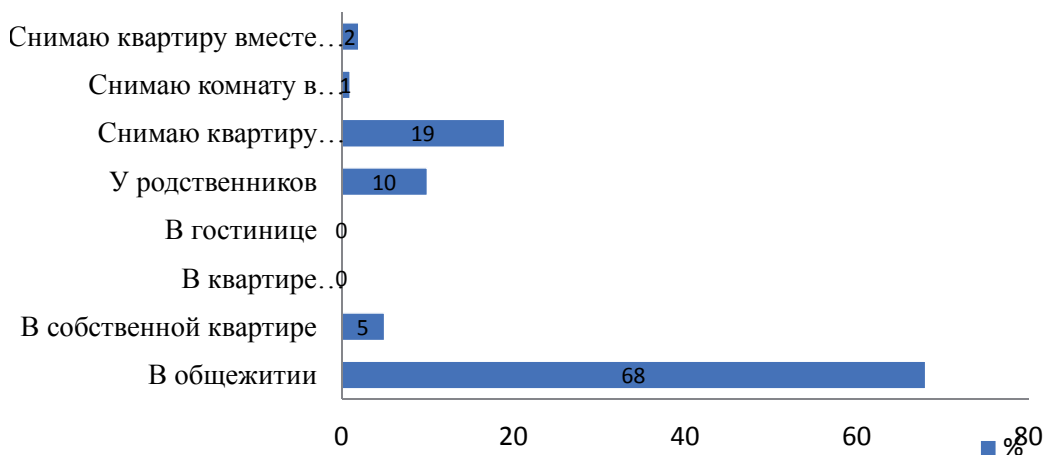

Рис. 4. Структура мест проживания иностранных студентов во время учебы

- Менее 2 тысяч рублей в месяц
- От 2 до 5 тысяч рублей в месяц
- От 5 до 10 тысяч рублей в месяц
- Свыше 10 тысяч рублей в месяц

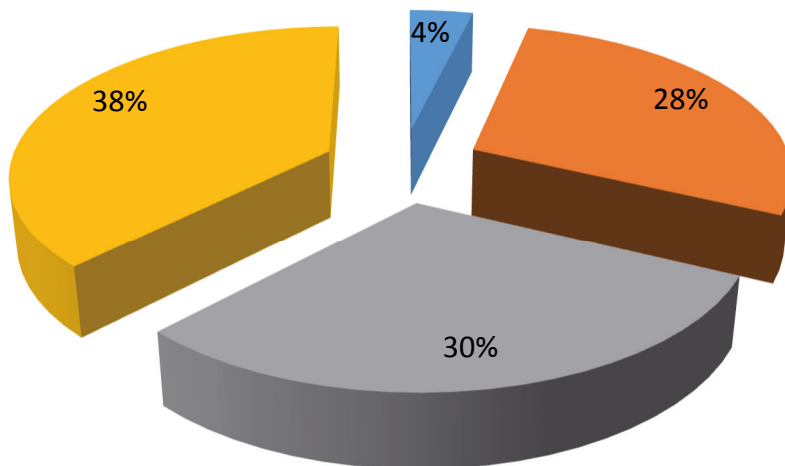

Рис. 5. Ежемесячная оплата на проживание

Из 127 респондентов, ответивших на вопрос: «Где проживают Ваши друзья и родственники, когда приезжают в гости?», 46 % ответили, что проживают вместе с ними, 15 % — в гостинице, а 13 % ответили, что снимают квартиру (в основном так отвечали студенты, проживающие в общежитии). 13 % ответили, что у друзей/родственников есть своя квартира.

На вопрос: «Как Вы проводите выходные и каникулы, если остаетесь в России?», 57 % студентов ответили, что просто гуляют по го-

роду, 20 % говорят, что в основном не выходят из дома, а проводят время в Интернете либо ищут подработку. 11 % опрошенных студентов проводят время, посещая другие города и экскурсии, а 12 % ответили, что ходят в театры и музеи.

Отвечая на вопрос: «В каких городах России Вы были в период обучения?», 32 % иностранных студентов ответили, что не посещали никакие города. 21 % иностранных студентов побывали в Челябинске и Екатеринбурге. Часть опрошенных посещали

- Не знаю, так как не оплачиваю сам
- Менее 10 тысяч рублей
- От 10 до 20 тысяч рублей
- От 20 до 30 тысяч рублей
- Более 30 тысяч рублей

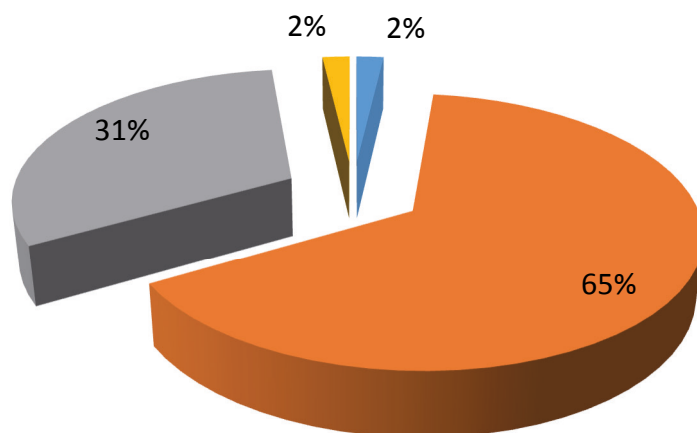

Рис. 6. Затраты на питание в месяц

- Не знаю, так как не оплачиваю сам
- Менее 5 тысяч рублей
- От 5 до 10 тысяч рублей
- От 10 до 20 тысяч рублей
- Более 20 тысяч рублей

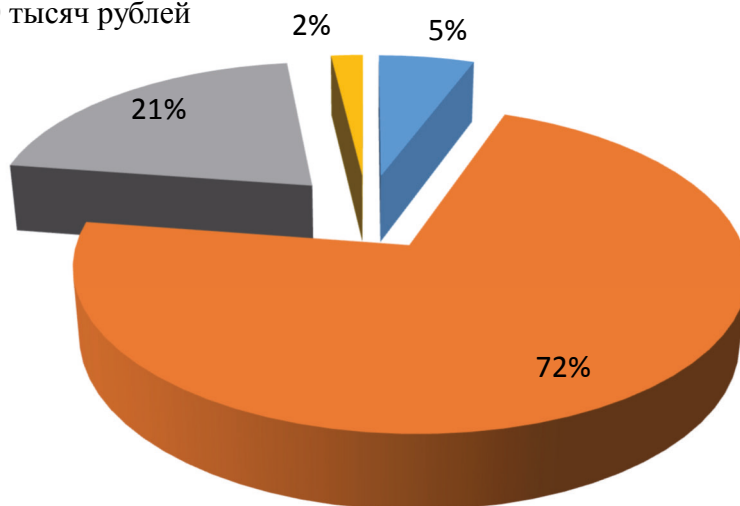

Рис. 7. Затраты на приобретение предметов быта и средств гигиены в месяц

Москву (11 %). Также при опросе респонденты называли крупные города соседних регионов: Казань, Уфа, а также города южного направления России: Краснодар, Геленджик и т. д. При этом многие из опрошенных пла-

нируют посетить как города России: Москву, Санкт-Петербург, Сочи, так и зарубежные города: Мюнхен, Прагу, Лондон, Вену.

69 % обучающихся в Челябинской области иностранных студентов ответили, что

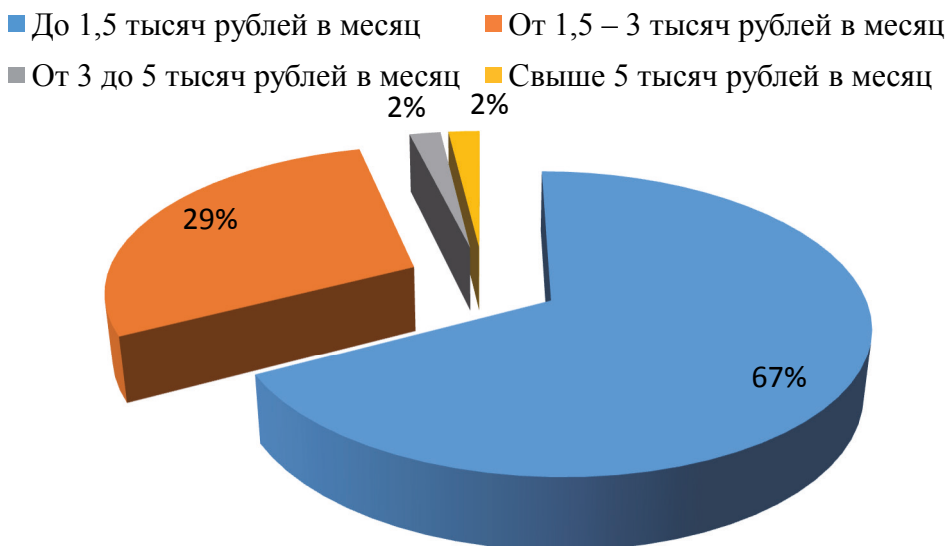

Рис. 8. Ежемесячные затраты на проезд

в период обучения не путешествуют по России, и только 9,5 % ответили, что тратят от 2,0 тыс. до 5,0 тыс. руб. на поездки по России. 9 % ответили, что тратят на поездки по России от 5,0 тыс. до 10,0 тыс. руб. От 10,0 тыс. до 20,0 тыс. руб. могут позволить себе тратить 7 % опрошенных студентов, а более 20,0 тыс. рублей тратят на поездки по России около 10 % респондентов.

На вопрос: «Какие проблемы у Вас возникли в период поступления в вуз и обучения в России?» — можно было выбрать несколько ответов. Четыре иностранных студента указали, что не сталкивались с какими-либо серьезными проблемами. Наиболее часто встречались ответы о проблемах с оформлением медицинского полиса (18 %), поиском места для проживания (37 %), бытовыми условиями (2 %) и финансовых трудностях (14 %). При этом отмечают дискриминационное отношение окружающих за пределами вуза 6 % [4, с. 24].

Проблему, связанную со слишком долгим процессом нострификации документов о полученном за рубежом образовании, отметили 14 % опрошенных, проблемы с регистрацией визы после прибытия в вуз для обучения отметили 4 %. Необычным ответом являлось «бюрократия» — так ответили 3 студента. Однако проблемы, с которыми столкнулись иностранные студенты, в большинстве случаев они разрешили самостоятельно — так ответили 85 % студентов. 9 % получили помощь от родственников, а 6 % воспользовались помощью международного отдела вуза или администрации вуза (рис. 9).

Обсуждение

Учебные заведения заинтересованы в иностранных студентах из Китая, Казахстана, Средней Азии, Киргизии и пр. Более редкими направлениями, где планируется проводить рекрутинговые кампании, стали Ближний Восток, Украина. Сложным для исполнения являются для Челябинской области рекрутирование студентов Западной Европы из-за географической удаленности и недостаточной привлекательности региона.

В процессе привлечения иностранных обучающихся часть вузов сталкивается с проблемами обеспечения местами проживания студентов, миграционным законодательством и визовым режимом.

Основная проблема, с которой сталкиваются вузы в процессе обучения иностранных студентов, — это плохое владение русским языком. Обучение иностранцев осложняется и тем, что преподаватели не могут обучать на иностранном языке либо не владеют иностранным языком [7, с. 14; 10, с. 22]. Можно отметить и сложности при организации практики для иностранных студентов.

Стоимость обучения играет одну из важнейших ролей в выборе студентом вуза. Установленные цены за обучение в вузах Челябинской области являются оптимальными, что способствует выполнению плана набора иностранных студентов.

Доступная стоимость заочного обучения влияет на положительную динамику привлечения иностранных студентов на Южный Урал.

- получение визы при поступлении в вуз;
- регистрация визы после прибытия в вуз для обучения;
- продление визы;
- оформление полиса медицинского страхования;
- слишком долгий период нострификации документов о полученном за рубежом образовании;
- недостаточно свободное владение русским языком;
- поиск места для проживания;
- дискриминационное отношение окружающих за пределами вуза;
- дискриминационное отношение членов студенческой группы;
- дискриминационное отношение преподавателей;
- финансовые трудности;
- бытовые условия;

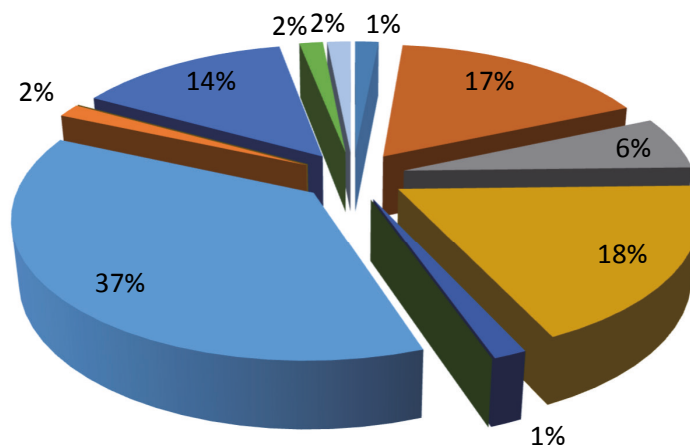

Рис. 9. Проблемы, возникавшие в период поступления в вуз и обучения в России

Стоимость проживания в регионе не представляет существенную финансовую проблему для многих иностранных студентов.

Стоит отметить, что Челябинская область по сравнению с другими регионами Российской Федерации является не самым дорогим для проживания. Этот факт является, по нашему мнению, одним из позитивных моментов для дальнейшего увеличения количества иностранных студентов в вузах региона.

В рамках национального проекта «Образования» по решению Правительства РФ вопросы компетенций проекта возложены на Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Под эгидой кампуса в 2018 г. сформированы региональные представительства Центра компетенций сотрудников международных служб.

В качестве дополнительных возможностей с учетом наличия в Челябинской области регионального представительства

Центра компетенций сотрудников международных служб вузы заинтересованы:

- в получении информации относительно перспектив сотрудничества с определенным зарубежным вузом;
- наличии штатной должности юриста в Центре компетенций для решения вопросов, связанных с получением визы, регистрации, медицинского полиса и в целом с пребыванием в России на период обучения;
- создании на базе Центра компетенций Центра работы с иностранными государствами и расширении взаимодействия с вузами региона;
- содействию в рекрутинговой кампании;
- выходе на образовательные рынки других стран;
- объединении усилий для привлечения иностранных студентов;
- создании портфеля лучших практик как на уровне филиальной сети, так и на российском и международном уровнях;
- региональном центре компетенций на базе университета — лидера по числу иностранных студентов и спектру направлений подготовки, на которых они обучаются. Он должен войти в межведомственный проектный офис, курирующий региональные программы стимулирования экспорта образования.

Заключение

В ходе исследования были выделены следующие проблемы:

- 1) уровень нормативно-правовой базы отстает от мирового;
- 2) бюрократизация на высоком уровне;
- 3) недостаточная языковая подготовка специалистов-международников;
- 4) уровень социально-бытовых условий для иностранных студентов отстает от международных стандартов.
- 5) отсутствие инструментария по сохранности иностранных студентов в организациях, осуществляющих образовательную деятельность;
- 6) недостаточный уровень медицинского обслуживания;
- 7) отсутствие признанного студентами комплекса мер по безопасности.

Рекомендации

1. Для информирования иностранных студентов о системе российского об-

разования активно «прорываться» на информационно-рекламное поле зарубежных сайтов, посвященных образовательным организациям РФ.

2. Переоценка требований к организациям, осуществляющим образовательную деятельность, которым дано право на набор иностранных граждан, в части подготовки и переподготовки НПР, методики обучения русскому языку, методики преподавания для иностранных студентов, оказания психологической помощи в период адаптации и пр.
3. Решение вопросов, связанных с проработкой нормативно-правой базы по получению квалификации бакалавра, специалиста или магистра для иностранных граждан.
4. Либерализация визового режима, расширение возможностей прохождения практики и последующего трудоустройства иностранных выпускников и пр.
5. Введение в каждую организацию, осуществляющую образовательную деятельность, имеющую иностранных студентов, штатной единицы по международному сотрудничеству.

---

1. Бамбергер А. Международная студенческая мобильность в Израиле // Международное высшее образование. 2019. № 2 (96). С. 13—15.

2. Меликян А. В. Внутренние факторы результативности экспорта образования в российских вузах // Вопросы образования. 2018. № 3. С. 146—179.

3. Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л. Миграционные процессы и межнациональные и межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9—20.

4. Ульянова Т. А. Формирование толерантности в студенческой среде // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 22—25.

5. Abbasov A. Emergence of Russian Branch Campuses in the Post-Soviet Space as Regional Integration Strategy // HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond. 2019. № 1 (19). P. 13—15.

6. Alekseeva I. V., Frolikova A. S., Koltsova H. A., Tereshchenko N. A. Improving the Universal Competence of Intercultural Interaction among University Students by Means

of Fine Arts: Case Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. № 8 (2). P. 265—279.

7. Frumina E. Internationalization of Higher Education in Russia: English Language Teaching Landscape // *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*. 2018. № 2 (16). P. 14—16.

8. Leyrer A., Jitareanu M. A Low Risk Solution for International Faculty Hire // *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*. 2018. № 4 (18). P. 15—16.

9. Dudin M. N., Shishalova Yu. S. Development of Effective Education and Training System in the Context of the Transition to International Accreditation // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. № 8 (1). P. 118—127.

10. Panova A. Foreign Language Use by the Russian Academia // *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*. 2018. № 2 (16). P. 21—23.

11. Nagovitsyn R. S., Zamolotskikh E. G., Potashova I. I., Rybakova L. V. Model of the System of Raising the Social Status of the Teacher in the Region on the Basis of a Pedagogical University // *European Journal of Contemporary Education*. 2019. № 8 (2). P. 315—327.

12. Shenderova S., Lanko D. Building Higher Education Cooperation across Regions: The Case of Finnish-Russian Double Degree Programs // *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*. 2019. № 1 (19). P. 20—22.

13. Titarenko L. Higher Education Regionalism in Belarus: varieties of Initiatives and Arrangements // *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*. 2019. № 1 (19). P. 6—7.

14. Tokarev N. Russian Universities: Internal Recruitment Without Inbreeding // *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*. 2018. № 4 (18). P. 20—22.

15. Zhao J., Ferran C. Business school accreditation in the changing global marketplace: a comparative study of the agencies and their competitive strategies // *Journal of International Education in Business*. 2016. № 9 (1). P. 52—69.

References

1. Bamberger A. (2019) *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie*, no. 2 (96), pp. 13—15 [in Rus].

2. Melikjan A.V. (2018) *Voprosy obrazovanija*, no. 3, pp. 146—179 [in Rus].

3. Sulejmanova Sh.S., Rjabova E.L. (2016) *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*, no. 2 (92), pp. 9—20 [in Rus].

4. Ul'janova T. A. (2016) *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*, no. 1 (91), pp. 22—25 [in Rus].

5. Abbasov A. (2019) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, no. 1 (19), pp. 13—15 [in Rus].

6. Alekseeva I.V., Frolikova A.S., Koltsova H.A., Tereshchenko N.A. (2019) *European Journal of Contemporary Education*, no. 8 (2), pp. 265—279 [in Rus].

7. Frumina E. (2018) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, no. 2 (16). pp. 14—16 [in Eng].

8. Leyrer A., Jitareanu M. A (2018) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, 2018, no. 4 (18), pp. 15—16 [in Eng].

9. Dudin M.N., Shishalova Yu.S. (2019) *European Journal of Contemporary Education*, no. 8 (1), pp. 118—127 [in Eng].

10. Panova A. (2018) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, no. 2 (16), pp. 21—23 [in Eng].

11. Nagovitsyn R.S., Zamolotskikh E.G., Potashova I.I., Rybakova L.V. (2019) *European Journal of Contemporary Education*, no. 8 (2), pp. 315—327 [in Eng].

12. Shenderova S., Lanko D. (2019) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, no. 1 (19), pp. 20—22 [in Eng].

13. Titarenko L. (2019) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, no. 1 (19), pp. 6—7 [in Eng].

14. Tokarev N. (2018) *HERB Regionalism in Higher Education Higher Education in Russia and Beyond*, no. 4 (18), pp. 20—22 [in Eng].

15. Zhao J., Ferran C. (2016) *Journal of International Education in Business*, no. 9 (1), pp. 52—69 [in Eng].

For citing: Shibanova E.K., Ivanov O.P.
Opportunities and prospects
for developing educational services export
by universities of the Chelyabinsk region:
motivation and choice of students //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 31—44.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-31-44

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-31-44

UDC 378.4

OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR DEVELOPING EDUCATIONAL SERVICES EXPORT BY UNIVERSITIES OF THE CHELYABINSK REGION: MOTIVATION AND CHOICE OF STUDENTS

Elena K. Shibanova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Academic Services Office,
Cand. Sc. (Education), Associate Professor.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Oleg P. Ivanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Senior Researcher of the Laboratory of Applied
Political Science and Sociology,
Cand. Sc. (Engineering), Associate Professor.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: olegivanov@chel.ranepa.ru

Abstract

Introduction The article presents an assessment of the prospects for developing export of Russian education to other countries of the world. Taking into account the objectives of the national project "Education", which includes the federal project "Export of Education", the authors have developed a methodology to study the specifics of this area, have assessed the real prospects, opportunities and threats in the regional implementation of the federal project, as exemplified by Chelyabinsk's and the Chelyabinsk region's universities. The authors take into account both the real opportunities for foreign students to be trained in the Chelyabinsk region's universities and the criteria and priorities of young people from foreign countries, on the basis of which they select the place and specific university for training. The aim of the paper is to study possibilities

and prospects of developing educational services export by the Chelyabinsk region's universities with the help of the Chelyabinsk branch of the RANEPA and to draw up recommendations.

Methods. In the framework of the study, the authors use comparison and systematization methods, which make it possible to obtain information about foreign students' needs, peculiarities of education in Russian universities, methods for studying, generalizing and analyzing the experience of education export practice, a social research based on questionnaires to monitor the dynamics of education export in regional universities developed by the RANEPA Competence Center of international services of educational organizations.

Scientific novelty of the study. A large-scale analysis of foreign students' needs and peculiarities of the export activities of the Chelyabinsk region's higher educational institutions make it possible to determine the specifics of this area, assessing the real prospects, opportunities and threats in the regional implementation of the federal project.

Results. The results of the study are the opportunities to assess the prospects for recruiting foreign students and setting goals both at the regional and federal levels, as well as developing the education system as such, the main users of which are Russian citizens, and the tasks of exporting Russian education to other countries of the world. These tasks are not alternative; they complement each other and create an additional development resource due to the synergistic effects of these areas interaction.

Conclusions. In modern conditions, the export of education is considered as a vector of the territory socio-economic development, as a social activity, it does not have an unambiguous approach, addressing the issues of the language barrier and legal support. The current situation is a serious problem for attracting foreign students, the solution of which will make it possible to develop this direction in Russian universities. It is necessary to generalize the experience available in various universities. At the same time, one should take into account both the real possibilities of universities in the Chelyabinsk region for recruiting and training foreign students, as well as the criteria and priorities of young people from foreign countries, on the basis of which they select the place and specific university for training.

Key concepts:
education,
higher educational institutions,
export of educational services,
motivation,
choosing country and university,
federal project.

Для цитирования: Ершов Ю. Г.
Аксиология прав человека:
демократия versus автократия //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 45—54.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

УДК 130.3

АКСИОЛОГИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ДЕМОКРАТИЯ VERSUS АВТОКРАТИЯ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
заведующий кафедрой философии
и политологии, профессор,
доктор философских наук.
Российская Федерация, 620144,
г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 68.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу идеологических споров относительно концепции естественных прав и свобод человека. Критике подвергается как практика злоупотребления основными правами, так и попытки подмены их архаичными формами взаимоотношения индивида и государства. На примере нацистской Германии фиксируется закономерная связь между отрицанием правового государства и его заменой террористической диктатурой.

Ключевые понятия:

естественные права человека,
конституция,
правовая фикция,
демократия,
государство,
авторитаризм.

Идея естественных прав человека как важнейшей гуманитарной ценности не случайно принадлежит христианской цивилизации, исторически соединившей борьбу людей против деспотизма и тирании с возвышением человеческой личности. После создания Организации Объединенных Наций естественные права и свободы именуются «общечеловеческими» и считаются величайшим достоянием мировой цивилизации. Соблюдение основополагающих прав человека предлагается считать критерием уровня гуманности и цивилизованности жизни любого общества и государства.

Но сегодня теория и практика реализации прав и свобод человека столкнулись с серьезными вызовами современности. Стягивая воедино целый ряд острых и углубляющихся мировоззренческих проблем, они фиксируются в системе взаимосвязанных противоречий — между взаимными правами и обязанностями гражданина и государства, между персонифицизмом и социализмом, индивидуализмом и коллективизмом и т. п. Жизнь сигнализирует — прежнее отношение к идеалу прав человека как к чему-то священному, соответственно, признание за западной цивилизацией безусловного права на единственно верное их толкование и воплощение в действительность, как минимум — спорно.

В России, по смыслу Конституции 1993 г., сконцентрированному в ч. 2 ст. 18, нет и не может быть какой-либо общественной и государственной (в том числе и правоохранительной) деятельности, содержание которых не соотносилось бы правами и свободами человека как высшей ценностью. Но Конституция РФ действует в сложном, противоречивом контексте, образуемом многими факторами. Прежде всего, это — политико-правовой кризис, длящийся со времен «перестройки». Он имеет системный характер, затрагивая все черты правовой жизни — от массового правосознания до официального правоприменения. С одной стороны, делятся традиции покорности бесправию и беззаконию, всеобщего правового нигилизма, декларативности провозглашаемых правовых ценностей; по-прежнему низок уровень правовой культуры органов власти и населения, отсутствуют социально-экономические и политические условия для полноценной реализации прав и свобод.

С другой стороны, мы сталкиваемся с разновекторным характером интерпретации основных прав и свобод. Странники идеологии прав человека как естественных, присущих от рождения, не октроированных, коренящихся в самой природе человека,

придают им высший критериальный смысл в оценке любых социокультурных процессов. Типична в этом смысле позиция В. А. Четвернина, считающего, что «в концепциях естественного права ставится цель выяснения сущности правовых явлений, лежащей за внешними, формальными свойствами позитивного права, объяснения и оценки правовых явлений с позиций знания о должном праве и с точки зрения нормативных ценностных идеалов» [16, с. 13—14].

Соответственно, всё, не отвечающее стандартам, рожденным западной цивилизацией, маркируется как феномены тирании, деспотии, насилия и произвола, как выражение отсталости, дикости и варварства. В этом качестве права человека сакрализуются, им придается абсолютный, безусловный характер. Оппоненты же этого подхода указывают на то, что «никаких прав у человека от рождения, от природы, от Бога нет и не быть не может. Права он получает только в государстве. Нет государства — и прав никаких нет» [4, с. 2].

Критики российской действительности, занимающие диаметрально противоположные идеологические позиции, солидарны в указаниях на факты коррупции и недостойного поведения в рядах правоохранителей, на зависимость судей от исполнительной власти, на открытое пренебрежение чиновников правами граждан и т. п. Отмечается острое противоречие между «бумажной» Конституцией и реальной правовой системой. Выводы же в оценке сложившейся ситуации заметно различаются. Одни утверждают, что новая, либерально-демократическая Конституция вывела Россию из острого политического кризиса 1993 г. и заложила основы пусть медленного, мучительного, но все-таки демократического развития. Другие толкуют о формальности провозглашенных принципов правового государства и отсутствии желания их осваивать. Оппоненты и тех, и других уверяют в деструктивности и непригодности для России заимствований от «тлетворного и гнивающего Запада», поскольку Конституция РФ представляет собой своеобразную малую энциклопедию либерально-правовой конституционной мысли [6, с. 45].

Накал полемики порой приобретает, в зависимости от степени геополитической и внутривнутриполитической напряженности, ожесточенный характер, заметно ухудшающий качество аргументации, подменяющий ее идеологическими штампами и ярлыками. Например, резко негативное отношение к идее прав человека выражается в ее объявлении «продуктом больного политического сознания, воспитанного тоталитаризмом, строя-

щегося на его отрицании и не способного выйти за рамки противоположностей», утверждение «приоритета прав человека» выступает «эксцессом, абсолютизацией какого-то одного принципа... среди теоретизирующих юристов». [10, с. 39]. «Абстрактно-аморфный статус «прав человека», — рассуждает А. А. Владимиров, — является главной причиной их *несоблюдения* даже при красочно-образной их записи в Конституциях государств: право на жизнь, на образование, на свободу, на здравоохранение, на труд, на самозащиту, на перемещение, на жилье, но *гарантии* этих прав не оговорены конституционно или реально не выполняются» [3, с. 282].

В реальной правовой повседневности день ото дня множится число требуемых справок, отчетностей, бюрократических процедур, приводящих к абсурдным последствиям и уголовным делам и т. п. Тем самым право, Конституция становятся пустыми декларациями. Объясняя ситуацию, Е. С. Аничкин находит в сложной российской правовой жизни «эпизодически наблюдаемое расхождение между писанным правом и правовой реальностью», дисгармонию норм права и действительности — фикции, встречающиеся в различных отраслях российского права [2, с. 88]. Рассматривая фикции в конституционном праве и отмечая их большую масштабность по сравнению с ролью фикций в иных отраслях права, Е. С. Аничков сообщает о своем выборе для исследования классического, или традиционного подхода, «в рамках которого фикция рассматривается как прием юридической техники, состоящий в признании существующим несуществующего и наоборот» [2, с. 89]. Этот подход ведет свое происхождение от определения Р. Иерингом правовой фикции как технического обмана, юридической лжи, освященной необходимостью.

На деле же в дальнейшем исследовании автором используется редукция правовой фикции к свойству нормы права не соответствовать потребностям общества в процессе правотворческой или правоприменительной деятельности, к незавершенности и неполноценности правового регулирования, более широко — к фиктивности вообще, теряющей категориально-юридический смысл. Подобная фиктивность (или мнимость) конституции, ослабляющая ее регулятивное значение, как следствие подвижности общественных отношений или внутренней политики государства — феномен универсальный и особых концептуальных затруднений не вызывающий. Аналогично обстоит дело и с неоднозначностью роли Конституции в переходный

период развития общества — с его нестабильностью и неопределенностью, с возможным заимствованием правящим классом чуждых политико-правовых ценностей и их навязыванием обществу. Автор справедливо, по нашему мнению, соглашается с ярко выраженной мировоззренческой и идеологической природой конституционно-правовых фикций и их выражением в абстрактных правовых категориях, «понимание и толкование которых отличается дискуссионностью и неоднозначностью», обладающих смысловой подвижностью в зависимости от складывающейся конъюнктуры. [2, с. 92—93]. Но дело в том, что правовая, и особенно конституционно-правовая, фикция может быть не просто спорной или неоднозначной, она может быть формально ложной и именно объяснение формальной неистинности фикции обнаруживает ее подлинный смысл. Только сама история с течением времени и развитием социальной практики обнаруживает содержательную истинность или ложность той или иной правовой фикции. Будучи идеализацией — мысленной конструкцией объекта, не существующего в действительности, правовая фикция представляет то или иное свойство или состояние в предельном виде. Следует особо подчеркнуть факт дескриптивности социогуманитарных идеализаций, выражение ими определенных ценностей, позволяющих в определенной социальной ситуации выступать в роли инструмента — обосновывать социальную идентичность, достигая интеграция и интересубъективного нормативного согласия [12, с. 76]. Плодотворность таких идеализаций (правовых фикций) обнаруживается практикой их реализации, долговременным и устойчивым социально полезным эффектом.

Здесь мы и сталкиваемся с проблемой потенциала такой правовой фикции как «естественное право» обеспечивать стабильность и поступательное развитие общества. Но решение этой проблемы требует предварительно выяснения некоторых важных вопросов.

Сторонники юридического или либертарианского правовопонимания отличаются буквализмом трактовки прав человека как «естественных и неотчуждаемых» притязаний на свободу, следующих из понимания свободы как естественного свойства, присутствующего людям.

А. С. Кудинов обращает внимание на субъективность понимания естественности, но настаивает на неоспоримости некоторых базовых ценностей, составляющих содержание «естественного права». Правда, ссылка на точку зрения В. С. Нерсисянца, считавшего, что «вечность и неизменность естествен-

но-правовых предписаний обусловлена их источником — вечностью и неизменностью природы человека, которая проявляется в человеческих склонностях и влечениях» [11, с. 798], вряд ли может считаться бесспорным и исчерпывающим аргументом.

Если «право» воспринимается как продукт общественного развития, что само по себе тривиально, то тогда невозможно принять понимание естественного права как природно-социального феномена. Ничуть не лучше его эклектическая трактовка как исключительно социального явления, но возникшего благодаря закономерностям природы и общества, определяющим его «естественность». Естественное право объявляется наиболее важной детерминантой позитивного права, по странной логике — «потому, что человек создан природой и должен жить в соответствии с ее законами. Но он является также частью социума и должен ориентироваться на социальные ценности» [9, с. 124]. Методологически подобное суждение не выдерживает критики, поскольку человек, являясь плодом антропосоциогенеза и оставаясь природным существом, но всегда остается **человеческим** природным существом. Это означает, что природная естественность в человеке снята (в гегелевском смысле). Универсальным способом существования и развития человека и общества является культура, то есть, система вне- и надбиологически выработанных средств и способов жизнедеятельности, имеющих *искусственный* характер. Наиболее глубокие мыслители эпохи Просвещения (Дидро, де Сад) показали несостоятельность буквального понимания «естественности» и его негативные последствия. Права человека как притязания человека на определенную меру свободы не являются «даром природы», они формируются обществом, более того, они всегда являются результатом неуклонной борьбы людей за эти права. Обладая конкретно-исторической природой, «естественные права» выражают особенности различных пространственно-временных потоков развития общества и культуры.

Но идея прав человека — не плод досу-жих фантазий мечтательных теоретиков, а кристаллизация многократно повторяющихся событий и поступков, выражающих социально обоснованные притязания человеческой личности на определенный объем материальных и духовных благ. В свою очередь, масштаб прав и свобод обуславливает возможности социального творчества и дальнейшее возрастание степени защиты чести и достоинства. Наделение этих прав статусом «естественных» — не что иное, как правовая фикция, закрепляющая достигнутый

рубеж индивидуальной свободы и гуманизма. В этой формальной неистинности конституционно-правовой фикции «естественных прав» и заключается ее гуманистический смысл.

При этом, в подобного рода дискуссиях, прежде всего в российском социокультурном контексте, необходимо постоянно подчеркивать, что приоритет прав и свобод человека не имеет ничего общего с их абсолютизацией. Свобода *всегда* исторична, *всегда* существует в определенной правовой форме, поэтому *всегда* представляет собой единство взаимных прав, обязанностей и ответственности личности и государства. Приоритетность прав и свобод индивида означает только лишь одно — подчинение деятельности государственных органов и чиновников интересам общества и граждан. При этом следует помнить про предусмотренные Конституцией случаи ограничения прав и свобод во имя общественного блага, то есть, права и свободы человека приоритетны по отношению к государственному аппарату, склонному злоупотреблять должностными полномочиями — при отсутствии системы сдержек и противовесов.

Сложность и неоднозначность проблемы раскрывает подход В. Н. Руденко. Он показывает, как рост социальной напряженности может вызывать лавирование власти между соблюдением закрепленных в конституциях прав и свобод человека и необходимостью их ограничения. Подчеркнем, речь ведется о странах с устоявшейся репутацией демократических и правовых государств, но в которых с начала 2000-х гг. жизненно важным стал вопрос о балансе между правами человека и безопасностью граждан — в контексте роста миграционных потоков и всплеска терроризма. Из-за угрозы терроризма в ряде стран были приняты законы о безопасности, обернувшиеся ограничением фундаментальных прав человека: на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений. «То есть, речь идет о покушении на наиболее важные естественные, личные права человека. Желание государства контролировать все потоки информации и предотвращать потенциальные угрозы породило не менее серьезную проблему: под удар попали не только демократические права и свободы, но и собственно основы конституционного строя» [13, с. 117]. Как свидетельствует исторический опыт, расширение контроля над частной жизнью содержит перспективу перерождения демократического государства в полицейское, несовместимое с современными представлениями о цивилизованной жизни и правах человека.

По мнению В. Н. Руденко, подобная ситуация вызвана преобладанием в современном мире непартиципаторной (элитарной) демократии, основанной на состязании политических элит за голоса избирателей. Получая в результате выборов мандат на правление, органы власти ограничивают роль граждан голосованием, оставляя за собой право на принятие важнейших управленческих решений. Поэтому реальная политика становится политикой интересов — борьбой доминирующих групп за власть, создающей «возможность нечестных выборов, некомпетентности выборных должностных лиц, келейности принятия публично-властных решений, неэффективного управления и, как результат, равнодушия граждан относительно своих прав» [13, с. 116]. Попытки минимизировать издержки подобной демократии (транспарентность деятельности органов муниципальной и государственной власти, совершенствование избирательного законодательства, и т. п.), заслуживают внимания и поддержки. Но сегодня они не могут рассматриваться в качестве стратегии развития демократии, поскольку в любой момент могут быть свернуты или выхолащены наличным политическим режимом. Включение в конституцию абстрактных норм о правах человека в целях судебного контроля влечет такую же абстрактную, неэффективную и внутренне противоречивую политику, зачастую имитирующую демократию фальшивой риторикой. На деле права человека воспринимаются населением как идеологические директивы власти, аналогичной директивой выглядят требования по соблюдению прав человека, адресованные органами власти судам и правоохранительным органам. Сами же граждане чаще всего ничего не знают и не стремятся знать о собственных правах, в большинстве своем избегая правозащитной деятельности.

Очевидные недостатки непартиципаторной демократии побудили к поиску альтернативных моделей демократического устройства. В частности, таковой стала концепция делиберативной демократии, понимаемой как политика коммуникации равных граждан, способных к выработке важнейших управленческих решений. «В аксиологии прав человека, — отмечает В. Н. Руденко, — делиберативная демократия задает следующую стратегию: любой гражданин, либо в той или иной мере организованная группа граждан имеют право на участие в обсуждении вопросов, прямо или косвенно затрагивающих их законные права и интересы» [13, с. 118]. Так появляется новая стратегия защиты прав человека, устремленная к согласованию интересов как индивидов, так и социаль-

ных групп, в целом гражданского общества с интересами государства. Артикуляция собственных интересов в коммуникации с органами власти меняет понимание защиты прав человека, которые теперь рассматриваются не как «милость» государства, а как результат общественного договора всех заинтересованных лиц.

Заинтересованное участие в обсуждении правозащитной проблематики, с одной стороны, повышает информированность граждан о своих правах, с другой — затрудняет их произвольное ограничение государственными органами. В рамках делиберативной демократии государство гарантирует гражданам возможность участия граждан в решении тех проблем, которые касаются их законных прав и интересов.

Обобщая имеющийся, преимущественно зарубежный, опыт развития делиберативной демократии, В. Н. Руденко указывает на различные, относительно новые формы защиты прав человека, значимость которых постоянно растет. Судебный контроль в сфере защиты прав дополняется гражданским контролем, возлагающим ответственность за продвижение и защиту прав человека на органы власти, институты гражданского общества и самих граждан. С конца прошлого столетия в ряде стран повышается ценность гражданского участия в такой форме самоорганизации граждан как гражданские жюри (Citizen's Juries). На заседаниях гражданского жюри, сходного с коллегией присяжных, обсуждаются злободневные проблемы публичной политики, связанные с защитой прав женщин, инвалидов, молодежи, других социальных групп. Подобная форма демократии не сводится к соперничеству за голоса избирателей, но все в большей мере включает гражданское общество в решение вопросов, традиционно относящихся к прерогативам государственных органов. Перспективной формой развития судебной системы и защиты прав человека считается так называемое восстановительное правосудие (restorative justice), включающее такие механизмы защиты прав человека, как примирительные процедуры (посредничество, урегулирование, арбитраж), в основе которых лежит диалог, обсуждение [13, с. 120—122].

Но есть и другая перспектива развития форм коммуникации, толерантности, защиты индивидуальной свободы и т. п. Оригинальным вызовом идее прав человека А. П. Семитко считает использование «прав человека для борьбы... с правами человека же, а именно: когда эти правовые идеи наполняются другим культурным содержанием и в итоге искажаются и уничтожаются

их смысл, т. е. они начинают нарушаться в отношении отдельных слоев населения, что оправдывается ссылками на иные — более важные ценности (мультикультурализм, свобода вероисповедания и т. п.)» [15, с. 61]. Речь идет об активном использовании правозащитной риторики в противоречии со смыслом и целью этой защиты. Паранджа или никаб для женщин, скрывающая их тело и лицо (кроме глаз), оказывается, необходима исламистам не для того, чтобы следовать традиции униженного и подчиненного положения женщин в исламском фундаментализме, а для того — «и кто бы это мог подумать, — чтобы бороться за права женщин на индивидуальность и за свободу женского самовыражения. К сожалению, западный обыватель проглатывает эти лицемерные аргументы на полном серьезе и с превеликим энтузиазмом вступает в ряды протестующих против принятия законодательства, запрещающего ношение паранджи (никаба) на территории западноевропейских государств». [15, с. 61].

Современная правозащитная практика подтверждает нехитрую истину о том, что нет такой идеи, которую бы люди не могли довести до абсурда. Правозащитный радикализм, принимающий порой экстремистскую форму человека, ведет к нарушению прав иных лиц и общества в целом. Согласимся с мнением о гипертрофированной защите прав приверженцев однополюсной любви, посягающей на гуманитарную самоидентичность человечества, когда вместо понятий отца и матери предлагается узаконить сексуально нейтральные «Родитель № 1» и «Родитель № 2». По мнению А. П. Семитко, «принятие во множестве западных стран законодательства, разрешающего гомосексуальный брак, — это яркий пример правозащитного экстремизма, который не просто искажает, но уродует и извращает традиционные социальные институты, к каковым относится институт семьи. Более того, эти новые западные подходы навязываются всему остальному обществу насильственно, что является еще одним примером правозащитного экстремизма» [15, с. 63]. Информированный человек может знать, что в большинстве случаев однополюсная сексуальная ориентация не является психическим отклонением, но имеет право не принимать ее по религиозным, этическим или эстетическим соображениям, что не влечет его автоматической квалификации как тоталитарной личности.

Из коммуникативного дискурса могут исключаться темы, которым придается безусловный характер, тем самым ограничиваются базовые права и свободы. Например, так называемая политкорректность приводит

к созданию Голливудом фильмов, мягко говоря, искажающих реальную историю во имя расового равенства; в целом возникли многочисленные запреты на публичное обсуждение «неполиткорректных» тем, ограничивающих свободу слова, доходящие, в некоторых случаях до уголовного преследования.

Политика двойных стандартов, используемая США и рядом государств Европы в международной политике по отношению к западным странам, факты грубого нарушения прав собственных граждан и т. п. свидетельствуют не только о нравственном лицемерии, но и ведут к дискредитации правозащитных идей и ценностей. Тем самым воспроизводится знаменитая мораль готтентотов, согласно которой все, что выгодно для них — «хорошо», если наоборот, то — «плохо».

В этой ситуации авторитарные и террористические режимы западного мира получают прекрасную возможность политической демагогии по отношению к населению собственных стран, разоблачая ценности и идеалы правового государства как ничтожные и злонамеренные. Для внутренней политики насилия и произвола, творящей бесправице, находится оправдание, позволяющее как минимум игнорировать критические оценки со стороны международных правительственных и общественных правозащитных организаций.

Показательно, что в последнее время простое замалчивание подобной критики в России сменяется открытой агрессией по отношению к самой идее прав и свобод человека. В безапелляционной и категоричной форме, игнорирующей правила логики и какие-либо содержательные аргументы, провозглашается необходимость радикального пересмотра действующей Конституции. Взамен предлагается обновленная национальная идеология, которая якобы позволит всем народам евразийской цивилизации успешно идти по пути социального прогресса.

В рамках этого подхода на евроатлантическую цивилизацию возлагается безусловная вина — как за развязывание непрерывных вооруженных конфликтов, так и навязывание конституционно-правовой идеологии, основанной на ценностях прав и свобод человека, выдаваемых за универсальные общечеловеческие ценности [6, с. 43].

Конституция, имея метаправовой характер, в любом государстве включает в себя определенное понимание свободы, равенства и справедливости, представления о законе и порядке и т. д. Мы уже упоминали, что в западных странах порой пренебрегают социокультурной обусловленностью национальных систем права и, соответственно, Конституций. Но нельзя замалчивать и

другое — в ходе всемирно-исторического процесса, по мере взаимообогащения различных культур, каждая национальная система права включает все больше правовых ценностей, созданных коллективным опытом человечества. Придание же традициям и символам культуры характера фактической конституции, их сакрализация в контексте приоритета общественных и государственных интересов по отношению к частным и групповым обрекает общество на застой и неизбежную деградацию. Провозглашение господства обязанностей над правами; закона над правом, государственной собственности над частной; идеологическую и политическую монополия — привычное возвращение России в орбиту циклически незавершенных, а поэтому повторяющихся модернизаций. Хронически сменяющиеся друг друга реформы и контрреформы — прямое следствие отсутствия правового ограничения государственной власти — путем разделения властей и системы взаимных сдержек и противовесов как высшей гарантии обеспечения прав и свобод индивида, в первую очередь права частной собственности.

Неразвитость российской политико-правовой культуры, ее стадийно-историческое отставание от англо-саксонской и романо-германской правовых семей в этой логике становится выражением уникальности и самобытности. Западная правовая система подвергается критика за «самодовлеющий формализм», то есть за то ценное качество права, которое не позволяет сводить его к «понятиям». «Механизм внешне демократической государственной власти» критикуется за соблазн видимой простоты и иллюзии легкого переноса на почву иных цивилизаций [6, с. 45]. Утверждается, что Конституция РФ не стала способом достижения национального согласия между российским народом и его вестернизированной элитой. Но, во-первых, по своему социально-историческому характеру российские элиты, если и вестернизированы, то только внешне — по стремлению обеспечить комфортное существование себе и семьям на благополучном Западе. Именно поэтому покупаются роскошные замки на Лазурном берегу, шале в Швейцарии, особняки в Лондоне и т. д. Социальные паразиты, как и преступники вообще, не имеют национальности. Во-вторых, эти «элиты», судя по итогам выборов и социологическим опросам в большинстве случаев сохраняют ментальное единство с «народом». Трудно говорить о форме достижения социального согласия по поводу визитной карточки, роль которой сыграла Конституция 1993 г. Она была предъявлена «основной массе населения» как символ от-

личия от прежней коммунистической власти и международному сообществу, прежде всего ведущим странам Запада — для получения кредитов и займов, благополучно разворованных «элитой». Неуважение чуждых западных (=либеральных) ценностей свойственно как элите, так основной массе населения, предпочитающих до поры жить по традиционным «понятиям», то есть, по практикам насилия и произвола. При этом обе стороны единого государственно-политического тела с нескрываемым злорадством обличают либерализм, акцентируя внимание на злоупотреблении правами и свободами, но фактически отвергая незыблемые ценности правового государства.

Процесс передела власти и собственности (сверху донизу) не мог не принять криминальных форм, как в традиционном смысле, так и в силу правового вакуума, возникшего после краха советского государства. Закономерна и последующая реакция верховной власти по созданию «вертикали власти», единого конституционно-правового пространства, отстрелу бандитских группировок, отыгравших свою роль в первоначальном накоплении капитала. Но восстановление основ конституционного строя обернулось возвратом к привычным российским матрицам власти, с ее персональной концентрацией и монополизацией власти, с тенденцией к ее узурпации и негативными последствиями для государства и общества. Отсюда и скупая похвала той особенности действующей Конституции, «которая делает ее в значительной степени работающей и реальной, несмотря на эклектичность содержания и радикальный либерализм основополагающих принципов» [6, с. 46]. Нетрудно догадаться, что речь идет о беспрецедентных полномочиях президентской власти, не имеющих ничего общего с принципом разделения властей и превращающих ее в режим ручного управления, точнее — в самодержавие.

Отсюда вполне логично одобрение «реформ», которые, по версии Грачева, «сняли огромное социально-политическое напряжение, в котором находилась страна все 1990-е гг.» [6, с. 46]. Одобряется как раз то, что составляет фактическую узурпацию власти и ликвидацию разделения властей: подчинение главе государства законодательной власти, которая даже не тянет на статус законсовещательного органа; лишение независимости судебной власти, подчиненной исполнительной власти, ликвидация вертикального разделения властей — унитаризация политико-территориального пространства, ликвидация демократических механизмов, народовластия и квази-многопартийность, превратившие выборы в формальный ритуал.

При этом с подкупающей откровенностью говорится о том, что реально сложившуюся практику государственно-правового строительства ни в коем случае нельзя оценивать, как «узурпацию власти Президентом» или «возрождение авторитаризма», поскольку эти процессы выражают глубинную архитектуру российской «почвы». Поэтому все реформы и их направленность выражают устойчивые психологические черты «широких народных масс». Определение же политико-правового режима, который сложился в России в начале XXI в., как плебисцитарной демократии с присущим ей авторитарным правлением главы государства, возвышающимся над всеми политическими силами, в силу источника своих полномочий и личной харизмы способно вызвать вполне определенные ассоциации у всякого мало-мальски знакомого с историей XX в. Именно такая политическая конструкция, обеспечив пост-Веймарской Германии, социально-политическую стабильность и государственную целостность привела потом к катастрофе немецкого государства и гибели десятков миллионов людей.

Расхожая формула провластных идеологов — стандартное обвинение идеологии либерализма, положенной в фундамент российской Конституции. Убийственным аргументом считается отсылка к населению России, которое не принимает либерально-буржуазные ценности. При этом не принимается во внимание, что сравнительно недавно — по историческим меркам, население России равнодушно отнеслось к гибели Советского государства и краху коммунистической идеологии. Будет уместна и отсылка к «прозрениям» популярного в определенных политико-идеологических кругах мыслителя позапрошлого века. Ссылаясь на изобретенные охранителями самодержавия и РПЦ представления об исконных нравственных свойствах русского народа, Н. Я. Данилевский утверждает: «...Россия есть едва ли не единственное государство, которое никогда не имело (и, по всей вероятности, никогда не будет иметь) политической революции, то есть революции имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-либо сословием или всею массой граждан, изгнание царствующей династии и замещение ее другою» [7, с. 488]. Надо ли напоминать, к чему в начале XX в. привела безответственная политика царского двора, боровшегося с либеральными ценностями, но вызвавшая к жизни зловещие социальные силы...

Закономерная логика истории, скрытая внешним идеологическим антуражем,

восстановила систему авторитарной власти, которая стала тяготится чуждой ее риторикой. Западный (в прежней идеологической риторике — буржуазный) конституционализм собираются преодолевать «возрождением» архаических форм политики и права, уверяя, что они-то и выражают собственную духовную основу российской цивилизации, она же евразийская. Едиными ценностями евразийская цивилизация объединяет различные народы и нации, сохраняя и укрепляя свою самобытность. Самобытность обеспечивается российским конституционализмом, в котором отсутствуют: ограничения власти правами человека и гарантии частной собственности. Зато присутствует монополия верховной власти на законотворческую деятельность, на определение целей и способов деятельности государственного аппарата, в том числе принуждение. Идеологи политического авторитаризма открыто заявляют, что ни ранее, ни в перспективе «признание высшей ценностью человека, его прав и свобод совсем не вписывается в отечественную духовную и политико-правовую традицию» [6, с. 48].

В ответ можно процитировать, не прибегая к особым комментариям — в силу одиозности ситуации, печально известные идеи прошлого. «Государство, — подчеркивал официальный историограф «третьей империи» Г. Рюле, — представляет собой организационную форму народной жизни. Оно — предпосылка народной жизни и уходит своими корнями в народ. В национал-социалистском государстве преодолено противоречие между государством и народом. Государство — это организованный народ. Поэтому-то в национал-социалистском государстве нет места для либеральной многопартийной системы» [5, с. 296—297]. В идеологии немецкого нацизма государство безоговорочно подчиняет себе все сферы жизни общества, в том числе личную и частную жизнь. «Поскольку организованность и всевластие государства, доведенные до полного отрицания прав и свобод личности, были провозглашены основным содержанием «социализма», высшей формой управления был объявлен принцип вождизма, обеспечивающий наилучшую реализацию функций общества и государства» [5, с. 297]. Система организованного самоуправства и произвола, подавляющая какую-либо инициативу и самостоятельность, маскировалось апелляцией к мистическому народному духу (ср. с «глубинным народом» Суркова) как источнику авторитарной власти первого лица. В этой логике вся система управления становится предельно централизованной, напоминая феодальную ленную

систему, в которой каждый вассал (чиновник), сохраняя верность сюзеру (первому лицу, как бы оно не называлось), располагает неограниченными полномочиями в своей сфере власти и управления. Как подчеркивал Ж. Желев: «...фашистское государство — строгая и последовательно централизованная система, ее отдельные звенья пребывают в отношениях полной субординации, при этом асинхронность в действиях звеньев нетерпима» [8, с. 97]. Эта система культивирует ненависть ко всем тем, кто действует и думает по-своему, отсюда и ненависть к либерализму буржуазной демократии, несущей смертельную опасность тоталитарному государству.

Унификация государственной машины автоматически делала ничтожными любые попытки поставить вопрос о разделении властей или многопартийности. «Нацистская верхушка, — писал Ж. Желев, — имеет ясное представление о значении однопартийной системы в структуре режима. Поэтому на каждое требование ликвидировать однопартийную систему и восстановить традиционную буржуазную демократию с присущей ей многопартийностью она смотрит как на прямое посягательство на основы государственной безопасности. Такое требование каралось жестоко и беспощадно, объявлялись антинародными и антигосударственными...» [8, с. 51].

Имперская идеология размывает права и свободы личности на властные интересы правящего класса, камуфлируя этот размен лозунгами независимости и самостоятельности государства. В рамках этой идеологии любой конфликт между верховной властью и правами человека автоматически решается не в пользу человека. Вопреки горьким урокам истории верховная власть наделяется высшим благом и общей пользой, милостиво даруя, по своему усмотрению, гражданам права и свободы, независимо от каких-либо международных стандартов и оставляя за собой безусловное право на ограничение или отчуждение этих прав. Из полноправного гражданина предлагается опять сделать подданного, в своем правовом статусе зависимо от государства. Тем более, что состояние защиты в России многих прав человека, неуважение к чести и достоинству граждан и т. п. свидетельствуют о сохранении черт традиционного, архаичного общества.

Неоднократные, но нерезультативные обращения Конституционного Суда к проблеме ответственности государства за систематическое нарушение «неотчуждаемых» прав и свобод создают реалистическую картину положения с правами человека в России.

Поэтому предложения о законодательном усилении ответственности государства и государственных органов за нарушение прав человека, о необходимости развития институциональных форм их защиты выглядят не только наивно [1, с. 111].

Действительность говорит о сохранении и укреплении политико-правовой системы, основанной на пренебрежении фундаментальными правами и свободами человека и гражданина. Множатся факты абсурдного преследования за правонарушения, созданной системой косного, бюрократического законодательства. Коррупция, ставшая системой воспроизводства прежде всего политико-управленческих отношений, становится все более масштабной и элитарной. Политический протест против практик административного и прокурорского произвола, махинаций с выборами и т. п., подавляется с показательной жестокостью.

Но, как свидетельствует опыт развития мировой цивилизации, все попытки сохранения и увековечения систем власти, культивирующих подавление инакомыслия, инициативы и предприимчивости, в конечном счете, обречены на поражение. Точно также, в исторической перспективе не имеет альтернативы система взаимных сдержек и противовесов, ограничивающая авторитарную узурпацию власти. Разумеется, при этом речь не идет о слепом, механическом копировании политико-правовых конструкций, возникших на иной социокультурной почве, равно как и о стремлении менять изжившие себя социальные и политико-правовые институты, радикально обрывая преемственное развитие национальной культуры.

1. Алжеев И. А. Конституционно-правовой механизм обеспечения органами прокуратуры прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // *Российский журнал правовых исследований*. 2016. № 2 (7). С. 106—111.

2. Аничкин Е. С. Фикции в конституционном праве Российской Федерации: особенности, виды, действие // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 87—105.

3. Владимиров А. А. Проблема прав человека в «философии права» // *Вестник ВГАВТ*. 2016. Вып. 47. Раздел X. Философия. Общество. Культура. С. 280 — 284.

4. Воеводина Т. Зачем человеку права человека? // *Литературная газета*. 2015. 8—14 апр. С. 2.

5. Галкин А. А. Германский фашизм. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1989. 352 с.

6. Грачев Н. И. Базовые ценности российской цивилизации как основа российской Конституции // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. № 4 (5). С. 43—50.

7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. М. : Книга, 1991. 574 с.

8. Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство : пер. с болг. М. : Новости, 1991. 336 с.

9. Кудинов А. С. Естественно-правовая концепция международного права действие // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 120—137.

10. Мартышин О. В. Конституция и идеология // *Государство и право*. 2013. № 12. С. 34—44.

11. Нерсесянц В. С. Философия права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 848 с.

12. Пономарев А. С. Методологические аспекты анализа функционирования ценностно-нормативной системы (на примере права) // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 73—90.

13. Руденко В. Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 115—127.

14. Семитко А. П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 83—105.

15. Семитко А. Л. Российская правовая культура и особенности ее модернизации: к столетию Октябрьского государственного переворота в России // *Вестник Гуманитарного университета*. 2017. № 4 (19). С. 32—72.

16. Четвернин В. А. Современные концепции естественного права. М. : Наука, 1988. 144 с.

References

1. Alzheev I.A. (2016) *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, no. 2 (7), pp. 106—111 [in Rus].

2. Anichkin E.S. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija*

Rossijskoj akademii nauk, vol. 18, iss. 2, pp. 87—105 [in Rus].

3. Vladimirov A.A. (2016) *Vestnik VGAVT*, iss. 47, part X. Filosofija. Obshhestvo. Kul'tura, pp. 280—284 [in Rus].

4. Voevodina T. (2015) *Literaturnaja gazeta*, April 8—14, p. 2 [in Rus].

5. Galkin A.A. (1989) *Germanskij fashizm*. Moscow, Nauka Publ., 352 p. [in Rus].

6. Grachev N.I. (2015) *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij*, no. 4 (5), pp. 43—50 [in Rus].

7. Danilevskij N.Ja. (1991) *Rossija i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija Slavjanskogo mira k Germano-Romanskomu*. Moscow, Kniga Publ., 574 p. [in Rus].

8. Zhelev Zhelio (1991). *Fashizm. Totalitarnoe gosudarstvo*. Moscow, Novosti Publ., 336 p. [in Rus].

9. Kudinov A.S. (2015) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 15, iss. 2, pp. 120—137 [in Rus].

10. Martyshin O. V. (2013) *Gosudarstvo i pravo*, no. 12, pp. 34—44 [in Rus].

11. Nersesjanc V.S. (2008) *Filosofija prava*. Moscow, Norma Publ., 848 p. [in Rus].

12. Ponomarev A.S. (2016) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 16, iss. 4, pp. 73—90 [in Rus].

13. Rudenko V.N. (2017) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 17, iss. 4, pp. 115—127 [in Rus].

14. Semitko, A.P. (2017) *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk*, vol. 17, iss. 1, pp. 83—105 [in Rus].

15. Semitko A.L. (2017) *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 4 (19), pp. 32—72 [in Rus].

16. Chetvernin V.A. (1988) *Sovremennye koncepcii estestvennogo prava*. Moscow, Nauka Publ., 144 p. [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G.

Axiology of human rights: democracy versus autocracy // *Socium i vlast'*. 2019. № 5 (79). P. 45—54. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-45-54

UDC 130.3

AXIOLOGY OF HUMAN RIGHTS: DEMOCRACY VERSUS AUTOCRACY

Yuriy G. Ershov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (branch), Head of the Department Chair of Philosophy and Political Science, Professor, Doctor of Philosophy, Professor, The Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 68. E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article is focused on the analysis of ideological disputes concerning the concept of natural human rights and freedoms. The author criticizes both the practice of abusing fundamental rights and attempts to replace them with archaic forms of the relationship between the individual and the state. The author fixes the logical link between denying the legal state and its replacement by a terrorist dictatorship as exemplified by Nazi Germany.

Key concepts:

natural human rights, Constitution, legal fiction, democracy, state, authoritarianism.

Для цитирования: Артемова О. В.,
Савченко А. Н., Ческидова Т. М.
Технологические тренды развития
российской экономики:
возможности и ограничения //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 55—64.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-55-64

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-55-64

УДК 001.895:330.34

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Артемова Ольга Васильевна,

Челябинский филиал Института экономики
Уральского отделения
Российской академии наук, директор филиала,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 68
E-mail: na02@yandex.ru

Савченко Анастасия Николаевна,

Челябинский филиал Института экономики
Уральского отделения
Российской академии наук, ведущий экономист,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Коммуны, д. 68
E-mail: artemovaan@yandex.ru

Ческидова Татьяна Михайловна,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) Академии труда и социальных
отношений,
доцент кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155
E-mail: tatches@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время ключевыми угрозами для развития российской экономики являются ее технологическое отставание от развитых стран, зависимость от западных технологий, консервация модели догоняющего развития. Ограниченные возможности инновационного развития связаны и с низким уровнем ВВП, неблагоприятными темпами изменений ВВП, что усиливает зависимость российской экономики от предшествующей траектории развития и сложившихся неблагоприятных трендов. В этом контексте важны исследования экономических и технологических процессов, которые сложились к настоящему времени, и прогнозных, позволяющих преодолеть существующие негативные тенденции.

Цель. Авторы определили цель исследования как выявление технологических трендов, связанных с использованием прорывных технологий и поиском возможностей выхода на благоприятную траекторию экономического развития страны.

Методы. Проведен сравнительный анализ основных международных рейтингов ключевых сфер экономики стран-лидеров и РФ. Использован трендовый анализ технологических изменений в предпринимательском секторе российской экономики.

Научная новизна исследования. Показано положение России в мировом технологическом пространстве (в системе международных рейтингов), что позволило определить стартовые позиции и наличие технологического разрыва в развитии страны относительно лидеров. Отмечено, что ключевая роль в выходе на благоприятные траектории развития связана с предпринимательским сектором экономики России.

В этой связи выявлены тенденции технологических изменений организаций предпринимательского сектора по таким критериям, как инфраструктура, применение IT-технологий, затраты организаций на ИКТ. Обоснована необходимость нейтрализации сложившихся неблагоприятных трендов и выхода на новые траектории развития, используя прорывные технологии.

Результаты. Исследование показало, что место России в системе международных рейтингов свидетельствует об отставании страны в технологическом развитии по сравнению со странами-лидерами. Трендовый анализ позволил описать основные тенденции технологических изменений в экономике, определить их характер (по направленности, скорости изменений и др.); проанализировать возможности усиления благоприятных тенденций в российской экономике. Авторами предложены сценарные подходы развития страны на основе сложившихся и прогнозных технологических трендов.

Выводы. Исследование показало, что имеют место слабые стартовые позиции и неблагоприятные тенденции в развитии экономики: низкий рейтинг технологического развития России, невысокие темпы роста и неустойчивая динамика базовых экономических показателей. В этой ситуации необходима реализация прорывного сценария, который позволит достичь положительного эффекта от технологических инноваций.

Ключевые понятия:

ИКТ,
международные рейтинги,
сценарии развития экономики,
технологическая трансформация,
тренды.

Введение

Технологические факторы в настоящее время являются главными драйверами развития многих стран, в том числе России. Это связано с новыми сквозными (платформенными) технологиями, прежде всего информационно-коммуникативными технологиями (ИКТ), появлением новых сфер деятельности, увеличением доли высокотехнологичных отраслей в структуре экономики. Необходимость технологической трансформации признана учеными, специалистами, практиками.

Для понимания и объяснения ключевых тенденций в экономическом развитии представляет интерес изучение подходов ученых, занимающихся данной проблематикой.

В научных трудах С. Ю. Глазьева исследуются фундаментальные основы развития экономики — смена технологических укладов, а именно переход к более высоким технологическим укладам обеспечивает, по его мнению, технологическую модернизацию экономики и ее опережающий рост в условиях нестабильности [5].

Коллектив ученых национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в своем докладе «Технологическое будущее российской экономики» исследовал динамику национальной экономики и ее секторов, проблемы и перспективы развития на фоне происходящих технологических сдвигов. Учеными дана оценка глобальных и национальных трендов, оказывающих влияние на сферу науки и технологий; достигнутого уровня, возможностей и потребностей научно-технологического развития с учетом стоящих перед страной социально-экономических целей, имеющих ресурсы и накопленных заделов. [12].

Ученые С. Ю. Глазьев, В. В. Ивантер, В. Л. Макаров, А. Д. Никипелов, А. И. Татаркин, Р. С. Гринберг и др. в работе «О стратегии развития экономики России» провели глубокий анализ ситуации в России и определили основные долгосрочные траектории развития экономики. Необходимость повышения темпов роста российской экономики, по их мнению, определяется не стремлением «догнать» другие страны, а логикой создания фундаментальных предпосылок активизации инвестиционных и инновационных процессов для осуществления структурно-технологической модернизации [6].

А. Р. Белоусов рассматривал долгосрочные тренды российской экономики, факторы, их определяющие, выявлял резервы роста экономики, прогнозировал ее развитие на основе технологических инноваций [2].

Фундаментальной закономерностью ученые считают переход к новым технологиям, связывают его с процессами новой индустриализации [3; 4]. На Западе этот процесс определяется информатизацией и цифровизацией экономики и общества, что отражено в концепциях «Умная экономика», «Индустрия 4.0» [17; 19]. Особенности современного этапа технологической трансформации в рамках четвертой промышленной революции, «Индустрии 4.0», активно изучаются отечественными учеными [1; 14; 15;]. Повышение темпов роста экономики связывают со структурно-технологической модернизацией, которая может обеспечить расширение возможностей экономического развития в долгосрочной перспективе [1; 5]. Новые возможности открываются в связи с мировыми трендами цифровизации [16, 19], у истоков которых стояли американские экономисты Д. Тапскотт и Н. Негропonte [18; 20]. Вместе с тем ученые отмечают трудности перехода на инновационный путь развития, особенно для стран, не входящих в группу экономических лидеров, объясняя это значительной зависимостью от предшествующих, часто неблагоприятных, траекторий развития и высокими затратами на «уход» от сложившихся трендов [11]. Однако альтернативы технологической трансформации экономики и общества нет.

Интерес представляют научные исследования, методологические подходы, оценка положения России в технологическом пространстве мировой экономики, изучение которых идет в рамках международных рейтингов. Эта тема активно исследуется отечественными учеными и специалистами [7; 9; 13].

В то же время остается поле для дальнейших исследований по проблемам технологической трансформации, их актуальность возрастает и определяется, во-первых, отставанием России в технологическом развитии от стран — лидеров этого процесса, что требует максимальной концентрации усилий на этом стратегическом направлении всех хозяйствующих субъектов; во-вторых, недостаточной разработанностью теоретико-методологических основ современных технологических процессов — драйверов экономического развития; в-третьих, возможными негативными последствиями в результате сложившихся неблагоприятных трендов, а также противоречивой экономической политикой, не позволяющей в полной мере использовать потенциал новых технологий для развития экономики.

Целью данного исследования является выявление трендов развития, связанных с использованием прорывных технологий, и поиск возможностей выхода на благоприятную траекторию экономического развития страны.

Методы и материалы

На современном этапе ключевыми факторами развития становятся технологические инновации. В технологическую «гонку» включились все страны: и лидеры, и периферия. Обеспечить конкурентоспособность на локальных и глобальных рынках, повысить эффективность производства, достичь более высоких показателей уровня и качества жизни граждан — все это возможно при переходе страны к технологическим инновациям мирового уровня. Положение РФ в мировом технологическом пространстве, сложившиеся и прогнозируемые тенденции развития национальной экономики требуют дальнейших серьезных исследований.

В этом контексте определим понятие «тренд» для целей проводимого анализа. По мнению авторов, достаточно констатации, что тренд — это основная устойчивая тенденция необратимых изменений, полностью или частично сформированная в предыдущем периоде и имеющая возможности продолжения в будущем. Именно трендовый анализ позволяет выявлять определенную тенденцию различных изменений, что важно авторам для изучения технологической динамики процессов в российской экономике.

Авторами предложен алгоритм исследования технологической динамики и выявления трендов развития, который включает:

1. Сравнительный анализ основных рейтингов стран-лидеров и России по ключевым международным индексам, отражающим их технологическое развитие, и определение на этой основе масштаба «цифрового разрыва» между странами.

2. Группировка показателей технологического развития по нескольким критериям: инфраструктурные; применение интернет-технологий; затраты организаций на ИКТ.

3. Трендовый анализ показателей технологического развития России.

4. Определение характера технологических трендов:

- по направлению: рост — восходящий тренд, снижение — нисходящий тренд, неявно выраженное направление; смена направлений — отсутствие основной тенденции;

- по скорости изменений: равномерные (прирост/падение индикаторов одинаковое), ускоренные (прирост/падение индикаторов увеличивается во времени), замедленный (прирост/падение индикаторов снижается во времени).

5. Разработка сценарных подходов развития экономики страны с учетом сложившихся и прогнозных трендов технологического развития. Согласно предложенному алгоритму, было проведено исследование по данной проблематике.

Результаты

На основе вышеизложенных методологических подходов, материалов по рейтинговой оценке технологического развития стран, официальных статистических данных был проведен анализ положения (места) России в мировом технологическом пространстве; изучены технологические тренды экономического развития страны.

Положение России в международных рейтингах представлено в таблице¹.

Анализируя рейтинги России по представленным в таблице индексам, отметим следующее.

Индекс развития ИКТ характеризует уровень развития инфраструктуры ИКТ, возможность доступа к IT-технологиям, охват использования новых технологий, востребованность и цифровые навыки населения. В оценке рейтинга участвовали 176 стран, среди которых Россия занимает 45-е место. Значение этого индекса России несколько выше среднего по анализируемым странам, а его динамика за 5 лет демонстрирует сокращение технологического разрыва между Россией и странами-лидерами².

Индекс развития электронного правительства. При расчёте индекса учитываются такие параметры, как онлайн-сервисы, телеком-инфраструктура, человеческий капитал. Россия повысила свой рейтинг и поднялась с 35-го (2017 г.) на 32-е место (2018 г.), что, по мнению специалистов, проводивших оценку, позволило ей войти в состав стран с «очень высоким» индексом

¹ Составлено авторами по: Индикаторы цифровой экономики: 2018 : стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др. — М. : НИУ ВШЭ, 2018. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/08/20/1154812142/ICE2018.pdf>.

² Индикаторы цифровой экономики: 2018 : стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др. М. : НИУ ВШЭ, 2018. С. 18—19. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/08/20/1154812142/ICE2018.pdf>.

Рейтинги технологического развития стран-лидеров и России

№ п/п	Индекс	Год	Рейтинг страны	
			Страна-лидер	Россия
1	Индекс развития ИКТ по странам	2017	Исландия — 1 место (8,98)	45 место (7,07)
2	Индекс развития электронного правительства	2016	Великобритания — 1 место (0,9193)	35 место (0,7215)
3	Глобальный индекс кибербезопасности	2017	Сингапур — 1 место (0,925)	10 место (0,788)
4	Международный индекс цифровой экономики и общества	2016	Исландия — 1 место (0,66)	12 место (0,47)
5	Глобальный инновационный индекс	2017	Швейцария — 1 место (67,7)	45 место (38,8)
6	Глобальный индекс конкурентоспособности	2017—2018	Швейцария — 1 место (5,86)	38 место (4,64)
7	Индекс драйверов производства	2018	США — 1 место (8,2)	43 место (5,3)

развития электронного правительства, при этом повысились все входящие в индекс развития электронного правительства субиндексы, но особенно страна продвинулась в развитии онлайн-сервисов¹. Отечественные специалисты отмечают расширение спектра и повышение качества госуслуг под влиянием цифровизации государственных органов [8; 10].

Глобальный индекс кибербезопасности. Рейтинг страны определяется такими основными критериями, как правовая база, технические возможности обеспечения кибербезопасности, стратегия кибербезопасности на государственном уровне, международное сотрудничество и система обмена информацией по кибербезопасности, развитие потенциала в сфере информационной безопасности. В настоящее время доля стран, имеющих стратегию информационной безопасности, составляет 58 %. Россия входит в их состав и активно выступает за сотрудничество в сфере кибербезопасности и защиты ИКТ-инфраструктуры. Однако рейтинг России в 2018 г. существенно понизился с 10-го места (2017 г.) до 28-го места². Полагаем, это связано с тем, что Россия не достигла значительного продвижения по международному сотрудничеству в сфере безопасности по политическим причинам.

Международный индекс цифровой экономики и общества определяет уровень цифровизации стран и рассчитывается на основе субиндексов: доступность высокоскоростного интернета, цифровые навыки населения, использование интернета гражданами, интеграция цифровых технологий в бизнес, цифровые госуслуги. Россия находится на достаточно высоком (12-м) месте в рейтинге цифровизации экономики и обще-

ства. В последнее время в РФ значительно улучшились позиции по использованию интернета населением. Однако специалисты, оценивающие индекс, отмечают, что самый низкий показатель связан с использованием цифровизации в бизнесе³.

Глобальный инновационный индекс состоит из субиндексов: человеческий капитал, инфраструктура, устойчивость бизнеса, развития креативной деятельности и креативность онлайн. Россия находится на 45-м месте. При этом самый высокий уровень среди названных субиндексов — человеческий капитал (23-е место); самый низкий — у ИТ-инфраструктуры (62-е место)⁴.

Глобальный индекс конкурентоспособности отражает ключевые факторы инновационного развития страны. Он состоит из широкого набора индикаторов, определяющих субиндексы, к главным из которых относятся инфраструктура, кадры, технологическая готовность к использованию ИКТ. В России этот индекс соответствует 38-му месту, при этом самый высокий уровень среди составляющих его субиндексов — кадры (32-е место), самый низкий — ИТ-инфраструктура (57-е место)⁵.

Индекс драйверов производства определяет готовность страны к производству за счет использования новых технологий. По данному индексу Россия занимает 43-е место. В блоке «технологическая платформа» самый высокий показатель по числу абонентов телефонной связи на 100 чел. — 8-е место, самый низкий — оценка влияния ИКТ на развитие новых услуг и продуктов — 82-е место⁶.

Таким образом, анализ места России в международных рейтингах показал отста-

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2018... С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 29.

⁶ Там же. С. 30.

вание от стран — лидеров по технологическим инновациям. При этом наибольший «технологический разрыв» наблюдается по индексам, отражающим развитие ИКТ, инноваций, драйверов производства, то есть ключевым составляющим технологического развития. В дополнение к этому анализ субиндексов отразил наиболее проблемные зоны в технологических изменениях российской экономики: недостаточно развитую ИТ-инфраструктуру, низкий уровень использования новых технологий в бизнесе, слабое влияние ИКТ на развитие новых услуг и продуктов.

Одновременно следует отметить более высокие рейтинги (с меньшим разрывом относительно стран-лидеров) по индексам, отражающим развитие цифровой экономики и общества, кибербезопасности, электронного правительства.

Проведенный рейтинговый анализ определил ситуацию в технологической сфере в статике — на определенный момент времени. Авторами проведено исследование технологических процессов и в динамике — за несколько лет. Трендовый анализ позволил выявить тенденции технологических изменений по заданным критериям: инфраструктуре, применению ИТ-технологий, затратам организаций на ИКТ. При этом выбор показателей в динамике определялся с учетом их доступности в официальных статистических источниках.

График технологических трендов по критерию «Инфраструктура» представлен на рис. 1¹.

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2018... С. 152.

Ключевые тренды и их характер. По направлению изменений показатель широкополосного Интернета имеет повышательную тенденцию, за исключением «сбоя» в 2015 г.; по показателю наличия веб-сайта — динамика положительная, за исключением «сбоя» в 2014 г. Это говорит о неустойчивой тенденции этих показателей.

По скорости изменений широкополосного доступа к Интернету прирост за 5 лет составил 1,5 %, а по наличию веб-сайта — 12 %. Для сравнения, лидерами в 2016 г. по широкополосному Интернету являлись Финляндия, Нидерланды, Литва с показателем — 100 % охвата. Разрыв с Россией составляет 19,5 %. По показателю наличие веб-сайта лидером в 2016 г. являлась Финляндия с показателем 95 %. Разрыв с Россией составляет 51,4%.

График технологического тренда по критерию «Применение ИТ-технологий» в части электронного обмена данными представлен на рис. 2².

Ключевые тренды и их характер. По направлению изменений показатель электронного обмена имеет повышательный тренд с переломом в 2013 г., после которого — значительный рост, а затем снижение темпов роста. В целом за 5 лет прирост данного показателя составил 167 %.

О технологической трансформации предпринимательского сектора по критерию «Применение ИТ-технологий» свидетельствует использование хозяйствующими субъектами облачных сервисов и RFID-технологий (рис. 3)³.

² Там же. С. 158.

³ Там же. С. 159.

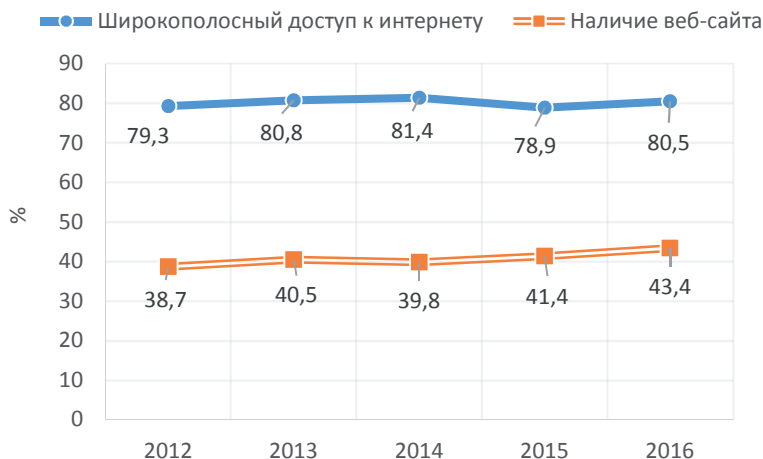

Рис. 1. Широкополосный Интернет и наличие веб-сайта в организациях предпринимательского сектора (в % от общего числа организаций)

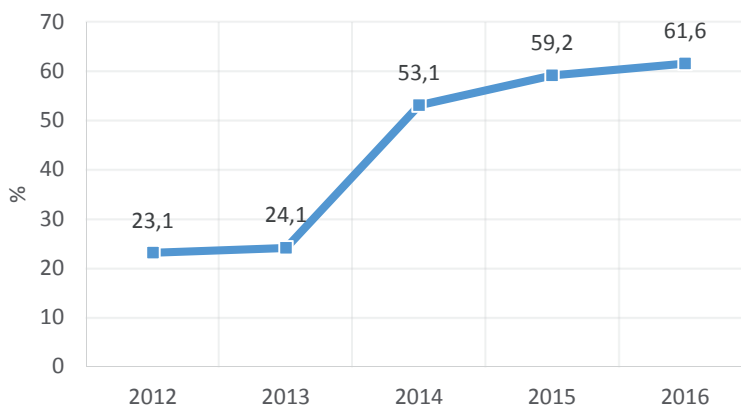

Рис. 2. Использование технологий электронного обмена данными между своими и внешними информационными системами в организациях предпринимательского сектора (в % от общего числа организаций)

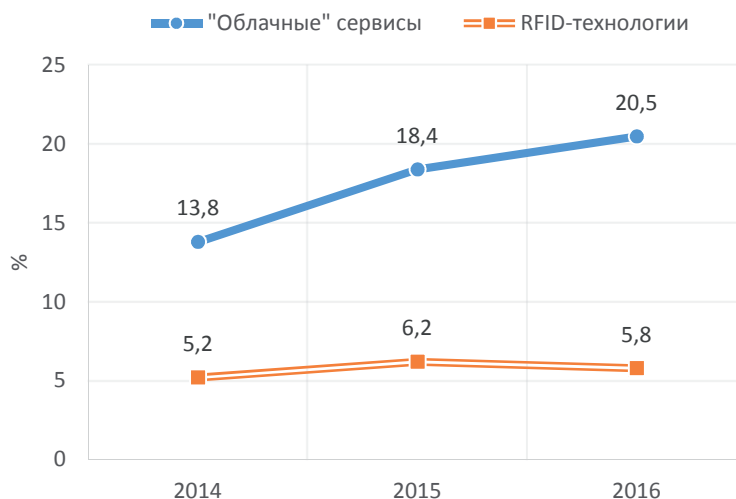

Рис. 3. Использование новых технологий в организациях предпринимательского сектора (в % от общего числа организаций)

Ключевые тренды и их характер. По направлению изменений показатель облачные сервисы имеет повышательную тенденцию с высокими темпами роста, которые за 2 года увеличились на 48,5 %. По показателю RFID-технологий однозначная тенденция не сформировалась, прирост за 2 года составил 11,5 %. Для сравнения, лидером в 2016 г. была Финляндия: показатель облачные сервисы — 57 % охвата (разрыв с Россией составляет 36,5 %); по показателю RFID-технологии — 23 % (разрыв с Россией составляет 17,2 %).

График технологического тренда по критерию «Затраты организаций на ИКТ» представлен на рис. 4¹.

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2018... С. 177.

Ключевые тренды и их характер. По направлению изменений тренд не выражен, просматривается цикличность. По скорости изменений показатель характеризуется неравномерностью, за четырехлетний период прирост показателя составил 19 %.

Безусловно, существует связь между затратами на ИКТ и развитием ИТ-инфраструктуры. Если динамика затрат на ИКТ не имеет выраженного повышательного тренда и устойчивых темпов роста, то не следует ожидать развития такой инфраструктуры.

Вышеизложенное приводит к вопросу о выборе траектории будущего развития российской экономики. Представляется, что возможны такие альтернативы, как

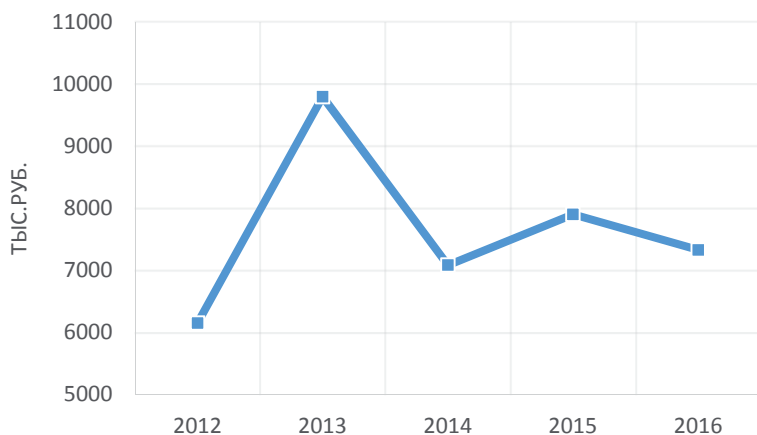

Рис. 4. Затраты на ИКТ в расчете на одну организацию предпринимательского сектора, тыс. руб.

инерционное развитие (консервация прежних траекторий развития) и уход на новые инновационные траектории развития. В этом контексте авторами в рамочном порядке обозначены сценарии развития: инерционный и прорывной.

Инерционный сценарий концентрирует внимание авторов на следующих моментах.

Продолжение сложившихся тенденций, слабые стартовые условия в связи с низкими темпами роста базовых экономических показателей (ВВП, инвестиций в основной капитал, индекса промышленного производства и др.); догоняющая модель развития с увеличением технологического разрыва, зависимость от иностранных технологий (частичная и/или полная в отдельных видах экономической деятельности). Присутствие и незначительное увеличение доли на традиционных рынках, проблематичность выхода на новые рынки высокотехнологичных товаров и инновационных технологий. Снижение конкурентоспособности российского бизнеса в целом и по отдельным направлениям вследствие фрагментарной модернизации производства и управленческих процессов. Снижение или низкие темпы роста спроса на новые технологии со стороны базовых отраслей (ОПК, ТЭК, машиностроение и др.).

Как результат таких неблагоприятных тенденций — увеличение технологического разрыва по отношению к развитым странам, потеря технологических компетенций — частично в традиционных отраслях, отсутствие их в новых отраслях. Неиспользование технологических возможностей страны неизбежно приведет к стагнации экономики и снижению качества жизни населения.

Прорывной сценарий предполагает значительное повышение эффективности

государственного регулирования инновационных процессов, что предусмотрено в стратегических документах: Национальная технологическая инициатива, Программа развития цифровой экономики, Стратегия развития цифрового общества.

Важными моментами реализации этого сценария являются следующие обстоятельства. Уход от сложившихся неблагоприятных траекторий развития, концентрация ресурсов на приоритетных инновационных направлениях. Значительное повышение темпов роста и их устойчивости, прежде всего по базовым экономическим показателям, как в целом по РФ, так и в разрезе секторов экономики. Выход и закрепление позиций на региональных и глобальных рынках высокотехнологичной продукции и новых технологий. Повышение спроса на высокотехнологичную продукцию со стороны традиционных и новых секторов экономики. Формирование качественной и эффективной IT-инфраструктуры. Инновационная активность бизнеса, значительная интеграция сквозных технологий, в т. ч. ИКТ, в бизнес-процессы; увеличение затрат организаций на исследования и разработки инновационного характера. Увеличение числа организаций, осуществляющих технологические инновации.

Стоимость перехода на новые траектории развития высока, поэтому потребуются значительные финансовые, в том числе бюджетные, ресурсы на финансирование науки, модернизацию традиционных производств и развитие новых секторов экономики.

Реализация прорывного сценария позволит максимально использовать положительный эффект технологических инноваций для развития российской экономики.

Безусловно, в «чистом» виде ни один из сценариев не реализуется на 100 %. В то же время они определяют коридор возможностей и степень использования инновационного потенциала для долгосрочного развития страны.

Заключение

Проведенный анализ показал, что положение России в международных рейтингах свидетельствует об ее отставании в технологическом развитии от стран-лидеров. Это говорит о слабых стартовых позициях при переходе на инновационную траекторию развития. Кроме того, сложившиеся неблагоприятные тренды развития, низкие темпы роста базовых экономических показателей определяют высокую зависимость от прошлых траекторий развития. В этой ситуации необходима реализация прорывного сценария. Именно он позволяет достичь максимального положительного эффекта от технологических инноваций, роста экономики, повышения качества жизни населения страны.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2019—2021 гг.

1. Амелин С. В., Щетинина И. В. Организация производства в условиях цифровой экономики // Организатор производства. 2018. Т. 26. № 4. С. 7—18.

2. Белоусов А. Р. Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 г. // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/ANCEA2005/Doklad.pdf.

3. Бодрунов С. Д. Реиндустриализация: социально-экономические параметры реинтеграции производства, науки и образования // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 20—28.

4. Валентей С. Д., Белозерова С. М., Бушмин Е. В. Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз. М. : РЭУ им. Плеханова, 2015. 71 с.

5. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. СПб. : СПбГУП, 2011. 48 с.

6. Глазьев С. Ю., Ивантер В. В., Макаров В. Л., Никипелов А. Д., Татаркин А. И., Гринберг Р. С и др. О стратегии развития экономики России // Экономическая наука современной России. 2011. № 3 (34). С. 7—31.

7. Ершова Т. В. Использование ИКТ домохозяйствами и населением России: результаты исследований и актуальных // Экономика, Статистика и информатика. 2011. № 5. С. 152—156.

8. Земскова И. А. Трансформация качества государственных услуг под влиянием цифровизации государственных органов // Вестник СГСЭУ. 2018. № 3 (72). С. 23—28.

9. Ковальчук Ю. А., Степнов И. М. Цифровая экономика: трансформация промышленных предприятий // Инновации в менеджменте. 2017. № 11. С. 32—43.

10. Мирошниченко М. А. Развитие системы предоставления электронных государственных и муниципальных услуг с применением мультирегиональности // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 131 (07). С. 1—11.

11. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—641.

12. Технологическое будущее российской экономики : докл. к Т. 38 XIX Апрель. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10—13 апр. 2018 / гл. ред. Л. М. Гохберг. М. : Издательский Дом Высшей школы экономики, 2018. 193 с.

13. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46—63.

14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2016. 138 с.

15. Юдина М. А. Индустрия 4.0: перспективы и вызовы для общества // Государственное управление: электронный вестник. 2017. № 60. С. 76—95. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk_60_fevral_2017_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/yudina.pdf.

16. Khan F. Information Society in Global Age. New Delhi : APH Publishing, 2002. 395 p.

17. Mandel M., Swanson M. Coming productivity boom. New York, 2017. P. 9—10.

18. Negroponte N. Being Digital. New York : Knopf, 1995. 243 p.

19. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: the digital transformation. Paris : OECD Publishing. P. 25—27.

20. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York : McGraw-Hill, 1996. 342 p.

References

1. Amelin S.V., Shhetinina I.V. (2018) *Organizator proizvodstva*, vol. 26, no. 4, pp. 7—18 [in Rus].

2. Belousov A. R. (2005) Long-term Trends of the Russian Economy. Scenarios of Economic Development of Russia up to 2020. Available at: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analytics/ANCEA2005/Doklad.pdf [in Rus].

3. Bodrunov S.D. (2016) *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 20—28 [in Rus].

4. Valentey S.D., Belozerova S.M., Bushmin E.V. (2015) Reindustrializatsiya ekonomiki Rossii v usloviyakh novykh ugroz. Moscow, REU im. Plekhanova Publ., 71 p. [in Rus].

5. Glazyev S.Yu. (2011) Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh globalnogo krizisa. Saint-Petersburg, 48 p. [in Rus].

6. Glazyev S.Yu., Ivanter V.V., Makarov V.L., Nikipelov A.D., Tatarkin A.I., Greenberg R.C, etc. (2011) *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, no. 3 (34), pp. 7—31 [in Rus].

7. Ershova T.V. (2011) *Ekonomika, Statistika i informatika*, no. 5, pp. 152—156 [in Rus].

8. Zemskova I.A. (2018) *Vestnik SGSEU*, no. 3 (72), pp. 23—28 [in Rus].

9. Kovalchuk Yu.A., Stepnov I.M. (2017) *Innovatsii v menedzhmente*, no. 11, pp. 32—43 [in Rus].

10. Miroshnichenko M.A. (2017) *Nauchnyy zhurnal KubGAU*, no. 131 (07), pp. 1—11.

11. Rastvortseva S.N. (2018) *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—641 [in Rus].

12. Gokhberg L.M. (2018) Tekhnologicheskoe budushchee rossiyskoy ekonomiki. Moscow, Izdatelskiy Dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 193 p. [in Rus].

13. Khalin V.G., Chernova G.V. (2018) *Upravlencheskoe konsultirovanie*, no. 10, pp. 46—63 [in Rus].

14. Shvab K. (2016) Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. Moscow, Eksmo Publ., 138 p. [in Rus]

15. Yudina M.A. (2017) *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no. 60, pp. 76—95. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2017/vipusk_60._fevral_2017_g./problemi_upravleniya_teoriya_i_praktika/yudina.pdf.

16. Khan F. (2002) Information Society in Global Age. New Delhi, APH Publishing, 395 p. [in Eng].

17. Mandel M., Swanson M. (2017) Coming productivity boom. New York, pp. 9—10.

18. Negroponte N. Being Digital. New York, Knopf Publ., 1995. 243 p. [in Eng].

19. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2017: the digital transformation (2017). Paris, OECD Publishing, pp. 25—27 [in Eng].

20. Tapscott D. (1996) The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York, McGraw-Hill Publ., 342 p. [in Eng].

For citing: Artemova O.V.,
Savchenko A.N., Cheskidova T.M.
Technological trends in the development
of the Russian economy:
opportunities and limitations //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 55—64.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-55-64

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-55-64

UDC 001.895:330.34

TECHNOLOGICAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Olga V. Artemova,

Institute of Economy of Russian Academy
of Sciences, Chelyabinsk branch, Director,
Doctor of Economics, Professor,
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Kommuny, 68.
E-mail: na02@yandex.ru

Anastasiya N. Savchenko,

Institute of Economy of Russian Academy
of Sciences, Chelyabinsk branch,
Chief Economist,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Kommuny, 68.
E-mail: artemovaan@yandex.ru

Tatyana M. Cheskidova,

Ural Social Economic Institute (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics, Cand.Sc. (Economics),
Associate Professor.
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155.
E-mail: tatches@mail.ru

Abstract

Introduction. Nowadays, the key threats to the development of the Russian economy are its technological lagging behind developed countries, its dependence on Western technologies, and the conservation of the catch-up development model. Limited opportunities for innovative development are also associated with low GDP, unfavorable rates of changes in GDP, which enhances the dependence of the Russian economy on the previous development path and existing unfavorable trends. In this context, it is important to study the economic and technological processes that have developed so far, and the expected ones, which make it possible to overcome the existing negative trends.

The authors defined the aim of the study as identifying technological trends associated with using breakthrough technologies and searching for opportunities to enter the favorable trajectory of the country's economic development.

Methods. A comparative analysis of the main international ratings of key sectors of the leading countries' economy and the Russian Federation. The trend analysis of technological changes in the business sector of the Russian economy is also used.

Scientific novelty of the study. The authors show the position of Russia in the global technological space (in the system of international ratings), which made it possible to determine the starting positions and technological gap in the country's development relative to leaders. It is noted that the key role in entering favorable development paths is associated with the entrepreneurial sector of the Russian economy. In this regard, the trends of technological changes in organizing the business sector were identified by such criteria as infrastructure, IT technologies, and organizations' costs for ICT. The necessity of neutralizing the existing adverse trends and entering new development paths using breakthrough technologies is substantiated.

Results. The study shows that Russia's place in the system of international ratings indicates the country's lag in technological development compared with the leading countries. The trend analysis makes it possible to describe the main trends of technological changes in the economy, to determine their nature (in direction, rate of change, etc.); to analyze the possibilities of strengthening favorable trends in the Russian economy. The authors propose scenario approaches to developing the country on the basis of prevailing and forecast technological trends.

Conclusions. The study shows that there are weak starting positions and unfavorable trends in the development of the economy: a low rating of Russia's technological development, low growth rates and unstable dynamics of basic economic indicators. In this situation, implementing a breakthrough scenario is necessary, which will make it possible to achieve a positive effect from technological innovations.

Key concepts:

ICT,
international ratings,
economic development scenarios,
technological transformation,
trends.

Для цитирования: Бархатов В. И.,
Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш.
Центры и периферия Урала и Поволжья
в условиях «новой нормальности» //
Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

УДК 329.273

ЦЕНТРЫ И ПЕРИФЕРИЯ УРАЛА И ПОВОЛЖЬЯ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Бархатов Виктор Иванович,

Челябинский государственный университет,
директор Института экономики отраслей,
бизнеса и администрирования,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: ieo-science@csu.ru

Плетнёв Дмитрий Александрович,

Челябинский государственный университет,
доцент кафедры экономики отраслей и рынков,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: pletnev@csu.ru

Капкаев Юнер Шамильевич,

Челябинский государственный университет,
профессор кафедры экономики
отраслей и рынков,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454001,
г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, д. 129.
E-mail: zam@csu.ru

Аннотация

Введение. Вопросы пространственного развития России сегодня являются крайне важными для изучения: технологические и социально-экономические изменения, произошедшие за период с 2000 по 2019 г., формируют новые тренды, которым подчиняется региональное развитие, и их необходимо понимать и изучать для лучшего государственного регулирования этой сферы.

Цель. Анализ трендов развития региональных центров и периферии российской экономики в период с 2000 по 2018 г. на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов.

Методы. В статье использованы метод обобщения, группировки, дисперсионного анализа, расчета динамических характеристик временных рядов и корреляционный анализ.

Научная новизна исследования. В статье впервые представлен эмпирический анализ социально-экономического развития российских регионов, входящих в Уральский и Приволжский федеральные округа в период с 2000 по 2018 гг. (включая период «новой нормальности» — после 2009 г.), основанный на выделении среди них трех разнокачественных групп регионов (Центра (Республики Татарстан и Свердловской области), Периферии 1 — отсталых регионов по классификации А. Г. Райзберга, к числу которых отнесены семь регионов, и Периферии 2 — группы депрессивных регионов, образованной восемью субъектами Российской Федерации).

Результаты. В результате проведенного исследования установлено, что сформированные группы регионов имеют различные тренды социально-экономического развития, и условия «новой нормальности» только усиливают эти различия. Показано, что пространственная дифференциация российской экономики возрастает.

Выводы. Представленное исследование может быть использовано для более глубокого и детального анализа процесса формирования в российской экономике центров и периферийных экономик с целью выработки рекомендаций по преодолению их отставания и обеспечения сбалансированного пространственного развития страны.

Ключевые понятия:

центр,
периферия,
новая нормальность,
региональная экономика,
валовой региональный продукт,
индекс стоимости жизни,
среднедушевые доходы,
демография.

Введение

Связанность территории Российской Федерации в прямом, инфраструктурном смысле, а также ее существование и развитие как единого экономического и социального пространства являясь одним из приоритетов Стратегии научно-технологического развития России. Часто регионы находятся в условиях конкуренции, не предполагающей конструктивного взаимодействия: за качественные трудовые ресурсы, за распределение государственных средств на крупные (и не только) проекты, и даже за выпускников школ, стремящихся поступить в лучший вуз. Невозможность крупномасштабного сотрудничества может быть объяснена целым комплексом причин, среди которых центральное место занимает нестабильность макроэкономической среды (условий «новой нормальности») и давно сложившийся диспаритет межрегионального взаимодействия. Он достаточно ярко проявляется в российских условиях, где уже сложилась особая пространственная структура, отношения между субъектами которой удобно и уместно описывать в терминах центра и периферии.

Целью статьи является анализ трендов развития региональных центров и периферии российской экономики в 2000—2018 гг. на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. При этом особое внимание будет уделено изменениям в трендах, вызванных условиями «новой нормальности», характерными для периода после мирового кризиса 2009 г. Гипотеза исследования такова: в России сформировалась региональная структура, состоящая из центральных и периферийных регионов, и их обособление со временем, а также в условиях «новой нормальности» только возрастает.

Вопросы пространственного развития российской экономики находятся в центре внимания многих российских ученых. Реакция российских регионов на мировой финансовый кризис и прогноз их восстановления был дан в работе А. Г. Гранберга и коллег [9]. Авторы указали на слабую поддержку антикризисных региональных стратегий со стороны центра, определили отрасли и (как следствие) регионы, в наибольшей степени ощутившие спад мировой экономики. Это машиностроение, металлургия, химическая промышленность. В результате наиболее пострадавшими оказались регионы, в которых развивалась обрабатывающая промышленность, в том числе Приволжского и Уральского федеральных округов.

В числе факторов, существенно влияющих на региональное развитие, часто называют институциональную среду [13]. Мы поддерживаем утверждение важности оценки и разумного использования в федеральной стратегии регионального развития и в соответствующих региональных стратегиях инструментов, связанных с институциональным проектированием. Главное, чтобы в процессе практической реализации таких стратегий «институты» не превратились в модное слово, которым прикрывается поверхностное их понимание. Для этого необходимо глубокий анализ региональной специфики и только после — выработка конкретных мер, направленных на институциональное развитие регионов.

Качество управления развитием российских регионов со стороны властей — отдельная тема для критики со стороны научного сообщества. В работах П. А. Минакира [14] подвергается критической оценке закон о стратегическом планировании в Российской Федерации. К числу его главных недостатков П. А. Минакир относит слишком общий и не учитывающий всего многообразия российских регионов подход к оценке их развития. В результате вместо реальных стратегий, реализация которых позволила бы качественно улучшить положение дел в каждом регионе, часто воспроизводятся универсальные практики, не имеющие привязки «к земле». Такого рода проблемы остаются актуальными и до сих пор: региональная структура России крайне неоднородна, и управление ею должно в полной мере учитывать сложившиеся тенденции пространственного развития в полной мере. В качестве одного из примеров государственной региональной политики приводится «поворот на восток», т. е. особое внимание, которое сегодня на уровне правительства уделяется развитию Дальнего Востока [15].

Вопросы межрегионального взаимодействия, кооперации и совместного развития рассматривались А. И. Татаркиным [20; 21; 23]. Он последовательно доказывал идею, что именно горизонтальное взаимодействие регионов, без оглядки на федеральный центр и без указаний сверху должно стать ключевым драйвером развития всей России и, в частности, ее арктической зоны [11; 22]. Отдельным важным вопросом, выделяемым А. И. Татаркиным, была проблема развития бюджетного федерализма, что позволило бы регионам распоряжаться большим объемом финансовых ресурсов и направлять их на решение задач регионального развития. В развитие этого подхода пред-

лагаются выделять в российских регионах т. н. «полюса конкурентоспособности» [11], которые могли бы стать источником опережающего развития и примером (или точкой притяжения) для своих соседей. Также проблема межрегионального взаимодействия анализируется в работах К. В. Павлова [16] и Н. Д. Борщик [4], В. И. Сулова и коллег [19]. Во всех исследованиях отмечается значительный потенциал такого рода взаимодействия, но, вместе с тем, крайне слабая его реализация на практике.

Важное место в региональных исследованиях занимает проблема устойчивости регионального развития. Она представлена в работах С. С. Гордеева и коллег [5—7]. Особое внимание при этом уделяется рискам пространственного развития России и ее промышленных регионов. Отдельного внимания заслуживает подход, в рамках которого предлагается выделять в структуре российской экономики центры и периферийные регионы. А. Г. Гранберг заложил основы этого подхода [8; 10]. Мы разделяем такой подход и видим в нем значительный исследовательский потенциал [2]. Особое значение проблема регионального развития приобретает в условиях «новой нормальности», под которыми большинство авторов понимают устойчивое изменение макроэкономической конъюнктуры, проявляющееся в снижении темпов экономического роста в мировой экономике после мирового финансового кризиса 2008 г. О важности учёта и анализа встраивания национальной и региональных экономик в условия «новой нормальности» говорит и В. Т. Рязанов [17], и Я. П. Силин с коллегами [18], и В. М. Юрьев [24], и С. Д. Бодрунов [3]. Мы также указывали в более ранних работах на необходимость учета принципиально новых условий, сложившихся во всей мировой экономике [1].

Методы и материалы

Исследование методологически основывается на следующих положениях. Во-первых, региональная структура российской экономики неоднородна, и эта неоднородность может быть описана в терминах «центра» и «периферии», при этом под «центром» мы понимаем регион, в котором происходит локальная концентрация финансовых, производственных, трудовых и иных видов ресурсов, что обеспечивается за счет привлечения этих ресурсов из его ближнего окружения (соседних регионов). Под периферийным регионом мы понимаем

такой регион, который выступает донором финансовых, трудовых и иных видов ресурсов для находящихся рядом регионов. При этом, вслед за А. Г. Гранбергом, мы выделяем среди периферийных экономик два типа — отсталые (Периферия 1), для которых характерно обладание достаточно высоким потенциалом, но неэффективное его использование, и депрессивные (Периферия 2), для которых характерен как невысокий потенциал, так и слабое его использование.

Во-вторых, под условиями «новой нормальности» мы понимаем возникающую и развивающуюся новую социально-экономическую систему на основе перехода к новым технологическим укладам, способным увеличить темпы экономического роста. «Новая нормальность» создает условия для максимизации основных параметров развития в условиях глобальных вызовов. Но на начальном этапе становления из-за требуемых структурных сдвигов, институциональных и социальных изменений, новая нормальность предполагает торможение основных параметров социально-экономического развития, что иногда ошибочно принимается за кризисные явления [16, с. 46]. Обычно отсчёт «новой нормальности» ведут с мирового финансового кризиса 2008 г., и в настоящем исследовании будет использована подобная периодизация.

Выбор регионов одновременно и Уральского, и Приволжского федеральных округов обусловлен следующими обстоятельствами. Урал, как «опорный край державы» с Уральскими горами как точкой притяжения с точки зрения крепости межрегиональных экономических связей включает в себя регионы как Уральского, так и Приволжского федерального округов. При этом западная часть Приволжского федерального округа, безусловно, тяготеет и к Казани, и к Москве, но также сильны и межрегиональные связи граничных регионов (Пермский край, Республика Башкортостан, Оренбургская область) с находящимися рядом регионами УрФО. При этом особняком расположена Тюменская область и входящие в нее автономные округа по причине уникального источника экономического развития — разведанных запасов углеводородного сырья. Фактически эти регионы, а не Уральские горы, делят Россию на условно «европейскую» и «азиатскую» части.

Основой для выделения региональных центров и классификации периферийных регионов послужили (1) данные о ВВП на душу населения, представленные Росстатом

(2), данные миграционного прироста (убыли) населения России в 2015 г., а также (3) результаты оценки качества жизни по российским регионам, осуществлённой РИА «Новости» в 2018 г. По совокупности анализа этих трех показателей на роль региональных центров в Уральском и Приволжском федеральных округах «выбраны» Республика Татарстан и Свердловская область. Эти регионы — единственные, у которых значения всех трех оценочных показателей оказались в числе трех лучших по обоим федеральным округам. Помимо того, что эти регионы выступают в качестве «столичных» для соответствующих Федеральных округов, в них сочетаются высокие результаты экономической деятельности и позитивное их восприятие обществом. Далее были выделены регионы периферии, которые можно охарактеризовать как «депрессивные» — с низким значением ВВП на душу населения, существенной миграционной убылью населения, невысоким

качеством жизни. Таких регионов оказалось восемь — Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область. При этом безоговорочным «антилидером» стала Курганская область. Остальные регионы, не дотягивающие до показателей центра, но и не имеющие серьезных провалов, признаны отстающими периферийными регионами и обозначены как Периферия 1. Кроме того, из анализа исключены Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа — логика их развития и взаимодействия не вписывается в общероссийские тенденции и должна исследоваться особо (см. табл. 1).

Непосредственно в исследовании для оценки трендов развития регионов по группам использовались следующие показатели:

- валовой региональный продукт в текущих ценах;

Таблица 1

Группировка регионов УрФО и ПФО в контексте понятий «центр» и «периферия»

Регион	Группа регионов	ВВП на душу населения, 2016 год	Коэффициент миграционного прироста/убыли населения, на 10000 жителей, 2018 год	Рейтинг качества жизни (РИА РА, 2018 год ¹)
Республика Башкортостан	Периферия 1	343 509,4	-21,83	50,201
Республика Марий Эл	Периферия 2	247 953,7	-10,26	39,548
Республика Мордовия	Периферия 2	264 363,0	-68,49	46,280
Республика Татарстан	Центр	543 522,4	7,02	66,147
Удмуртская Республика	Периферия 1	367 138,2	-26,47	46,506
Чувашская Республика	Периферия 2	219 405,6	-43,39	45,925
Пермский край	Периферия 1	453 302,3	-24,87	46,650
Кировская область	Периферия 2	238 691,9	-36,82	40,183
Нижегородская область	Периферия 1	388 808,8	-11,57	55,077
Оренбургская область	Периферия 1	414 936,9	-52,24	47,763
Пензенская область	Периферия 2	273 212,2	-43,91	48,511
Самарская область	Периферия 1	422 024,7	-1,28	54,214
Саратовская область	Периферия 2	270 766,2	-42,20	47,222
Ульяновская область	Периферия 2	272 565,4	-20,54	48,779
Курганская область	Периферия 2	236 364,7	-77,23	28,890
Свердловская область	Центр	495 115,9	-3,01	56,672
Челябинская область	Периферия 1	385 559,9	-25,69	52,435
Тюменская область (без АО)	Нетипичное наблюдение	1 900 322,7	103,95	56,302
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	Нетипичное наблюдение	2 127 213,5	-20,63	60,113
Ямало-Ненецкий автономный округ	Нетипичное наблюдение	4 581 150,1	-32,13	57,966

¹ Качество жизни в российских регионах — рейтинг 2018. URL: <https://riarating.ru/infografi-ka/20190219/630117422.html> (дата обращения: 31.10.2019).

- доход на душу населения в среднем в месяц;
- объем инвестиций в основной капитал;
- доля безработных в общей численности населения.

Источником данных для этих, а также других упоминаемых в настоящем исследовании показателей стали данные, предоставляемые Федеральной службой государственной статистики (раздел — «Региональная статистика»¹). Помимо самих абсолютных или относительных значений показателей там, где было целесообразно, использовались темпы прироста соответствующих показателей, а также значения стоимостных показателей, «очищенные» от инфляции.

С точки зрения методологии исследования определены конкретные задачи, которые решаются в исследовании для достижения его цели и определяющие логику всей статьи.

1. Расчет средних значений показателей для каждой группы регионов за период с 2000 по 2018 г. (для ВРП — по 2017 г.). Для расчета средних значений использовался упрощенный подход, без учета различия в весе разных регионов, что могло привести к незначительной погрешности вычислений, не влияющей на значимость получаемых результатов.
2. Проверка обоснованности проведенной группировки на основе дисперсионного анализа.
3. Анализ различий в трендах выбранных показателей для каждой группы, с применением как их исходных значений, так и динамических характеристик, а также дефлированных значений этих показателей.
4. Анализ изменений в трендах, которые характерны для условий «новой нормальности» — периода после 2008 г.

Результаты

В результате расчета средних значений выбранных показателей по группам регионов получены ряды данных, ставшие основой анализа. Из-за их значительного объема привести их в статье целиком не представляется возможным, вместо этого приведем обобщенные характеристики полученных рядов (табл. 2). Также интерес представляет соотнесение значений этих показателей по

группам регионов в начале и в конце рассматриваемого периода (табл. 3).

По представленным в табл. 2 и 3 данным прослеживаются следующие тенденции:

1. Регионы-центры по всем рассмотренным показателям являются лидерами, при этом наиболее заметно это лидерство в абсолютных показателях — ВРП и объем инвестиций в основной капитал для Центра превышают средние значения для Периферии 1 в начале 2000-х в полтора раза, а к 2018 г. это отношение доходит до двух раз. Соотношение же Центра и Периферии 2 показывает 6—7-кратное превосходство первых над вторыми. Но и по остальным показателям (а также дополнительно рассчитанному, но не отраженному в таблице объему инвестиций в основной капитал на душу населения) лидерство Центра не вызывает сомнений.
2. За период с 2000 по 2018 г. различия между Центром и периферийными регионами усилились, а между регионами Периферии 1 и Периферии 2 — сократились. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в показателе среднедушевого дохода — на начало периода он был в регионах Периферии 1 в среднем в полтора раза больше, чем для периферии 2, а в 2018 г. — больше только на 32,3 %.
3. Наиболее серьезные позитивные изменения в значениях анализируемых показателей произошли у центральных регионов, близки к ним темпы роста показателей для Периферии 2, а Периферия 1 росла медленнее. Это может быть объяснено действием двух различных факторов: в случае Центра это общемировые и общероссийские тенденции концентрации капитала и населения вокруг крупных мегаполисов (и Казань, и Екатеринбург в российском масштабе относятся к числу таких городов), а в случае с Периферией 2 — это государственная политика, направленная на снижение острых социальных проблем, и в том числе — низкого уровня доходов в депрессивных регионах. Регионы, которые находятся посередине условной шкалы «центр — периферия», обозначенные нами как «Периферия 1», в этом случае оказываются пострадавшими, и в этой группе динамика большинства показателей — самая слабая.

¹ URL: https://www.gks.ru/regional_statistics.

Таблица 2

**Обобщённые характеристики рядов данных по группам регионов
УрФО и ПФО по выбранным показателям**

Группа регионов	ВРП в текущих ценах			Доход на душу населения, в среднем в месяц		
	2000, млрд руб.	2017, млрд руб.	Изменение 2018 к 2000, раз	2001, тыс. руб.	2017, тыс. руб.	Изменение 2018 к 2000, раз
Центр (Республика Татарстан, Свердловская область)	171,1	2128,3	12,5	1976,5	34 620,0	17,5
Периферия 1 (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Челябинская области)	109,3	1132,2	10,4	1913,4	26 959,0	14,1
Периферия 2 (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская республика, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская и Курганская области)	28,1	317,1	11,3	1264,3	20 381,3	16,1
В среднем по всем анализируемым регионам	78,4	865,8	11,0	1615,4	24 764,9	15,3
Центр (Республика Татарстан, Свердловская область) — Ц	18,7	473,9	25,3	4,66	2,06	2,3
Периферия 1 (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Челябинская области) — П ₁	12,0	226,5	18,8	5,02	2,42	2,1
Периферия 2 (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская республика, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская и Курганская области) — П ₂	3,1	67,4	22,0	5,04	2,51	2,0
В среднем по всем анализируемым регионам	8,6	180,7	21,0	4,99	2,42	2,1

Таблица 3

**Соотношение значений показателей по группам регионов
в начале и в конце рассматриваемого периода**

Показатели	ВРП в текущих ценах		Доход на душу населения, в среднем в месяц		Объём инвестиций в основной капитал		Доля безработных в общей численности населения	
	2000	2017	2001	2018	2000	2018	2000	2018
Ц / П ₁	1,566	1,880	1,033	1,284	1,556	2,092	0,929	0,850
Ц / П ₂	6,085	6,713	1,563	1,699	6,121	7,034	0,925	0,821
П1 / П ₂	3,886	3,571	1,513	1,323	3,935	3,362	0,995	0,966

4. Положительной тенденцией является тот факт, что рост среднедушевых доходов и рост инвестиций во всех группах регионов оказывается выше, чем рост ВВП — это означает, что создаваемый продукт распределяется в большей степени в пользу работников и долгосрочных реальных вложений. Хотя возможно, что обнаруженная тенденция — всего лишь следствие того, что в 2000—2001 гг. уровень и оплаты труда, и инвестиций в основной капитал просто был запредельно низким, а сейчас просто произошла определенная компенсация прошлого отставания.

5. Доля безработных в общей численности населения сократилась за рассмотренный период более чем в два раза по всем группам регионов, и этот показатель наименее дифференцирован по группам регионов. Это может означать, что число безработных — один из ключевых факторов оценки региональных властей, и их усилия существенно сглаживают реальные колебания этого показателя в официальной статистике.

Далее нами был проведен дисперсионный анализ существенности различий значений выбранных показателей по группам. Был рассчитаны среднее значение и стандартное отклонение за каждый год отдельно по разным группам и в целом по совокупности, на основе чего для каждого года рассчитан эмпирический коэффициент детерминации. Анализ его значений позволяет судить о том, что выбранный методический подход к формированию трёх групп регионов оправдан (табл. 4). Помимо четырех исходных показателей дисперсионный анализ был применен также к показателю «Инвестиции в основной капитал на душу населения», как очищенный от эффекта масштаба, когда у крупных регионов и инвестиции больше.

Данные, которые использовались в расчете эмпирического коэффициента детерминации, на примере показателя «Инвестиции в основной капитал на душу населения» в 2018 г. приведены в табл. 5. По стоимостным показателям значения эмпирического коэффициента детерминации оказались еще выше, что свидетельствует об оправданности предпринятой нами группировки регионов и существенности различий между группами. И только доля безработных в общей численности населения оказалась наиболее равномерно распределенной в регионах

разных групп, хотя и для этого показателя соотношение — в Центре лучше, чем в Периферии 1, а в Периферии 1 лучше, чем в Периферии 2.

В результате эмпирический коэффициент детерминации был определен как соотношение межгрупповой и общей дисперсии, для расчета межгрупповой использовалось правило сложения дисперсий:

$$\eta = \frac{\sigma_{\text{межгрупп}}^2}{\sigma_{\text{общ}}^2} = \frac{\sigma_{\text{общ}}^2 - \sigma_{\text{ср.из групповых}}^2}{\sigma_{\text{общ}}^2} = 1 - \frac{2 \cdot \sigma_{\text{П1}}^2 + 7 \cdot \sigma_{\text{П1}}^2 + 8 \cdot \sigma_{\text{П2}}^2}{17 \cdot \sigma_{\text{общ}}^2}. \quad (1)$$

Подставив значения из таблицы, получаем

$$\eta = 1 - \frac{2 \cdot 44,1^2 + 7 \cdot 12,7^2 + 8 \cdot 12,7^2}{28,8^2} = 1 - \frac{371,2}{827,6} = 0,552. \quad (2)$$

Таким образом, более половина вариации инвестиций в основной капитал на душу населения в 2018 г. можно объяснить принадлежностью региона к той или иной группе. Аналогичные расчёты были выполнены и по другим показателям, и по другим временным периодам. И в подавляющем большинстве случаев значения эмпирического коэффициента детерминации были больше 0,5. Таким образом, предложенная нами классификация регионов оправдана и действительно позволяет включить качественно однородные регионы в три разнокачественные группы.

Далее был проведен непосредственно анализ трендов выбранных показателей. Его результаты (преимущественно в графическом виде) будут представлены ниже. Динамика валового регионального продукта в текущих ценах по разным регионам, представленная на рис. 1, у разных групп регионов существенно отличается. Обращает на себя внимание разная скорость его изменения: темпы роста ВРП у регионов Центра выше, чем у периферийных. Также следует отметить, что у регионов Центра рост идет практически по экспоненте, а у регионов Периферии 2 — почти по прямой линии. Периферия 1 занимает промежуточное положение и на графике, и по форме самой кривой.

Если очистить от инфляции значения ВРП, то мы получим несколько измененную, но похожую картину (рис. 2). И у регионов Центра, и у регионов Периферии 1 в 2009 и 2010 гг. был существенный спад рассматриваемого показателя, в то время как регионы Периферии 2 почти не ощутили влияния мирового финансового кризиса, если судить по значениям ВРП. К похожему

Таблица 4

Диапазон значений эмпирического коэффициента детерминации по данным расчетов выбранных показателей за 2000—2018 годы

Показатель	Диапазон значений эмпирического коэффициента детерминации по данным расчетов за 2000—2018 годы
ВРП в текущих ценах, 2000—2017 гг.	от 0,806 до 0,886
Среднедушевые доходы населения, 2000—2018 гг.	от 0,494 до 0,826
Инвестиции в основной капитал, 2000—2018 гг.	от 0,704 до 0,886
Доля безработных в общей численности населения, 2000—2018 гг.	от 0,003 до 0,413
Инвестиции в основной капитал на душу населения, 2000—2018 гг.	от 0,490 до 0,793

Таблица 5

Средние значения и стандартные отклонения инвестиций в основной капитал на душу населения в 2018 г. по группам регионов и всей выборке, тыс. руб.

Группа регионов	Среднее значение	Стандартное отклонение (σ)
Центр (2 региона)	117,6	44,1
Периферия 1 (7 регионов)	80,01	12,7
Периферия 2 (8 регионов)	52,1	12,7
По всем анализируемым регионам	71,3	28,8

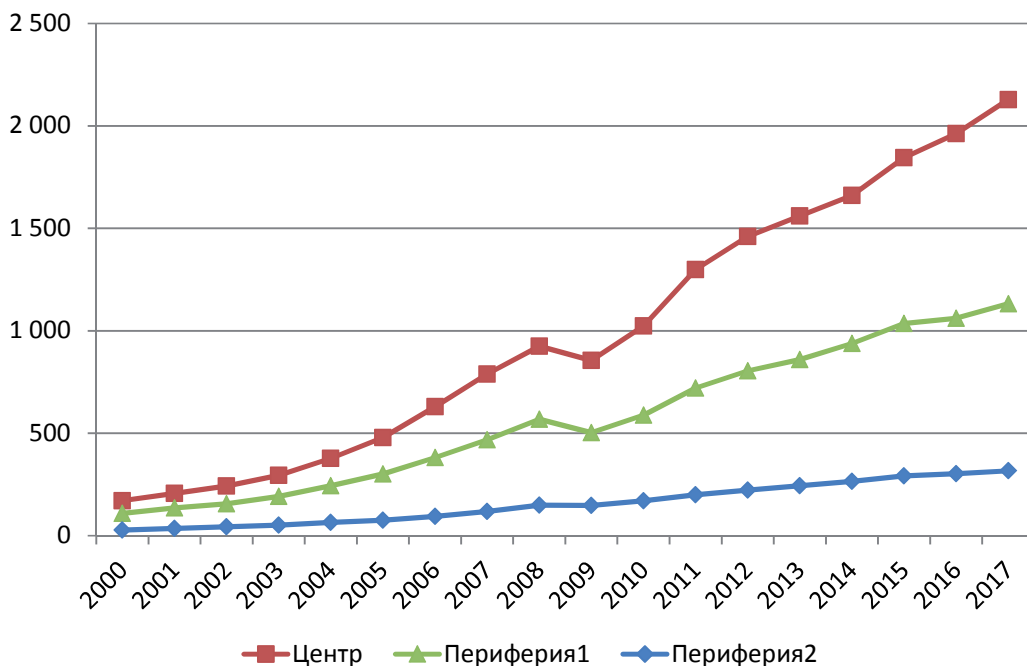

Рис. 1. Валовой региональный продукт в текущих ценах, млрд рублей, по группам регионов

выводу можно прийти, если анализировать значения темпов прироста (рис. 3) — у Периферии 2 график наиболее сглаженный из всех. Наблюдается интересная закономерность — как только экономика начинает ра-

ботать лучше, и ВРП растёт — Периферия 2 оказывается среди отстающих. И наоборот, в период, когда темпы роста ВРП снижаются или даже становятся отрицательными, Периферия 2 оказывается наименее постра-

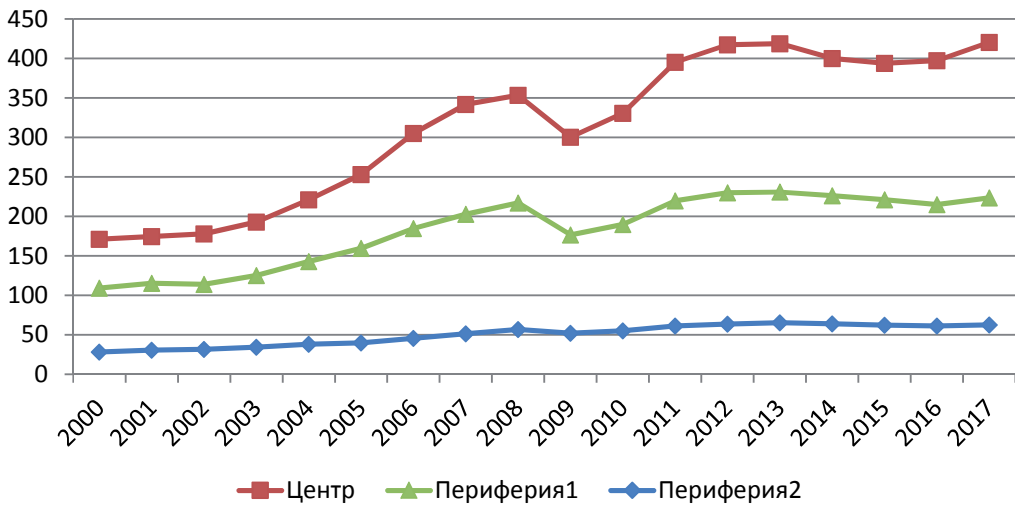

Рис. 2. Валовой региональный продукт в ценах 2000 года, млрд рублей, по группам регионов

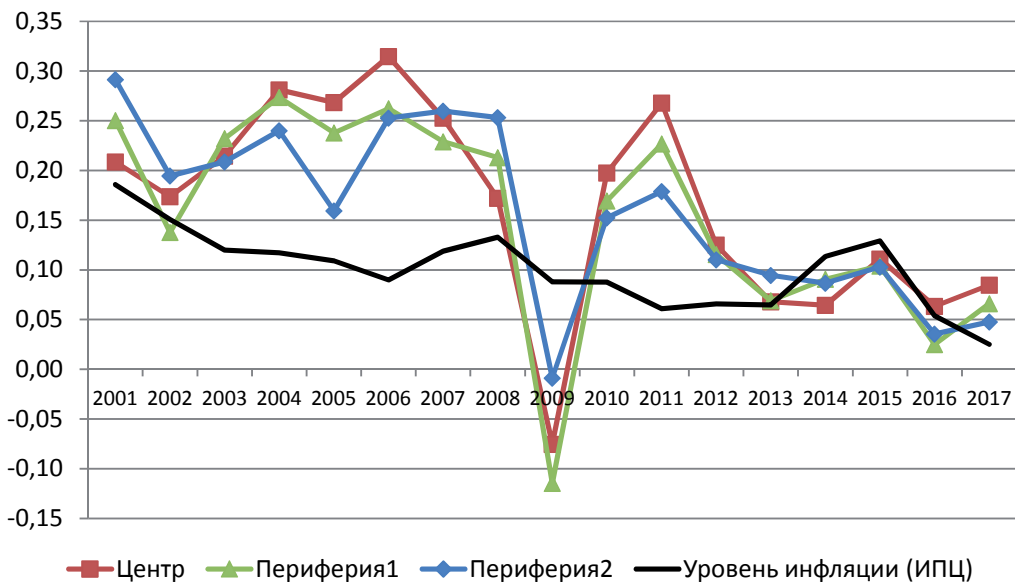

Рис. 3. Темп прироста ВРП с текущих цен по группам регионов и в сравнении с уровнем инфляции, рассчитанным по индексу потребительских цен

давшей. Также обращает на себя внимание тот факт, что в период с 2013 по 2016 г. все группы регионов росли медленнее инфляции и с переменным успехом, и в условиях «новой нормальности» устойчивых закономерностей выявить не получится.

В развитие подхода, представленного в табл. 3, можно проиллюстрировать тезис о различиях в развитии регионов каждой группы при помощи рис. 4. Соотношение значений ВРП в Центре и Периферии 1 по-

степенно увеличивается с 1,57 до 1,88 раз. Одновременно разрыв между Центром и Периферией 2 циклически изменяется с периодом колебаний в 8 лет и постепенно увеличивается — с 6,09 до 6,71 раз. Соотношение ВРП у Периферии 1 и Периферии 2 постепенно, но достаточно быстро сокращается — от 3,89 до 3,57 раз.

Динамика доходов на душу населения по трем группам регионов имеет наиболее близкую форму из всех показателей

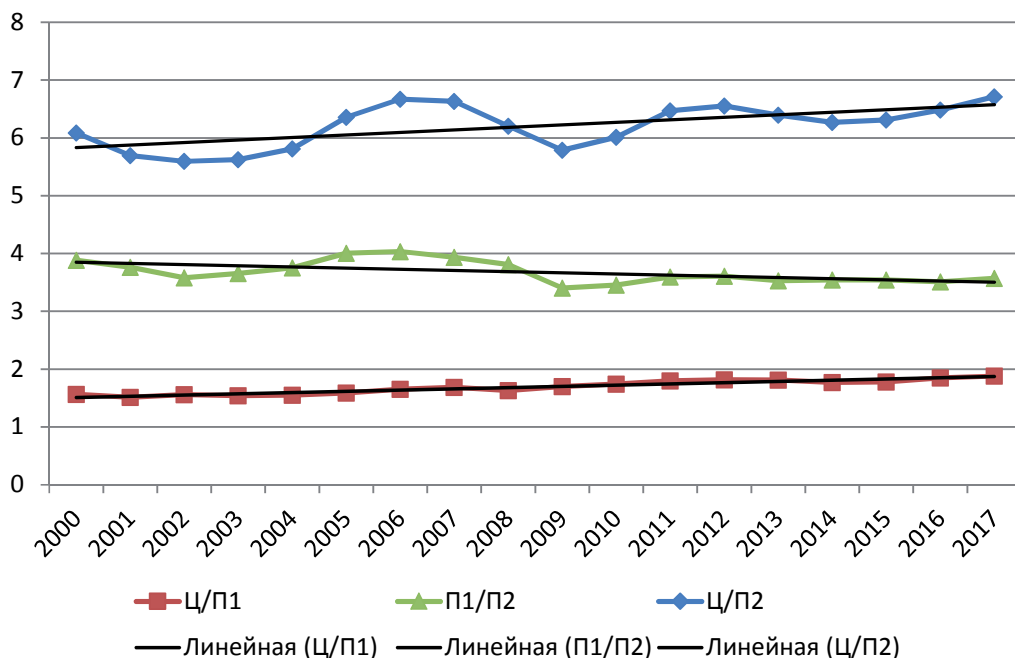

Рис. 4. Соотношение средних значений ВРП в ценах 2000 года по группам регионов

(рис. 5). До 2015 г. все три показателя равномерно растут с немного разной скоростью (у Центра — выше, у Периферии 1 — немного ниже, в Периферии 2 — еще ниже). К 2015 г. разница в среднедушевых доходах достигает 13,2 тыс. руб. (33,2—20,0), а доходы Периферии 1 занимают промежуточное положение 27,1 тыс. руб. Но в 2016—2018 гг. быстрый рост останавливается, и далее тренды меняются: номинальные доходы в Центре медленно растут, в Периферии 2 — снижаются, а в Периферии 1 — остаются практически неизменными. Дополнительно проиллюстрировать тенденции среднедушевых доходов по группам регионам можно, рассчитав темпы его прироста и соотнеся их с уровнем инфляции (рис. 6). С 2002 по 2013 г. практически неизменным был рост доходов выше уровня инфляции, а начиная с 2014 г. инфляция практически всегда «съедала» номинальный рост (если он имел место). Таким образом, во всех регионах в период с 2014 по 2018 г. произошло снижение реальных доходов населения, при этом наиболее резкое снижение было характерно для Периферии 1 (на 14,6 %), а самое слабое — для Центра (на 11,9 %).

Динамика объема инвестиций в основной капитал демонстрирует еще большую пропасть между Центром и Периферией (рис. 7). Для регионов Центра тренд этого показателя

демонстрирует впечатляющую динамику, замедляясь по объективным причинам только в 2016 г. Инвестиции в Периферии 1 растут существенно медленнее (и это несмотря на то, что и среди этих регионов есть несколько, принимавших матчи Чемпионата мира по футболу и получивших в период 2014—2018 гг. дополнительное финансирование под эти цели). Различие между Центром и Периферией 1 — более 2 раз. Отношение же между инвестициями Центра и Периферии 2 достигает в 2018 г. 7 раз. Также обращает на себя внимание то факт, что начиная с 2014 г. уровень инфляции обгоняет темп прироста объема инвестиций. Наиболее ярко это проявляется для регионов Центра. Они же начиная с 2007 г. попадают в зону отрицательных темпов прироста инвестиций в основной капитал. Регионы периферии, напротив, в 2017 (Периферия 2) и 2018 г. (Периферия 1) демонстрируют определенные успехи (рис. 8). Следует отметить, что тренды производного от этого показателя, объема инвестиций в основной капитал на душу населения, практически повторяют рис. 7 с одной лишь разницей — отличия не столь велики. Однако сама тенденция остается — в регионы периферии вкладывается в разы меньше средств и в обновление основных производственных фондов, и в развитие инфраструктуры, и в открытие новых производств (рис. 9).

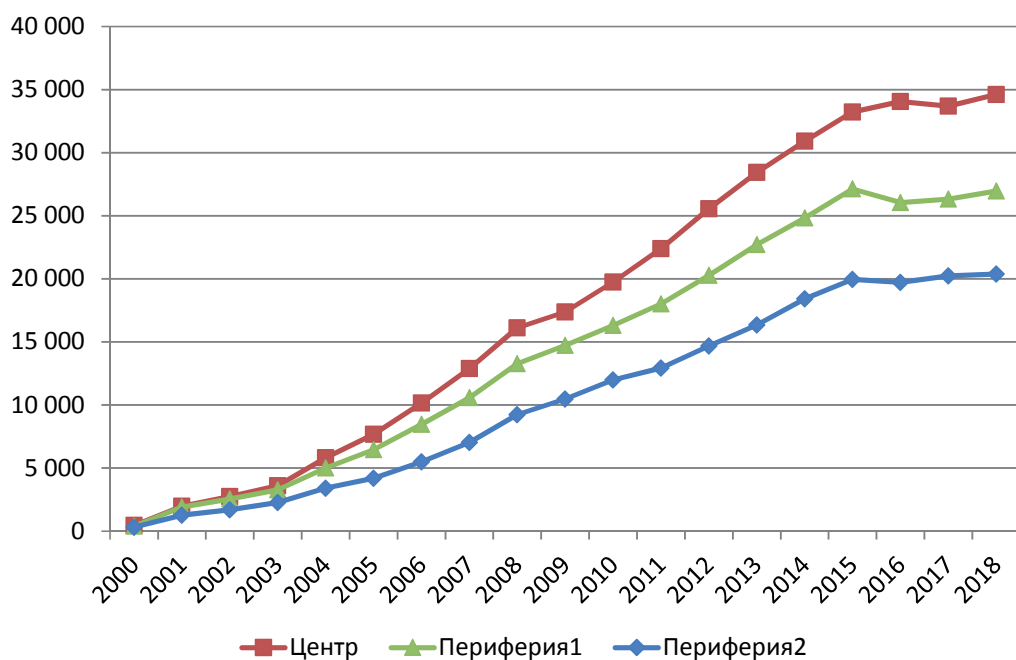

Рис. 5. Динамика доходов на душу населения по группам регионов в 2002—2018 гг. (тыс. рублей в месяц)

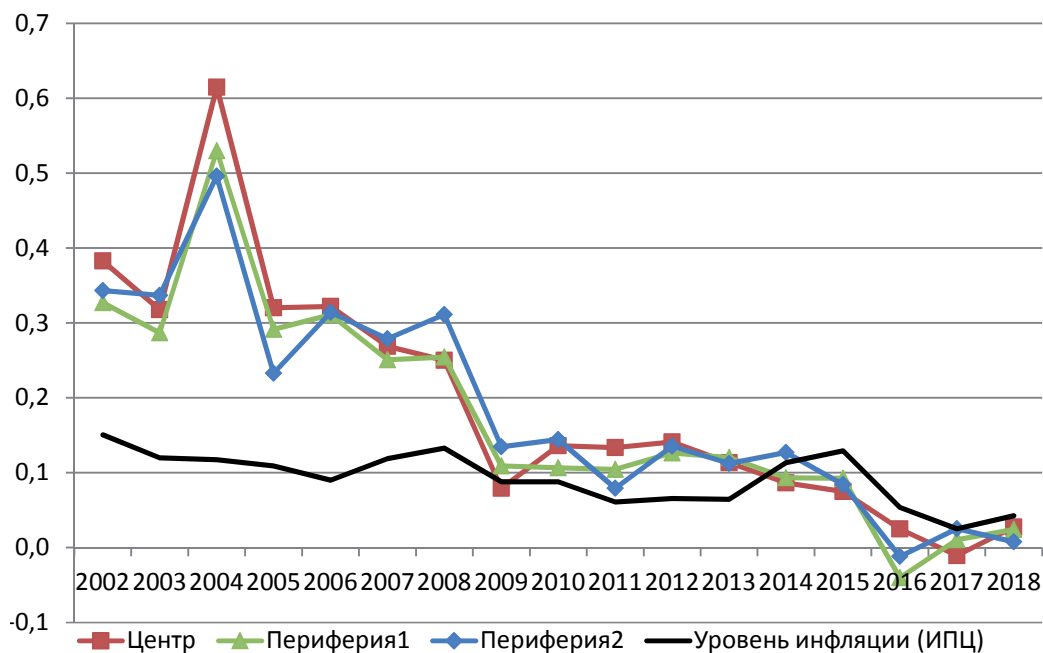

Рис. 6. Темпы прироста доходов на душу населения по группам регионов в 2002—2018 гг. и в сравнении с уровнем инфляции, рассчитанным по индексу потребительских цен

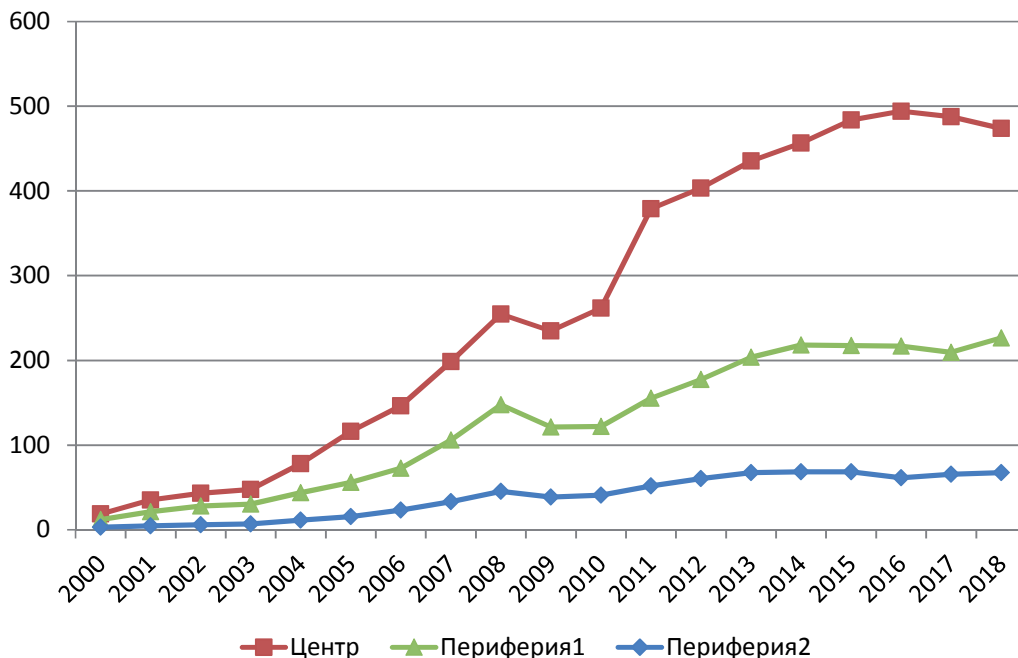

Рис. 7. Динамика объёма инвестиций в основной капитал по группам регионов в 2000—2018 гг., млрд рублей

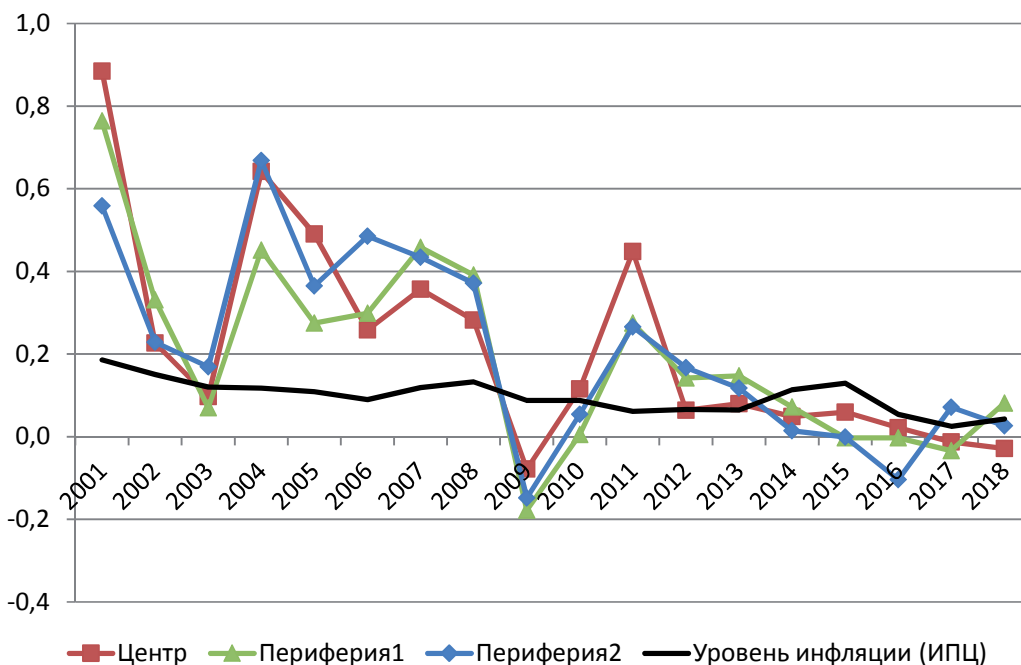

Рис. 8. Темп прироста объёма инвестиций в основной капитал по группам регионов в 2001—2018 гг. и в сравнении с уровнем инфляции, рассчитанным по индексу потребительских цен

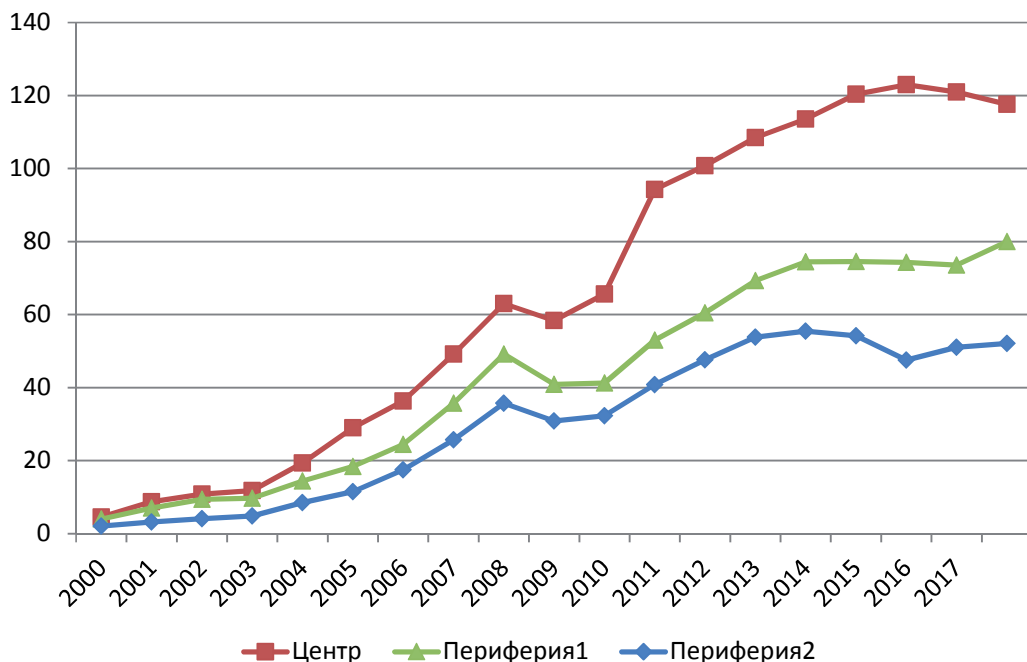

Рис. 9. Динамика объёма инвестиций в основной капитал на душу населения по группам регионов в 2000—2018 гг., тыс. руб.

Доля безработных в общей численности населения — один из немногих показателей, характеризующих сближение позиций Центра и Периферии. Более того, можно выделить временные периоды, когда таких различий почти не существовало: период с 2003 по 2007 год для Центра и Периферии 1 (в Периферии 2 доля была почти на процентный пункт больше). С 2014 по 2018 г. практически одинаковый результат по этому показателю был у Периферии 1 и Периферии 2 (в Центре в это время значения показателя почти достигли исторически минимального значения — 2 %). В целом картина, которую рисует именно доля безработных в общей численности населения, говорит о сближении позиций центра и периферии, однако, если смотреть на этот показатель вместе с трендами среднедушевых доходов, то станет ясно — в регионах Периферии 1 и, особенно, Периферии 2, высокая занятость достигается ценой низкой оплаты труда, что отрицательно сказывается на уровне жизни.

Обычно ученые говорят, что условия «новой нормальности» характерны для мировой и национальных экономик периода после 2009 г., когда произошел мировой финансовый кризис. С тех пор прошло уже 10 лет, но мировая экономика продолжает оставаться в состоянии рецессии, и это про-

цесс с разной интенсивностью проявляется практически во всех странах. Рассмотрим, как реагировали на изменение макроэкономической конъюнктуры три выделенные нами группы. Для этого использует три индикатора — реальный ВРП (в ценах 2000 г.), инвестиции в основной капитал на душу населения (также приведенные к ценам 2000 года), а также реальный среднедушевой доход (табл. 6).

Расчет показал, что реальный ВРП у Центра вырос за период с 2000 по 2017 г. в 2,5 раза, при этом за период с 2000 по 2008 г. ежегодный прирост составлял в среднем 9,5 %, а после 2009 г. — 4,3 %. Для 1 характерен рост реального ВРП в 2 раза, а также падение среднегодового темпа прироста в условиях «новой нормальности» с 9,0 до 3,0 %, а для Периферии 2 при общем росте в 2,2 раза и 9,2 % прироста за период с 2000 по 2008 г. последующий среднегодовой прирост составил 2,4 %. Таким образом, условия «новой нормальности» наиболее неблагоприятным образом отразились на регионах Периферии 2, а наиболее слабое влияние на тренд реального ВРП «новая нормальность» оказала в случае Центра. Ситуация с ростом реальных среднедушевых доходов немного иная, но также основывается на резком изменении тренда в условиях «новой нормальности» — с 2001 по 2018 г. Центр

Реакция основных показателей на возникновение условий «новой нормальности» по разным группам регионов

Группа регионов	Реальный ВРП			Реальные среднедушевые доходы			Реальные инвестиции в основной капитал		
	Темп роста 2000—2017	Среднегодовой темп прироста		Темп роста 2000—2017	Среднегодовой темп прироста		Темп роста 2000—2017	Среднегодовой темп прироста	
		2000—2008	2009—2017		2001—2008	2009—2017		2000—2008	2009—2018
Центр	2,5	0,095	0,043	3,9	0,205	0,010	4,9	0,231	0,017
Периферия 1	2,0	0,090	0,030	3,2	0,178	0,001	3,8	0,213	0,001
Периферия 2	2,2	0,092	0,024	3,6	0,186	0,009	4,7	0,264	-0,008

демонстрировал рост в 3,9 раза, Периферия 1 — в 3,2 раза, а периферия 2 — в 3,6, обойдя по скорости роста Периферию 1. При этом условия «новой нормальности» вездекратно понизили среднегодовой темп прироста этого показателя — в Центре — с 20,5 до 1,0 %, в Периферии 1 — с 17,8% до 0,1%, а в Периферии 2 — с 18,6 до 0,9 %. Что касается реальных среднедушевых инвестиций, то этот показатель также претерпел существенные изменения по всем группам регионов, но с разным результатом — у Центра темп его прироста сократился с 23,1 до 1,7 %, у Периферии 1 — с 21,3 практически до 0 (0,1 %), а у Периферии 2 — опустился в отрицательную зону (с 26,4 до -0,8 %). В целом все расчёты подтверждают высказанный тезис о существенности различий реакции разных групп регионов на появление условий «новой нормальности», одновременно указывая на то, что Центру эти условия даются легче, чем периферийным регионам, которые балансируют на грани замирания экономической динамики.

Обсуждение

В результате проведенного анализа сформулированная в начале статьи гипотеза о наличии в региональной структуре российской экономики регионов-центров и периферийных регионов (причем разнокачественных) подтвердилась. На примере регионов, образующих Уральский и Приволжский федеральные округа, определена структура, включающая два центральных региона (Республика Татарстан и Свердловская область), 7 регионов, которых можно назвать отсталыми (Республика Башкортостан, Удмуртская республика, Пермский край, Нижегородская, Оренбургская, Самарская и Челябинская области), и 8 регионов, которых в рамках настоящего исследования можно отнести к депрессивным (Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская

Республика, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская и Курганская области). Это деление довольно устойчиво, что можно подтвердить, помимо рассмотренных в основной части статьи показателей, динамикой темпов прироста численности населения (рис. 10). Помимо явно выбивающихся из общей тенденции 2010 и 2011 гг. (в 2010 г. вследствие последствий мирового финансового кризиса произошла крупная миграция населения из регионального центра в федеральный в поиске лучших условий труда и жизни, в 2011 г. похожий процесс произошёл в отсталых регионах), в остальные периоды демографическая ситуация в центральных регионах относительно благополучная, и начиная с 2012 г. наблюдается положительный темп прироста населения, в отсталых регионах, начиная с 2009 г. убыль не превышает, как правило, 0,2 %, а вот в депрессивных регионах в 2—3 раза превышает значения отсталых регионов. Это прекрасная иллюстрация того, как люди «ногами» характеризуют эволюцию региональной структуры российской экономики, безошибочно указывая, где ее центры, где «второй эшелон», стремящийся центры догнать, и где — «подвал», где царит пессимизм и желание уехать.

Для размышления приведем еще один показатель, характеризующий стоимость жизни в различных городах России (Индекс стоимости жизни, Росстат¹). Этот коэффициент показывает, насколько стоимость жизни в различных городах от среднероссийского уровня, принимаемого за 1. Сопоставим этот показатель со среднедушевым доходом в соответствующей области. Результаты сопоставления — в табл. 7 и на рис. 11 (размер и цвет пузырька соответствуют разным группам регионов). Можно отметить, что в целом стоимость жизни в Периферии 2 не ниже, чем в Периферии 1, а в Периферии 1 — не

¹ URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/itogi_isj.pdf.

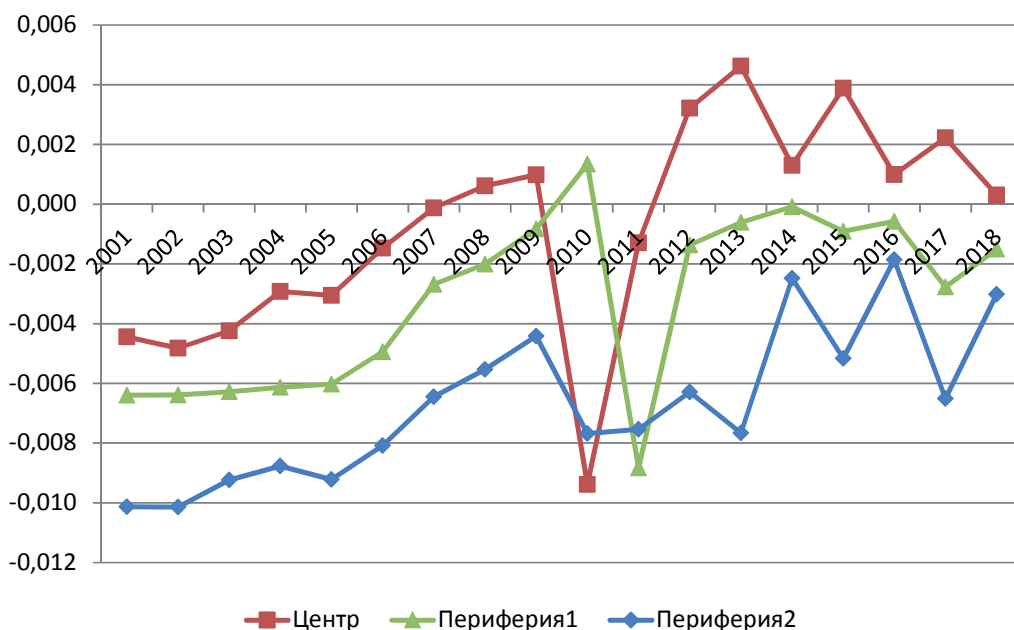

Рис. 10 Динамика темпов прироста численности жителей по группам регионов, 2000—2018 гг.

Таблица 7

Сравнение индекса стоимости жизни и среднедушевых доходов по регионам, относящимся к разным группам

Регион	Группа регионов	Индекс стоимости жизни в столице региона, 2018	Среднедушевые доходы в месяц, тыс. рублей
Москва (для сравнения)		1,27	62,4
Республика Татарстан (Казань)	Центр	0,91	33,1
Свердловская область (Екатеринбург)	Центр	1,02	36,1
Республика Башкортостан (Уфа)	Периферия 1	0,97	28,6
Удмуртская Республика (Ижевск)	Периферия 1	0,94	24,4
Пермский край (Пермь)	Периферия 1	1,00	28,8
Нижегородская область (Нижний Новгород)	Периферия 1	1,03	31,6
Оренбургская область (Оренбург)	Периферия 1	0,90	23,8
Самарская область (Самара)	Периферия 1	0,96	27,5
Челябинская область (Челябинск)	Периферия 1	0,90	23,9
Республика Марий Эл (Йошкар-Ола)	Периферия 2	0,89	19,1
Республика Мордовия (Саранск)	Периферия 2	0,86	18,0
Чувашская Республика (Чебоксары)	Периферия 2	0,88	18,1
Кировская область (Киров)	Периферия 2	0,93	21,9
Пензенская область (Пенза)	Периферия 2	0,89	21,6
Саратовская область (Саратов)	Периферия 2	0,90	20,6
Ульяновская область (Ульяновск)	Периферия 2	0,95	22,8
Курганская область (Курган)	Периферия 2	0,98	20,8

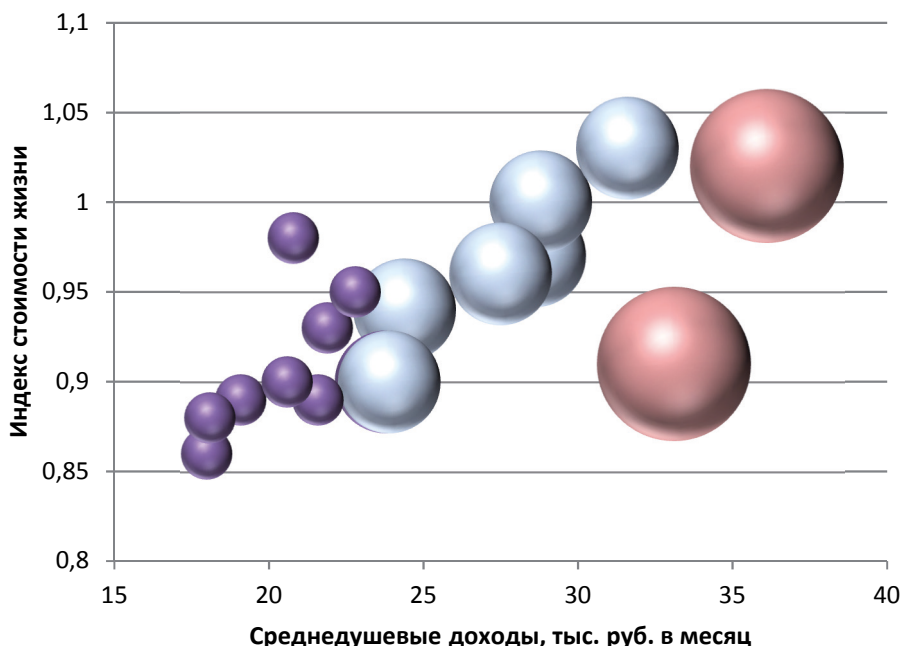

Рис. 11. Корреляция между среднедушевыми доходами и индексами стоимости жизни в столицах по группам регионов в 2018 г. (размер пузырька определяет группу региона — наиболее крупные — центр, среднего размера — Периферия 1, самые мелкие — Периферия 2)

ниже, чем в Центре. При этом среднедушевые доходы, напротив, как уже было отмечено, распределяются четко по группам — у Центра выше, у Периферии 1 — немного ниже, а у Периферии 2 — существенно ниже, чем и у первых, и у вторых. Внутри каждой группы явно прослеживается взаимосвязь рассмотренных показателей.

Приведенные здесь аргументы — еще два повода задуматься о неравномерности пространственного развития России и о необходимости реализации взвешенной и планомерной политики, направленной на получение более равномерной региональной структуры, пусть даже в ущерб усреднённой экономической эффективности.

Заключение

Таким образом, региональная структура российской экономики в условиях новой нормальности продолжает оставаться неравномерной, и степень неравномерности, которую можно охарактеризовать в терминах центра и периферии, со временем нарастает. Рассмотренный показатель: валовой региональный продукт, среднедушевые доходы, инвестиции в основной капитал и доля безработных в общей численности

населения как в номинальном, так и в реальном выражении, а также в темпах прироста — существенно различаются в выделенных в настоящем исследовании трех группах регионов — Центра, Периферии 1 и Периферии 2. В целом за весь рассмотренный период дистанция между Центром и периферийными регионами увеличивается, а между перифериями двух типов — сокращается за счет опережающего роста показателей Периферии 2. Исключением из этой тенденции можно считать дополнительно приведенные данные о приросте числа жителей, а также об инвестициях в основной капитал — по этим показателям Периферия 2 продолжает критически отставать от других групп.

Предложенный подход, на наш взгляд, является перспективным, и продолжение исследования может вестись по следующим направлениям, выходящим за рамки настоящей статьи:

1. Дополнить проведенный анализ путем включения в него новых показателей, глубже характеризующих все аспекты социально-экономического развития регионов, протестировать показатели на предмет отсутствия дублирования между ними.

2. Провести кластерный анализ по выбранным показателям и подтвердить или опровергнуть корректность исходного разбиения регионов на группы Центра, Периферии 1 и Периферии 2.
  3. Провести корреляционно-регрессионный анализ факторов, определяющих различия в социально-экономическом развитии регионов, относящихся к разным группам.
  4. Распространить опыт анализа на регионы России, относящиеся к другим федеральным округам.
-
1. Бархатов В. И. Тренды развития регионов в условиях «новой нормальности» и «новой реальности» // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). Экономические науки. Вып. 66. С. 43—56.
  2. Бархатов В. И. К вопросу о возможности и факторах экономического роста в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 7—10.
  3. Бодрунов С. Д. Судьба науки в России в условиях «новой нормальности» // Производство, наука и образование России: новые вызовы : сб. материалов III Междунар. конгресса / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. М., 2017. С. 16—26.
  4. Борщик Н. Д. Межрегиональные связи субъектов Российской Федерации: теория и практика // Политика, экономика и инновации. 2016. № 3 (5). С. 2—6.
  5. Гордеев С. С. Условия устойчивости и эффективности управления бюджетным процессом региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 12 (367). С. 62—70.
  6. Гордеев С. С., Кочеров А. В. Влияние кризисных рисков на динамику валового регионального продукта // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 8 (363). С. 104—113.
  7. Гордеев С. С., Кочеров А. В., Подопригора А. В. Риски интеграции точек роста в экономику региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 18 (373). С. 65—73.
  8. Гранберг А. Г. Программа фундаментальных исследований пространственного развития России и роль в ней Северо-Западного региона // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 1 (38). С. 1—6.
  9. Гранберг А. Г., Михеева Н. Н., Ершов Ю. С., Кулешов В. В., Селиверстов В. Е., Сулов В. И., Суспицын С. А., Минакир П. А. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: Экономика и Социология. 2009. № 4. С. 69—101.
  10. Гранберг А. Г. Экономика и социология пространства // Экономическое возрождение России. 2010. № 4 (26). С. 55—57.
  11. Лаврикова Ю. Г., Акбердина В. В. Приоритеты и механизмы межрегиональных взаимодействий: опыт уральских регионов в проекте «Арктический вектор уральского созвездия» // Регион: экономика и социология. 2018. № 4 (100). С. 168—191.
  12. Лаврикова Ю. Г., Большаков А. Л. Методика идентификации «полюсов конкурентоспособности» на территории России // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 8 (455). С. 55—64.
  13. Минакир П. А. Институциональные отображения пространственного развития // Пространственная экономика. 2016. № 4—5. С. 7—12.
  14. Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 7—15.
  15. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016—1029.
  16. Павлов К. В. Межрегиональные социально-экономические отношения // Проблемы современной экономики. 2008. № 4 (28). С. 371—375.
  17. Рязанов В.Т. Неустойчивый экономический рост как «новая нормальность»? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 4. С. 3—34.
  18. Силин Я. П., Анимича Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 714—725.
  19. Сулов В. И., Ибрагимов Н. М., Мельникова Л. В. Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1131—1144.
  20. Татаркин А. И. Модернизационное обновление российского пространства на основе инновационных инициатив // Регион: экономика и социология. 2016. № 1 (89). С. 6—33.
  21. Татаркин А. И. Региональная направленность экономической политики Российской Федерации как института пространственного обустройства территорий // Экономика региона. 2016. Т. 12, № 1. С. 9—27.

22. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Российский налогово-бюджетный федерализм в условиях экономической нестабильности // Федерализм. 2016. № 3 (83). С. 9—26.

23. Татаркин А. И., Логинов В. Г., Захарчук Е. А. Социально-экономические проблемы освоения и развития российской арктической зоны // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 2. С. 99—109.

24. Юрьев В. М., Бабаян В. Г. Россия 2016: стратегия в условиях «новой нормальности» // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11, № 1. С. 119—125.

References

1. Barhatov V.I. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (431), pp. 43—56 [in Rus].

2. Barhatov V.I. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (413), pp. 7—10 [in Rus].

3. Bodrunov S.D. (2017) *Proizvodstvo, nauka i obrazovanie Rossii: novye vyzovy*. Moscow, pp. 16—26 [in Rus].

4. Borshchik N.D. (2016) *Politika, ekonomika i innovacii*, no. 3 (5). pp. 2—6 [in Rus].

5. Gordeev S.S. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (367), pp. 62—70 [in Rus].

6. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 8 (363), pp. 104—113 [in Rus].

7. Gordeev S.S., Kocherov A.V., Podoprigora A.V. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 18 (373), pp. 65—73 [in Rus].

8. Granberg A.G. (2009) *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, no. 1 (38), pp. 1—6 [in Rus].

9. Granberg A.G., Miheeva N.N., Ershov Yu.S., Kuleshov V.V., Seliverstov V.E., Sus-

lov V.I., Suspitsyn S.A., Minakir P.A (2009) *Region: ekonomika i sociologiya*, no. 4, pp. 69—101 [in Rus].

10. Granberg A.G. (2010) *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*, no. 4 (26), pp. 55—57 [in Rus].

11. Lavrikova Yu.G., Akberdina V.V. (2018) *Region: ekonomika i sociologiya*, no. 4 (100), pp. 168—191 [in Rus].

12. Lavrikova Yu.G., Bol'shakov A.L. (2016) *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*, no. 8 (455), pp. 55—64 [in Rus].

13. Minakir P.A. (2016) *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 4—5, pp. 7—12 [in Rus].

14. Minakir P.A. (2016) *Prostranstvennaya ekonomika*, no. 3, pp. 7—15 [in Rus].

15. Minakir P. A. (2017) *Ekonomika regiona*, vol. 13, no. 4, pp. 1016—1029 [in Rus].

16. Pavlov K.V. (2008) *Problemy sovremennoj ekonomiki*, no. 4 (28), pp. 371—375 [in Rus].

17. Ryazanov V.T. (2013) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika*, no. 4, pp. 3—34 [in Rus].

18. Silin YA.P., Animica E.G., Novikova N.V. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, no. 3, pp. 714—725 [in Rus].

19. Suslov V.I., Ibragimov N.M. (2018) *Ekonomika regiona*, vol. 14, no. 4. pp. 1131—1144 [in Rus].

20. Tatarkin A.I. (2016) *Region: Ekonomika i Sociologiya*, no. 1 (89), pp. 6—33 [in Rus].

21. Tatarkin A.I. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, no. 1, pp. 9—27 [in Rus].

22. Tatarkin A.I., Loginov V.G., E.A. (2017) *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*, vol. 87. no. 2, pp. 99—109 [in Rus].

23. Tatarkin A.I., Tatarkin D.A. (2016) *Federalizm*, no. 3 (83), pp. 9-26 [in Rus].

24. YUr'ev V.M., Babayan V.G. (2016) *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, vol. 11, no. 1, pp. 119—125 [in Rus].

For citing: Barkhatov V.I., Pletnev D.A.,
Kapkaev Yu.Sh. The Ural and Volga
regions' centers and periphery
in the context of "new normality" //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 65—83.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-65-83

UDC 329.273

THE URAL AND VOLGA REGIONS' CENTERS AND PERIPHERY IN THE CONTEXT OF "NEW NORMALITY"

Viktor I. Barkhatov,

Chelyabinsk State University,
Director of the Institute of Economics
of Industry, Business and Administration,
Doctor of Economics, Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyeв Kashyrinykh, 129.
E-mail: ieo-science@csu.ru

Dmitri A. Pletnev,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department
of Economics of Industry and Markets,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyeв Kashyrinykh, 129.
E-mail: pletnev@csu.ru

Yuner Sh. Kapkaev,

Chelyabinsk State University,
Professor of the Department Chair
of Economics of Industry and Markets,
Cand.Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454001,
Chelyabinsk, ulitsa Bratyeв Kashyrinykh, 129.
E-mail: zam@csu.ru

Abstract

Introduction. Nowadays the issues of Russia's spatial development are extremely important for studying: technological and socio-economic changes that have taken place from 2000 to 2019 are forming new trends that govern regional

development, and they need to be understood and studied for better state regulation of this area.

The aim of the article is to analyze the development trends of regional centers and the periphery of the Russian economy in the period from 2000 to 2018 as exemplified by the regions of the Volga and Ural federal districts.

Methods. The authors use the methods of generalization, grouping, dispersion analysis, calculation of the dynamic performance of time series data and correlation analysis.

Scientific novelty of the study. The article presents an empirical analysis of the socio-economic development of the Russian regions included in the Ural and Volga federal districts from 2000 to 2018 (including the period of "new normality" after 2009), on the basis of identifying three different-quality groups of regions among which there are (Center (Republic of Tatarstan and Sverdlovsk region), Periphery 1 — backward areas according to A. G. Raizberg's classification, which include seven regions, and Periphery 2 — a group of depressed regions including eight constituents of the Russian Federation).

Results. As a result of the study, it was found that the groups of regions have different trends in socio-economic development, and the conditions of the "new normality" only reinforce these differences. The authors show that the spatial differentiation of the Russian economy is increasing.

Conclusions. The study can be used for a deeper and more detailed analysis of forming centers and peripheral economies in the Russian economy in order to develop recommendations to overcome their lagging and ensuring balanced spatial development of the country.

Key concepts:

center,
periphery,
new normality,
regional economy,
gross regional product,
cost of living index,
per capita income,
demography.

Для цитирования: Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 1: «Эффект колеи» и локальный кризис в Челябинской области // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 84—97. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

УДК 332.12

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА. ЧАСТЬ 1: «ЭФФЕКТ КОЛЕИ» И ЛОКАЛЬНЫЙ КРИЗИС В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
заведующий лабораторией моделей
пространственного развития,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
профессор кафедры политологии,
истории и философии,
доктор политических наук, профессор.
Российская Федерация, 454077,
г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Подопригора Александр Васильевич,

Научно-образовательный центр
Института экономики Уральского отделения
Российской академии наук
и Челябинского государственного университета,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 454021,
Челябинск, ул. Молодогвардейцев, д. 70б.
E-mail: agora821@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается присущая многим
регионам России в кризисных условиях

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

неоднородность, а в ряде случаев и разнонаправленность основных тенденций их социально-экономического развития. В значительной мере это обусловлено проявлением так называемого «эффекта колеи» или институциональной инерции, препятствующей необходимым и актуальным изменениям из-за доминирования при вхождении региона в кризисную ситуацию прежней траектории и парадигмы его развития. «Эффект колеи», по своей сути, обусловлен проявлением многолетних, исторически сложившихся специфических для различных регионов институциональных, экономических и социокультурных условий. В силу этого обстоятельства разные регионы оказываются более или менее чувствительными к негативным воздействиям внешних факторов кризисного характера. В ряде случаев проявление этого эффекта дает позитивный результат, но гораздо чаще это обуславливает негативный результат развития.

С точки анализа проявления «эффекта колеи» Челябинская область представляется своеобразным типичным «контрастным индикатором». Присущие Челябинской области проблемы и особенности кризисного развития в последние годы в той или иной степени характерны для многих российских индустриально развитых старопромышленных территорий.

На основе визуализации динамики базовых социально-экономических показателей Челябинской области делается вывод о том, что наблюдаемый резкий и продолжительный спад, а также нарастание разбалансированности происходящих изменений на протяжении последних 10—15 лет указывает на возникновение в регионе специфического локального кризиса, охватывающего лишь часть элементов его социально-экономической системы. При этом возникает ситуация, когда негативные изменения некоторых показателей экономики региона уже не могут быть компенсированы положительными трендами общенационального развития. Высокая волатильность показателей, характеризующих развитие региона в условиях проявления «эффекта колеи», является важным фактором формирования целого ряда рисков, которые необходимо учитывать в процессе поиска путей выхода из кризисной ситуации.

Сложившиеся в Челябинской области в прежнее время и сохраняющиеся сегодня тенденции, связанные с проявлением «эффекта колеи», могут инициировать нарастание социальных проблем уже в ближайшей перспективе (ограниченность роста доходов населения и розничного товарооборота) и повышение рисков устойчивого развития реального сектора экономики (падение индексов производства и объема инвестиций) в стратегическом аспекте.

Ключевые понятия:

регион,
социально-экономическое развитие,
динамика,
риски,
локальный кризис,
визуализация социально-экономических процессов.

В настоящее время становится очевидной необходимость переосмысления ряда базовых предпосылок концептуального понимания регионального развития, а также обновления представлений о моделях роста и соотношениях между составляющими и драйверами социально-экономического развития региона. Начальной точкой многих проблемных экономических явлений последнего времени в России стал мировой финансовый кризис 2008—2009 гг. Вслед за ним последовал не столь ярко выраженный структурный кризис, отразивший как глобальные, так и региональные (страновые) вызовы и риски [8; 9]. Наблюдаемые макроэкономические процессы и изменения глобального масштаба и следующая за ними смена ряда ключевых условий социально-экономического развития определяют формирование множества долгосрочных последствий [12], о которых в целом говорят как о поиске «новой нормальности». Мировые и национальные тенденции в той или иной степени проявляются во всех регионах, накладываясь на специфические местные условия, и в совокупности с ними определяют масштаб, а также *сложный и противоречивый характер региональных социально-экономических изменений* [2].

В российском социально-экономическом развитии текущего периода во многом доминируют исторически сложившиеся институциональные и социокультурные условия. Подобный сценарий развития, представленный в экономической теории как Path Dependence — «зависимость от предшествующего развития» [15; 17], в последнее время был обозначен для РФ как «эффект колеи», причем с далеко не лучшими последствиями для перспектив развития [1]. В регионах действие «эффекта колеи», как правило, имеет свою специфику и отражается на динамике и темпах развития каждого из них. В таких случаях можно говорить об эффекте «региональной» или «местной колеи». Важно, что возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития [10] в условиях кризисных процессов и нестабильности могут существенно меняться.

История и причины формирования «эффекта колеи» в Челябинской области имеют временные и содержательные аспекты. Накопившиеся за прошедшие десятилетия институциональные проблемы социально-экономического функционирования региона, связанные с политикой, проводившейся региональной властью, имели выраженное субъективное начало. Здесь можно выделить два временных этапа.

Первый охватывает период с начала двухтысячных годов, до начала мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. и характеризуется консервативной в подавляющем числе аспектов экономической политикой губернатора области П. Сумина. В условиях высокого национального экономического роста, область, хотя и с некоторым отставанием от регионов — «лидеров», улучшала свои текущие показатели. Они касались как увеличения промышленного производства за счет использования имевшегося промышленного потенциала, так и роста доходов населения. Без особых усилий обеспечивался процесс инерционного развития, а фактор «лёгких денег» при профиците бюджета создавал иллюзию отсутствия проблем. Подобная ситуация затормозила структурные и институциональные реформы и позволила «косметически» заретушировать ряд назревающих экономических дисбалансов (следует отметить серьезнейший локальный кризис регионального машиностроения в 2002 г., приведший к закрытию множества предприятий). С тех пор проблемы диверсификации структуры экономики только декларировались. Изоляционизм привел к свертыванию внешнего инвестирования, начиная с отказа от строительства транспортного хаба и Челябинского аэропорта международного уровня. Развитие «по старинке» предопределило основы «региональной колеи» Челябинской области. Фактический «провал» региона в кризис 2008—2009 гг. с рекордным по России спадом основных показателей во многом подвел итоги этого периода.

Второй этап хронологически охватывает 2010—2018 гг. и связан с реализацией деформированной региональной социально-экономической политики, проводившейся в интересах ограниченного числа околовластных бизнес-групп. Подобная политика, активно проводившаяся правительством губернатора М. Юревича, с некоторыми изменениями была продолжена губернатором Б. Дубровским. Ее характерными чертами стало формирование непрозрачных условий ведения бизнеса в интересах отдельных административно-финансовых и экономических групп, фактическая монополизация ключевых, жизненно важных для населения сфер (дорожное строительство и ремонт, обращение с ТКО, жилищное и инфраструктурное строительство, благоустройство и др.). Все это, дополняемое «косметическими» имиджевыми мероприятиями вместо реальных преобразований, не могло не привести к «бегству» инвесторов и капиталов,

снижению качества жизни населения и росту протестных настроений в регионе.

Говоря иначе, конъюнктурный рост доходов (и даже сверхдоходов) отдельных региональных бизнес-групп способствовал в последние годы не развитию реальной экономики и повышению доходов населения, а ухудшению бизнес-климата и выводу капиталов с территории области. А прирост доходов регионального бюджета привел во многом к их перераспределению в интересах аффилированного с властными структурами бизнеса и далее также к бегству денег из региона. Масштабы накопленных многолетних проблем, сформировавшихся существенных диспропорций и институционального отставания во многом определяют параметры сложившейся «региональной колеи» Челябинской области.

Существенная местная специфика региональной социально-экономической динамики при наблюдаемых в последние годы многолетних проблемных трендах формируют для региона сложные и до поры скрытые *риски социально экономической несбалансированности*. Все они находят отражение в динамике регионального социально-экономического развития и требуют детального изучения. Сложное переплетение проблем экономического роста и спада, финансовой стабильности и нестабильности, а также устойчивости региональной системы в целом, неизбежно затрагивает вопросы методологии анализа и использования специально адаптированного инструментария оценки региональных социально-экономических процессов.

Используемые сегодня подходы, применяемые при анализе сбалансированности функционирования сложных региональных социально-экономических систем, достаточно разнообразны [6; 7]. Они традиционно связаны с оценкой соотношений и динамики различных статистических показателей. В отдельных случаях (для получения выборочных более детальных оценок) используются более сложные модели с сопоставлением взаимосвязанных показателей в различных сочетаниях [14].

В рамках анализа сложных региональных социально-экономических процессов особую важность приобретает проблемы корректности и достоверности оценок. Систематические ошибки, связанные с деформацией отражения реальной ситуации в отдельных показателях статистической отчетности, обуславливают появление серьезной управленческой проблемы, продуцируемой так называемым эффектом «лукавых

цифр». Первые наиболее известные результаты исследований, связанные с появлением феномена «лукавых цифр», вышедшие на уровень национального обсуждения, относятся еще к периоду плановой экономики СССР [11].

Исследования последних лет, выявившие неоднозначность применяемых в большинстве случаев статистических оценок [13], ставят вопрос о более глубоком изучении характера и параметров региональных социально-экономических процессов [3; 4; 16]. В условиях социально-экономической нестабильности использование традиционных подходов, связанных с выборочным рассмотрением показателей и формированием некоторых обобщающих агрегированных оценок (индексов и др.) становится малопродуктивным. Погрешности «растворения» ключевых изменений в большом числе малозначимых показателей неизбежно деформируют итоговую картину происходящих перемен, не позволяя, к тому же, оценить появление качественно новых изменений.

Проблема точности оценок и снижения эффекта «деформации» результатов анализа достаточно многогранна. Наиболее достоверные результаты с минимизацией влияния «лукавых цифр» связаны с использованием достаточно простых показателей, максимально близких первичным данным. Здесь предпочтение имеют показатели, использующие обобщенные данные бухгалтерского учета. При анализе тенденций ключевым требованием становится приведение показателей к сопоставимому виду (при прочих равных условиях). Здесь важным фактором становится корректный выбор базы для оценки и применение ряда других, ставших классическими, положений статистического анализа. Дополнительные возможности повышения корректности оценок и качества анализа связаны с применением компьютерных технологий, цифровизацией анализа и экономических исследований.

В условиях социально-экономической нестабильности региона важным элементом анализа становится *использование инструментария визуализации социально-экономических процессов* [5]. Методические подходы к применению анализа с интеграцией баз данных и информационных технологий обеспечивают наглядность и прозрачность процедур оценки, максимальную детализацию ключевых моментов смены трендов, выявление противоречий роста взаимосвязанных показателей. Это, в конечном итоге позволяет получить наиболее *корректную*

характеристику всей совокупности социально-экономических процессов на основе максимально достоверной статистической информации. В условиях турбулентности социально-экономических процессов средства компьютерной графики в сочетании с цифровыми оценками обеспечивают наилучшие возможности анализа среднесрочной и долгосрочной траектории социально-экономического развития региона.

В настоящий момент, после обновления основных общенациональных социально-экономических трендов, на первый план выходит изучение вызванных ими тенденций развития на региональном уровне, а также возможных рисков, связанных с возникновением региональных локальных кризисов. Эти вопросы, а также тема сбалансированности социально-экономического развития региональной динамики рассмотрены нами на примере индустриально развитых территорий Урала, прежде всего Челябинской области, так как по многим признакам этот регион выглядит медианным «контрастным индикатором» [4; 16]. Анализируемые в статье проблемы, возникающие в ситуации локального кризиса, в той или иной степени присутствуют в большинстве подобных старопромышленных индустриальных территорий.

Однако именно для Челябинской области в последние годы характерно нарастание серьезных социально-экономических дисбалансов, что свидетельствует не только о возникновении локального социально-экономического кризиса, но и о его усилении. Начиная с 2014 г. наблюдался негативный разворот ряда ключевых экономических трендов — по сути, их обвал.

Эта тенденция имеет как непосредственные, так отложенные негативные социально-экономические последствия для бизнеса и населения области. Они отражаются в низкой динамике развития производства, устойчивом падении инвестиций и свертывании объема торговли. Далее следуют: снижение благосостояния населения и рост негативных оценок жителями региона собственного положения, а также деятельности муниципальных, региональных и федеральных органов власти.

Следует особо отметить, что рост дефицита ресурсов, отмечаемый в последние годы у крупнейших предприятий и организаций Челябинской области (включая сверхдоходы связанные с выгодной внешнеэкономической конъюнктурой и изменением валютных курсов), а также соответствующий рост поступлений в бюджет региона,

не привел ни к экономическому росту, ни к увеличению реальных доходов населения. Напротив, доходы жителей области и объемы инвестирования продолжали падать.

Все это нашло отражение в политическом кризисе (досрочные отставки подряд двух губернаторов — М. Юревича и Б. Дубровского и серьезном падении уровня доверия населения к власти), который проявился в очередной, уже третьей за 9 лет, смене руководителя исполнительной власти области в 2019 г.

Причины нынешнего социально-экономического кризиса в Челябинской области, заключаются, на наш взгляд, прежде всего, в накоплении многолетних противоречий и неэффективной социально-экономической политике правительства региона, которое во многом игнорировало федеральные тренды и инициативы, зато декларировало в не адекватных реальным проблемам и потребностям региона «бумажные стратегии» «2020» и «2035» надуманные цели реализации крайне затратных (при весьма сомнительной востребованности и эффективности) «мегапроектов» (ТЛК «Южноуральский», ВСМ Челябинск — Екатеринбург, строительство «Конгресс-холла» и других избыточных объектов для саммита ШОС и т. д.).

Результаты анализа ключевых проблем региональной динамики, отражаемые в данных Росстата (за период с 2004 по 2019 г.), ниже представлены в формате аналитико-графических материалов с соответствующими оценками и уточнениями. В этих аналитических материалах рассматриваются наиболее значимые проблемы регионального социально-экономического процесса, характеризующие развитие локальных кризисных явлений с соответствующими рисками, вызываемыми эффектом «региональной колеи».

Анализ процесса социально-экономического развития Челябинской области связан с исследованием ряда ключевых моментов наблюдаемой ситуации, которую необходимо рассматривать как локальный региональный кризис. Обоснованность подобной оценки обусловлена двумя рассмотренными далее аспектами наблюдаемых перемен, обуславливающими развитие кризисных рисков. Ключевыми характеристиками такой ситуации являются:

1. Неравномерная и негативная по направленности относительно общенациональных трендов региональная социально-экономическая динамика.
2. Появление точки резкой смены трендов с обвальным снижением уровня

ряда ключевых социально-экономических показателей.

Неравномерная и негативная региональная социально-экономическая динамика относительно общенациональных трендов

Замедление динамики показателей регионального социально-экономического развития проявляется, прежде всего, в устойчивом присутствии отрицательных трендов, имеющих разные параметры показателей, а также в усилении противоречивости (несбалансированности) изменений, как во временном, так и в структурно-отраслевом аспектах. Неоднородность социально-экономической динамики имеет существенную особенность — она продуцирует замедление общих темпов роста показателей социально-экономической системы. Здесь следует обратить внимание на следующие имплицитные признаки (см. англ. *implicit*, подразумеваемый, невыраженный, здесь — обычно остающиеся без должного осознания) наблюдаемого замедления социально-экономической динамики.

Первое — усиливающейся разрыв между динамикой промышленного производства и динамикой доходов населения. Этот разрыв отражается в амбивалентном соотношении индексов промышленного производства и индексов доходов населения (рис. 1).

В Челябинской области наблюдается многолетняя неравномерная, но достаточно очевидная тенденция замедления показателей роста, как промышленного производства, так и доходов населения. Также, как видно из представленных в графике данных, отмечается опережающее падение индекса доходов населения с переходом тренда за последние пять лет в зону устойчивого спада. Динамика индексов промышленного производства (линейная аппроксимация) на этом временном отрезке находится в районе нулевой зоны.

Второе — усиление противоречий динамики и несбалансированности изменений, как во временном, так и структурно-отраслевом аспектах. Этот тренд отражает масштаб перемен и предпосылки для формирования и проявления более резких, контрастных социально-экономических последствий в Челябинской области относительно

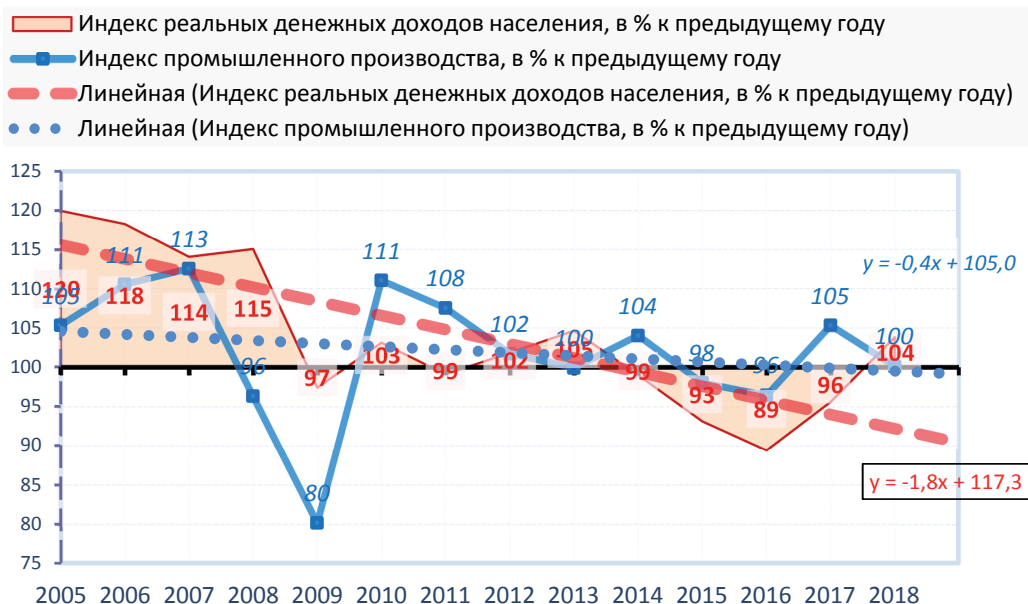

Рис. 1. Характеристика замедления показателей ежегодного роста: общий вид и основные тренды за 2005—2018 гг. (линейная аппроксимация) динамики развития Челябинской области с 2005 г.: индекс промышленного производства и индекс доходов населения в процентах к уровню предшествующего года

других территорий. Наблюдаются ярко выраженные зоны непропорционального роста или спада в динамике промышленного производства и доходов населения (рис. 2).

Параметры, зафиксированные на рис. 2, фиксируют четыре ключевых момента:

Во-первых, зоны высокого промышленного роста (с 2005 по 2007 г.), наращивания капитализации и денежного оборота, сопровождающегося опережающим ростом доходов населения;

Во-вторых, зоны кризисного спада в промышленности (2008—2009 гг.) при не сильно выраженном тренде снижения доходов населения;

В-третьих, появление зоны, в которой заметно появление тенденции, фиксирующей существование структурного социально-экономического кризиса (с 2014 по 2016 г.): спад промышленного роста до уровня 2011 г. с резким спадом уровня капитализации бизнеса и опережающим падением уровня доходов населения, скатившихся к уровню 2007 г.

Можно сказать, что динамика показателей последних лет подчеркивает отсутствие взаимосвязи между спадом доходов населения и динамикой промышленного производства (рис. 3).

В-четвёртых, зоны слабого восстановительного роста промышленного производ-

ства, сопровождающегося сначала продолжением спада индекса реальных денежных доходов населения, а затем их слабым ростом, не выводящим этот показатель за значение 2007 г.

При этом тренды индекса промышленного производства и индекса реальных денежных доходов разнонаправлены. Существенное падение доходов населения проявляется в отрицательном тренде (линейная аппроксимация) с переходом в зону спада в конце 2014 г.

Третье — существенное отставание темпов региональной промышленной динамики на фоне показателей РФ и других регионов. Различие в динамике промышленного роста заметно при сопоставлении индексов промышленного производства Свердловской и Челябинской областей на фоне средних показателей по РФ (рис. 4). За базовый год для сравнения взят 2011. Низкая, околонулевая промышленная динамика Челябинской области очевидна на фоне существенно более высокой в РФ. Еще более заметно отставание от региона-лидера, соседней Свердловской области. Как территория — «аутсайдер» Челябинская область выпадает из новой, пусть и ограниченной невысокими темпами национальной динамики промышленного производства, что отражает риски как сохранения, так

Рис. 2. Зоны непропорционального роста или спада в динамике развития Челябинской области с 2005 г.: по индексам промышленного производства и доходов населения (в процентах к уровню 2004 г.)

Рис. 3. Тренды динамики развития (линейная аппроксимация) Челябинской области с 2012 г.: околонулевые колебания индекса промышленного производства при существенном спаде индекса доходов населения с уходом в отрицательную зону; тренды промышленного производства и доходов населения (в процентах к уровню 2011 г.)

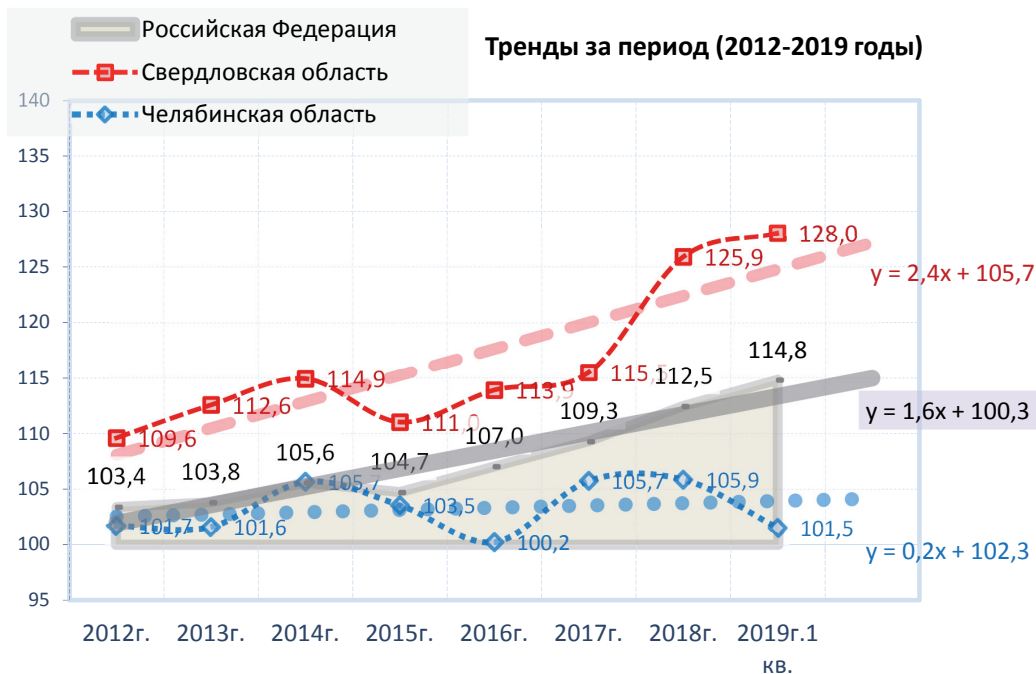

Рис. 4. Различия трендов индексов промышленного производства (линейная аппроксимация) за 2012—2019 гг.: по РФ и регионам (лидер роста — Свердловская область и аутсайдер роста — Челябинская область); индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

и вероятного возврата и усиления кризисных процессов.

Тренды за 8 лет (2012—2019 гг.) фиксируют нарастающее отставание развития промышленности, во-первых, от соответствующего показателя по РФ (разрыв составил 25 %); во-вторых, от аналогичного показателя по Свердловской области (разрыв составил 13 %). Отставание Челябинской области в динамике промышленного производства все более заметно нарастает в последнее время (рис. 5). В 2016—2019 гг. околонулевые показатели промышленного роста (индекс промышленного производства менее 0,5 %) Челябинской области более чем на порядок уступали аналогичным в Свердловской области (индекс промышленного производства более 5 %).

Четвертое — существенный региональный спад реальных доходов и благосостояния населения отражается в падении индексов доходов населения Челябинской области (до 25 %) в 2014—2017 гг. (рис. 6). Резкий спад и понижение уровня реальных доходов населения в Челябинской области наблюдается относительно ситуации в других регионах РФ. При этом отмечается отсутствие сколько-нибудь существенного тренда восстановления (компенсации потерь) уровня реальных доходов населения (рис. 7). Тенденция слабого восстановительного роста индекса доходов населения

области, наметившиеся с 2017 г. (соответственно, с более низкой базы), близка к значению подобного же общероссийского тренда. Такие колебания в динамике размера реальных доходов не обеспечивают не только компенсацию потерь спада, но даже быстрого выхода на предшествующий падению уровень. В Челябинской области при сохранении тренда динамики восстановления последних лет (2,6 % за 2017—2019 гг.) восстановление от низшей точки (с 2017 г.) до прежде максимального уровня 2012 г. займет около 10 лет.

Появление точки резкой смены трендов с обвальным снижением уровня ряда ключевых социально-экономических показателей

Резкий и продолжительный спад («обвальное снижение») ряда ключевых социально-экономических показателей заметно увеличивает риски перерастания локального регионального кризиса в системный. Обострение ситуации и рост риска возврата локального кризиса с последующим переходом его в системный связаны с появлением точки смены трендов основных показателей в 2014 году (рис. 8). Подобная несбалансированная региональная

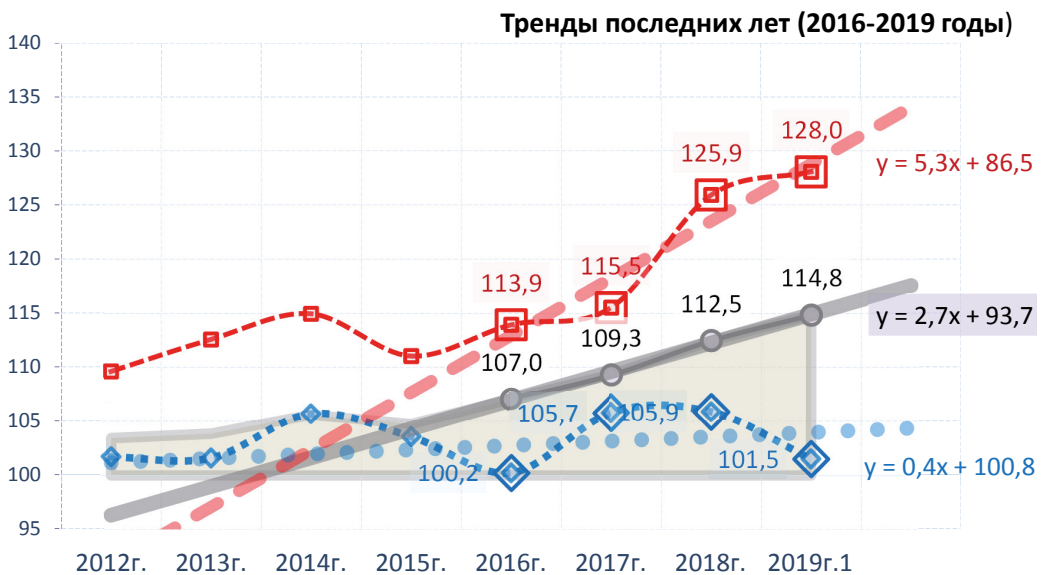

Рис. 5. Нарастание различия в динамике роста — тренды индексов промышленного производства (линейная аппроксимация) в период 2016—2019 гг.: индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

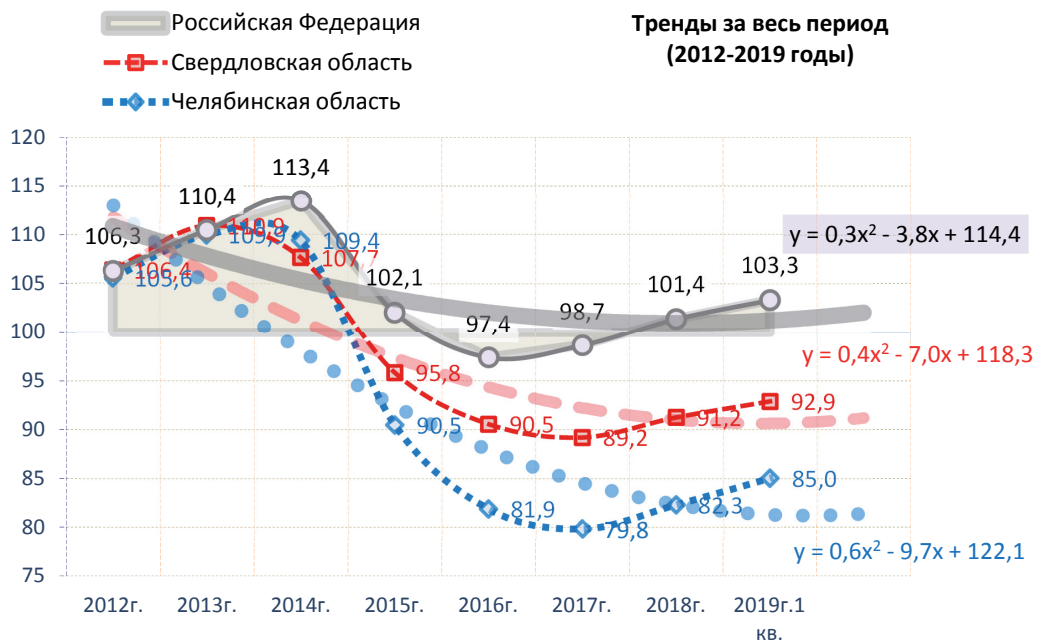

Рис. 6. Траектории спада для трендов (нелинейная аппроксимация) индексов динамики доходов за период 2012—2019 гг.: индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

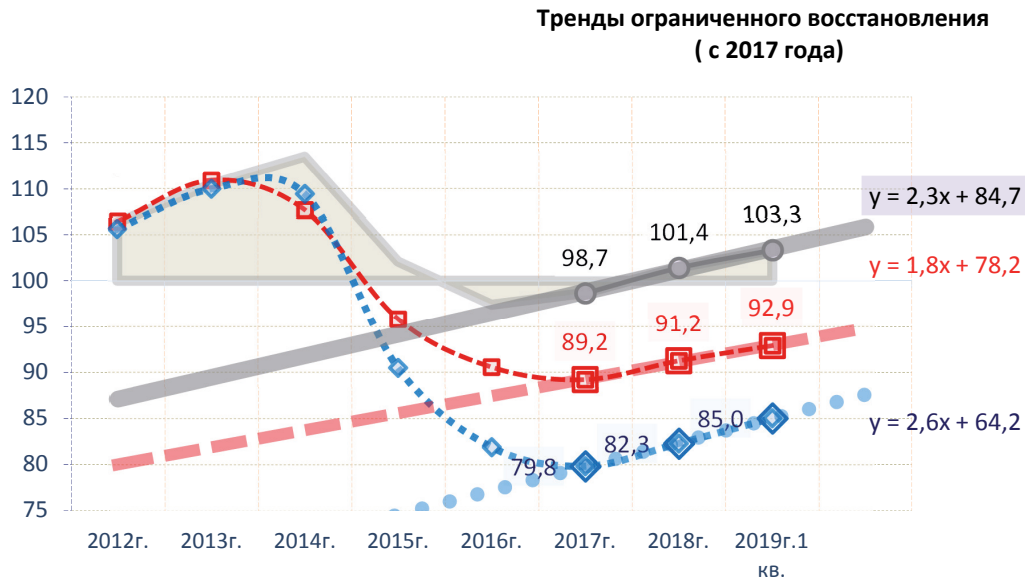

Рис. 7. Текущие тренды ограниченного восстановления индексов доходов населения с 2017 г. (линейная аппроксимация): индексы динамики доходов по РФ и регионам определены в процентах от уровня 2011 г.

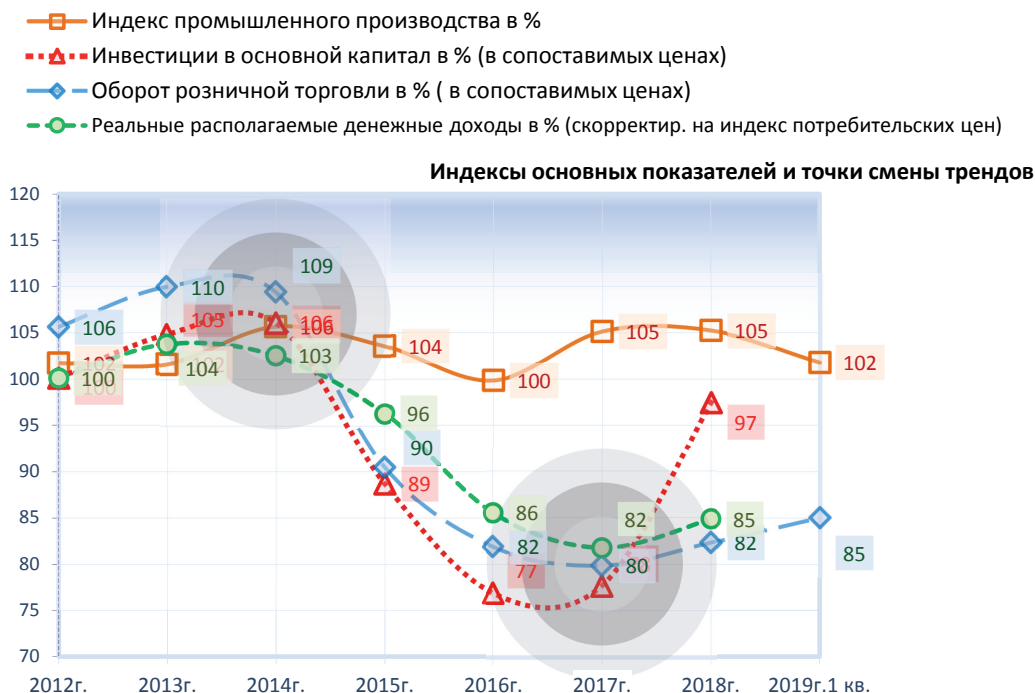

Рис. 8. Особенности региональной локальной кризисной социально-экономической динамики и точки смены трендов — начало спада (2014 г.) и начало стабилизации (2017 г.): индексы показателей определены в процентах от уровня 2011 г.

динамика развития после трех лет спада, в 2017 г., в очередной точке смены трендов перешла в фазу локальной стагнации. Для нее характерно развитие с низким и порой около нулевым ростом на резко снизившейся базе. Наблюдаются устойчивые отрицательные тренды ежегодного падения основных показателей до 10 % в 2014—2017 гг. в зоне локального кризисного «провала» (рис. 9), что указывает на расширение и углубление локального социально-экономического кризиса в Челябинской области. Масштаб спада настолько значителен, что его негативные результаты не смогут компенсировать позитивные тренды общенациональной динамики.

Особенностью возникшего локального регионального кризиса является «провал» в динамике ряда базовых показателей, касающихся, прежде всего, наиболее весомых и системообразующих отраслей экономической структуры региона. Этот спад не может компенсироваться относительной стабильностью динамики роста ряда других, менее весомых отраслей, чей рост в большей степени определяется действием общенациональных и глобальных тенденций. Стабилизация спада в 2018 г. не обеспечивает

быстрого сбалансированного восстановления по всем параметрам динамики социально-экономического развития. Очевидно, что негативные последствия сложившейся социально-экономической разбалансированности процесса развития Челябинской области сохранятся на среднесрочную перспективу.

Нестабильность текущей динамики неравномерного низкого роста является фактором усугубления спада и локального кризиса. Детализация анализа по квартальным индексам промышленного производства (нарастающим итогом к уровню предшествующего года) во многом свидетельствует об относительной стабилизации текущей ситуации. Однако, при заметных колебаниях текущего роста (от года к году плюс — минус 5 %) общая динамика развития промышленности в Челябинской области в 2017 — начале 2019 гг. имеет негативный тренд (рис. 10). Подобная волатильность динамики показателей промышленного производства затрудняет выход из зоны локального кризисного «провала» и обуславливает воспроизводство как социальных проблем (ограниченность роста доходов населения и розничного товарооборота), так и нарастание рисков в развитии экономики (в том

**Тренды зоны локального «кризисного провала»
(2014-2017 годы)**

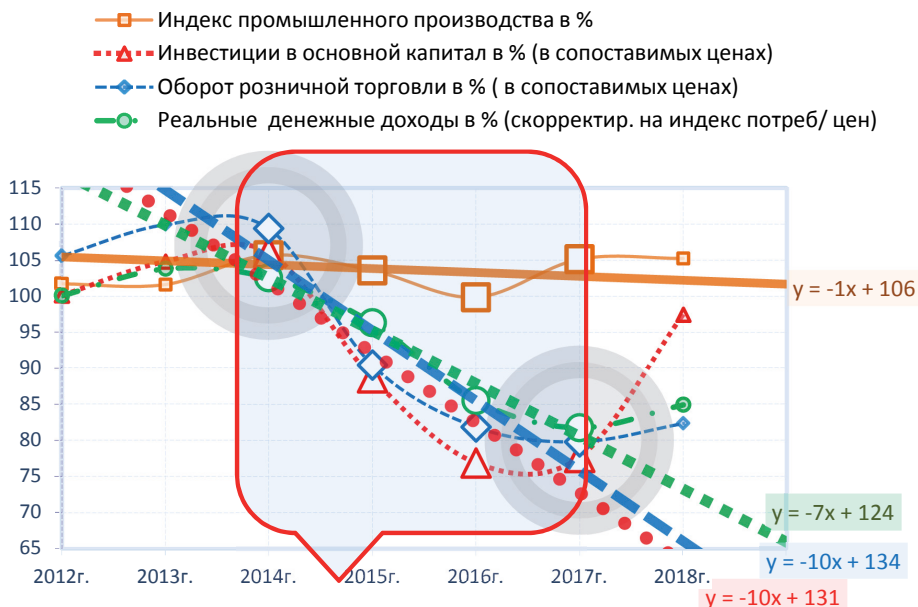

Рис. 9. Тренды спада основных показателей в зоне локального «кризисного провала» в 2014—2017 гг. (линейная аппроксимация): индексы показателей определены в процентах от уровня 2011 г.

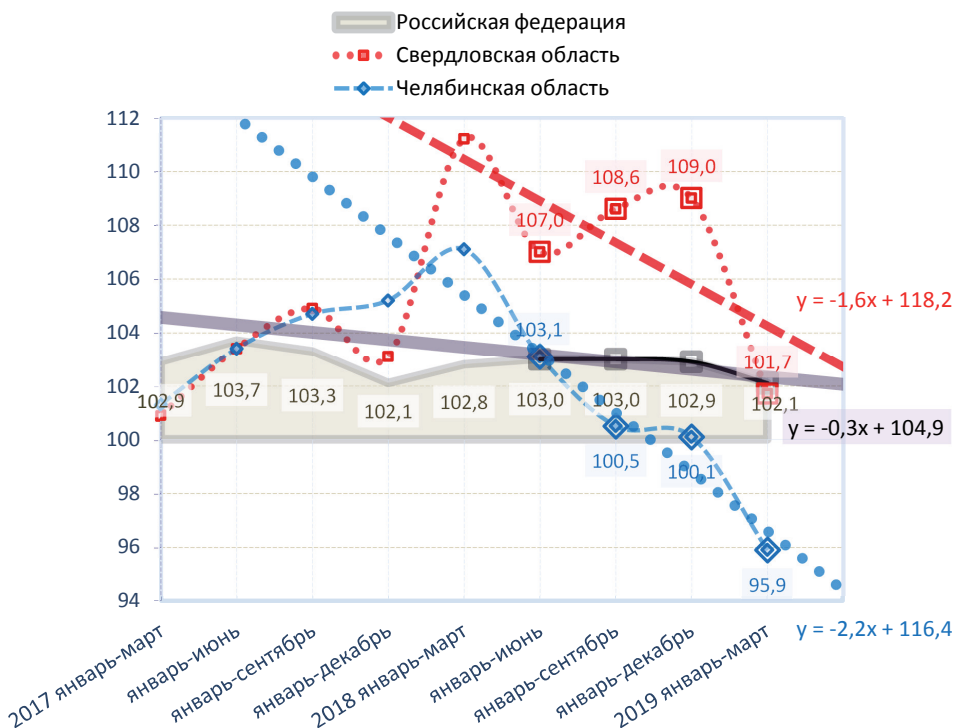

Рис. 10. Неравномерность региональной динамики и негативные тренды последнего года: по индексам промышленного производства регионов на фоне РФ (поквартильно процентах к уровню предшествующего года)

числе — вывоз капитала и сокращение объема инвестиций).

Это обстоятельство существенно снижает вероятность благоприятных перемен в социально-экономическом развитии региона.

Из приведенных в статье аналитических оценок следует, что наличие *локального кризиса в Челябинской области диагностируется по многим признакам*, которые характеризуют нарастание разбалансированности основных социально-экономических процессов, нестабильную, преимущественно негативную траекторию движения, заостренность отраслевой структуры экономики. Здесь на внешние, непрогнозируемые экономические и технологические условия накладываются нарастающие проблемные местные факторы, задающие новые рамки проявления «эффекта колеи». Увы, ситуация в регионе далека от традиционно декларируемых его руководителями позитивных изменений.

Отмеченные особенности регионально-го развития связаны с устаревшей, не соответствующей актуальным требованиям региональной институциональной среды, а также недостаточной эффективностью и адаптивностью существующей региональной системы управления. Это с большой долей вероятности создает предпосылки нарастания уже отмеченных региональных диспропорций, которые неизбежно будут распространяться на другие сферы. Так, специфика и масштабы социально-экономических противоречий неизбежно отражаются в области региональных финансов и на состоянии институциональной среды в целом. Здесь также отмечается широкий круг проблемных тем — от сохраняющейся ситуации роста сверхдоходов ведущих региональных компаний, до деформации региональных рынков и системной коррупции. Эти социально значимые аспекты феномена «региональной колеи» требуют особого рассмотрения, и они будут представлены во второй части нашего исследования.

1. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1.

2. Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147—160.

3. Бочко В. С. Экономическая самостоятельность регионов в условиях новой реальности // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 342—358.

4. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Экономическая динамика России и регионов в условиях структурного кризиса: анализ и прогнозирование // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 47—55.

5. Гордеев С. С., Кочеров А. В. Основы анализа региональной экономической динамики: визуализация и оценка в среде MS Office. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2017. 130 с.

6. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 1 // Экономика региона. 2015. № 2. С. 50—52.

7. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 2 // Экономика региона. 2015. № 3. С. 9—17.

8. Мау В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017—2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5—29.

9. Мау В. С. Экономические кризисы в Новейшей истории России // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 2. С. 7—19.

10. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—642.

11. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181—201.

12. Ханин Г. И., Фомин Д. А. В России начался экономический кризис и, скорее всего, он будет долгим // Terra Economicus, 2013. Т. 11, № 2.

13. Ханин Г. И. «Лукавая цифра»: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 2. С. 139—163.

14. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Альтернативные оценки макроэкономических показателей экономики России // Альтернативные оценки развития российской экономики: методы и результаты. Ч. 1 / ред. Г. И. Ханин. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2011. 196 с.

15. David P. A. Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Economics // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present / eds. P. Garrouste, S. Ioannides. Cheltenham : Edward Elgar, 2001. 247 p.

16. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Ivanov O. P., Kocherov A. V. The economic dynamics of Russia and its regions in the context of a structural crisis: analysis and forecasting // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 39—46.

17. North D. C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 152 p.

References

1. Auzan A. A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika*, no. 1 [in Rus].

2. Bobylev S., Zubarevich N., Solov'eva S. (2015) *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 147—160. [in Rus].

3. Bochko V.S. (2016) *Ekonomika regiona*, vol. 12, iss. 2, pp. 342—358. [in Rus].

4. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2016) *Sotsium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 47—55. [in Rus].

5. Gordeev S.S., Kocherov A.V. (2017) *Os-novy analiza regional'noi ekonomicheskoi di-namiki: vizualizatsiya i otsenka v srede MS Of-fice*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Universiry Publ., 130 p. [in Rus].

6. Kleiner G.B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 2, pp. 50—52 [in Rus].

7. Kleiner G.B. (2015) *Ekonomika regiona*, no. 3, pp. 9—17 [in Rus].

8. Mau V.A. (2018) *Voprosy ekonomiki*, no. 3, pp. 5—29 [in Rus].

9. Mau V.S. (2015) *Ekonomicheskaya politika*, vol. 10, no. 2, pp. 7—19 [in Rus].

10. Rastvortseva S.N. (2015) *Zhurnal eko-nomicheskoi teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—642 [in Rus].

11. Selyunin V., Khanin G. (1987) *Novyi mir*, no. 2, pp. 181—201 [in Rus].

12. Khanin G.I., Fomin D.A. (2013) *Terra Eco-nomicus*, vol. 11, no. 2 [in Rus].

13. Khanin G.I. (2018) *Idei i idealy*, vol. 1, no. 2, pp. 139—163 [in Rus].

14. Khanin G.I., Fomin D.A. (2011) *Al'ternativnye otsenki makroekonomicheskikh pokazatelei ekonomiki Rossii // Al'ternativnye otsenki razvitiya rossiiskoi ekonomiki: metody i rezul'taty*. Ch. 1. Novosibirsk, SibAGS Publ., 196 p. [in Rus].

15. David P.A. (2001) *Path Dependence, its Critics, and the Quest for 'Historical Econom-ics // Evolution and Path Dependence in Eco-nomic Ideas: Past and Present*. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 247 p. [in Rus].

16. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P., Kocherov A.V. (2016) *Sotsium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 39—46 [in Rus].

17. North D.C. (1990) *Institutions, Institu-tional Change and Economic Performance*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 152 p. [in Rus].

For citing: Gordeev S.S.,
Zyryanov S.G., Podoprigora A.V.
"Path Dependence" in developing
socio-economic space of the region.
Part 1: "Path Dependence" and the local crisis
in the Chelyabinsk Region //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 84—97.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-84-97

UDC 332.12

**"PATH DEPENDENCE"
IN DEVELOPING
SOCIO-ECONOMIC SPACE
OF THE REGION.
PART 1: "PATH DEPENDENCE"
AND THE LOCAL CRISIS
IN THE CHELYABINSK REGION**

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Cand.Sc. (Economics),
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch, Director,
Doctor of Political Sciences, Professor,
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: director@rane74.ru

Aleksander V. Podoprigora,

Scientific-Educational Center,
Institute of Economics, Ural branch
of the Russian Academy of Sciences and Chely-
abinsk State University, Senior researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences),
The Russian Federation, 454021,
Chelyabinsk, ulitsa Molodogvardeyev, 706
E-mail: agora821@gmail.com

Abstract

The article considers the heterogeneity inherent in many Russia's regions in the context of the crisis, and in some cases the multidirectionality of the main trends in their socio-economic development. To a large extent, this is due to the manifestation

of the so-called "path dependence" or institutional inertia, which impedes the necessary and relevant changes due to the dominance of the previous trajectory and paradigm of its development when the region enters the crisis.

The "path dependence", fundamentally, is caused by the manifestation of long-term, historically established institutional, economic and sociocultural conditions specific for different regions. Due to this circumstance, different regions are more or less sensitive to the negative effects of external factors of a crisis nature. In some cases, the manifestation of this effect gives a positive result, but much more often it causes a negative development result. From the viewpoint of analyzing the "path dependence" manifestation, the Chelyabinsk region seems to be a kind of typical "contrast indicator". In recent years, the inherent problems and features of the crisis development in the Chelyabinsk region are, to one degree or another, characteristic of many Russian industrially developed old industrial territories. On the basis of visualizing the dynamics of the Chelyabinsk region's basic socio-economic indicators, the authors make a conclusion that sharp and prolonged decline, as well as growing imbalance of the changes over the past 10-15 years, indicates the emergence of a specific local crisis in the region, covering only some elements of its socio-economic system. At the same time, there arises a situation when the negative changes in some indicators of the region's economy can no longer be compensated by positive trends in national development. High volatility of indicators characterizing the development of the region in the context of manifesting the "path dependence" is an important factor in forming a number of risks that must be taken into account while searching for ways out of the crisis. The existing and continuing trends in the Chelyabinsk region associated with manifesting the "path dependence" can initiate the growth of social problems in the near future (limited growth of household incomes and retail trade turnover) and increase the risks of sustainable development of the real sector of the economy (decline in production indices and investment) in the strategic aspect.

Key concepts:

region,
socio-economic development,
dynamics,
risks,
local crisis,
visualizing socio-economic processes.

Для цитирования: Зубкова О. В., Бутрин А. Г., Жилина Т. А., Маскайкин Е. П. Использование модели оценки денежных потоков для управления экономикой региона // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 98—112. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-98-112

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-98-112

УДК 338.49

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РЕГИОНА

Зубкова Ольга Владимировна,

Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, заведующий кафедрой экономики, доктор экономических наук, доцент. Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1. E-mail: Aknozama78@mail.ru

Бутрин Андрей Геннадьевич,

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), профессор кафедры финансовых технологий Высшей школы экономики и управления, доктор экономических наук, профессор. Российская Федерация, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: butrin_ag@mail.ru

Жилина Татьяна Алексеевна,

Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, доцент кафедры экономики, кандидат экономических наук. Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1. E-mail: zhilina2004@mail.ru

Маскайкин Евгений Павлович,

Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, доцент кафедры экономики, кандидат экономических наук. Российская Федерация, 454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 155/1. E-mail: evgeniy_mask@rambler.ru

Аннотация

В статье обосновано использование концепции «региона как квазикорпорации» как теоретической основы для разработки методов оценки результативности региональной экономики. Проведен обзор представленных в литературе методов оценки региональной экономики с позиции квазикорпоративного подхода. Сделан вывод о дефиците методов, позволяющих комплексно оценить эффективность функционирования региона, в частности с использованием инструментов корпоративного менеджмента. Представлена авторская методика оценки региональных денежных потоков, определены их виды, описаны возможные значения показателей чистых денежных потоков по текущей, инвестиционной и финансовой деятельности с акцентом на влияние данных значений на экономику региона. В статье отражены критерии балльной оценки применительно к каждому показателю чистых денежных потоков и типов их сочетаний. На основе представленных результатов апробации оценки регионов РФ по типу формирования денежных потоков за 2015—2017 гг. проведена типологизация регионов по признаку эффективности формирования денежных потоков, что позволило разработать комплекс мер для каждого типа регионов.

Ключевые понятия:

регион-квазикорпорация, региональная экономика, корпоративный менеджмент, оценка, денежные потоки.

Введение

В научных публикациях за последние 10—15 лет все чаще встречается упоминание концепции исследования сущности и особенностей функционирования и развития региона как квазикорпорации. Впервые данная категория была введена А. Г. Гранбергом [5, с. 154]. Мы придерживаемся мнения о том, что сущность экономических процессов подвержена общей логике как на макро, так и на микроуровне. Для социально-экономических систем, таких как регион, отрасль, конкретное предприятие, даже семейное хозяйство, можно определить цель функционирования (чаще всего это некий результирующий показатель) и средства достижения этой цели, проявляющиеся в ресурсном обеспечении и эффективности управления ресурсами. Актуальные методы и инструменты управления ресурсами и процессами их преобразования в результаты, хорошо зарекомендовавшие себя на макроуровне, транслируются на микроуровень и наоборот.

Концепция «регион-квазикорпорация», наряду с концепциями, рассматривающими регион как «территорию», «квазигосударство» является объектом научных интересов большого количества отечественных исследователей [7; 15], что связано, по нашему мнению, с недостаточным уровнем эффективности функционирования региональной экономики и попытками найти те «точки роста», которые способствовали бы достижению целевых показателей региональных программ и стратегий развития. При неизменности целей региональной экономики попытки найти корректные инструменты и методы достижения данных целей обуславливают повышенный интерес к исследованию различных сторон функционирования и развития региона.

К целевым показателям региона как квазикорпорации в первую очередь можно отнести показатели выпуска продукции, валового регионального продукта. С позиции двухфакторной модели оценки экономических процессов, которая может быть применена для субъектов хозяйствования любого уровня, цель — результат достигается посредством взаимосвязанного влияния двух групп факторов: количественных (или экстенсивных) — ресурсная составляющая, и качественных (или интенсивных) — эффективность использования ресурсов.

Ресурсная составляющая на уровне региона предопределена объемом инвестиций в основные фонды, территориальными харак-

теристиками региона, наличием производственного, инфраструктурного и человеческого потенциала.

Эффективность использования данных подвидов потенциала и их интеграция в экономический потенциал региона широко освещена в современной науке [3; 10 и др.]. При этом модели оценки экономического потенциала региона или его составляющих основываются на большом количестве статистических показателей, их сравнении со средне региональным уровнем, на обработке динамических (индексных, темповых) значений показателей. В большинстве моделей применяются методы интеграции совокупности показателей региональной статистики, их балльной взвешенной оценки и т. п.

Необходимо отметить, что на уровне предприятия система целей и средств их достижения выражена идентичными по экономическому смыслу категориями.

Цель — выпуск продукции в натуральных и стоимостных единицах измерения (производственная программа и выручка от продаж).

Средства:

- 1) ресурсы (основные, оборотные фонды и персонал, а также их стоимостная характеристика, выраженная в текущих затратах, классифицированных по экономическим элементам);
- 2) эффективность использования ресурсов (в первую очередь показатели фондоотдачи, коэффициент оборачиваемости оборотных средств, производительность труда).

Считаем, что процедуры установления целей, подходы к оценке степени их достижения во многом схожи для таких объектов исследования, как корпорация, регион, Федеральный округ и др.

Мы согласны с мнением, высказанным в статье И. В. Даниловой, И. П. Савельевой, А. С. Лапо [8, с. 18] о том, что в целом процедуры оценивания в государственном секторе являются достаточно разработанной проблемой в зарубежной экономической науке как с позиции определения результативности функционирования органов власти (работы А. Афонсо [13], Дж. М. Кордеро [14], Ф. Р. Форсунда [15] и др.), так и с позиции исследования влияния качества управленческих решений на сдвиги в социально-экономических параметрах территорий (труды Дж. Фурубо и Р. Риста [16], Б. Перре [17], К. Поллитта [18], К. Морс и Р. Страйка [11], Г. Хатри [14]).

Актуальность использования методов и инструментов корпоративного менеджмента

для целей анализа эффективности функционирования и стабильности развития региональных систем отражена в современных научных источниках [1; 2; 4; 15]. При этом в ряде научных работ хорошо проработаны и апробированы такие методы корпоративного менеджмента, как оценка безубыточности региональной экономики [12] использование сбалансированной системы показателей для оценки различных экономических процессов в регионе [6].

Актуальность использования концепции финансовых (денежных) потоков для целей региональных оценок обосновывалась нами ранее [9], но в основу модели оценки были заложены показатели чистых денежных потоков по текущей, инвестиционной и финансовой деятельности, расчет которых производился на основе интеграции балансовых показателей совокупности предприятий региона.

В настоящей статье мы делаем акцент на использование более широкодоступной информационной базы — региональной статистики [13].

Методы и материалы

Концепция денежных потоков применительно к субъекту хозяйствования любого уровня позволяет комплексно оценить состояние и развитие активов (имущественного комплекса) и источников их финансирования, доходов и расходов субъекта хозяйствования.

В деятельности субъекта хозяйствования любого уровня можно выделить три составляющих: текущая, инвестиционная, финансовая.

Текущая деятельность на уровне и предприятия, и региона связана с производством и реализацией продукции. По ней формируются максимальные по своему объему поступления и выплаты (притоки и оттоки) денежных средств.

Притоки и оттоки денежных средств по текущей деятельности представлены на рис. 1.

Инвестирование денежных средств во внеоборотные активы (основные, нематериальные, долгосрочные финансовые вложения) влияет на денежные потоки по инвестиционной деятельности. При варианте интенсивного развития субъекта хозяйствования, инвестиционная деятельность ведет к формированию существенных по объемам выплат (оттоков) денежных средств. Напротив, при кризисном варианте хозяйствования, для обеспечения текущих операций или погашения обязательств, субъект хозяйствования вынужден «продавать» ранее приобретенные доходоприносящие основные активы, возвращать финансовые вложения, что ведет к формированию поступлений (притоков) денежных средств по инвестиционной деятельности. Такая ситуация не может быть оценена как конструктивная.

Типовые притоки и оттоки денежных средств по инвестиционной деятельности представлены на рис. 2.

Финансовая деятельность связана с привлечением дополнительных финансовых источников (редко — в виде дополнительной эмиссии акций, эмиссии облигаций, чаще — в виде получения кредитов), что ведет к формированию поступлений (притоков) денежных средств, а возврат заемного капитала инициирует выплаты (оттоков) денежных средств по финансовой деятельности.

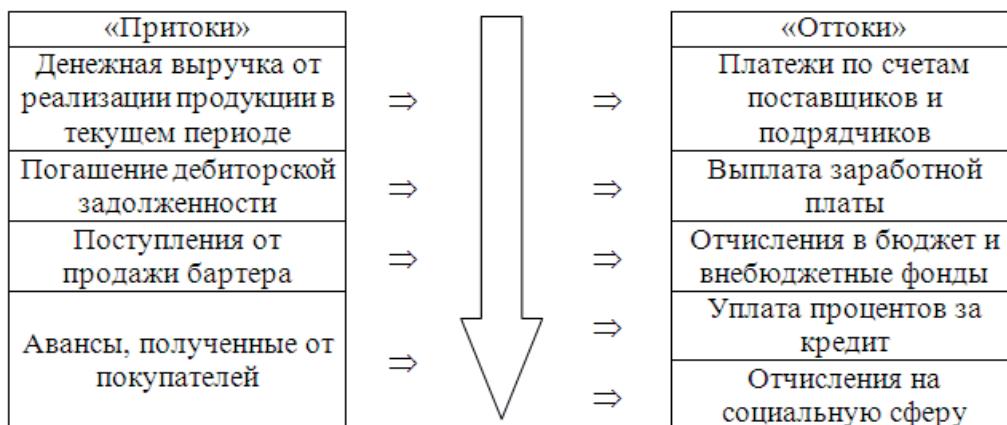

Рис. 1. Притоки и оттоки денежных средств по текущей деятельности

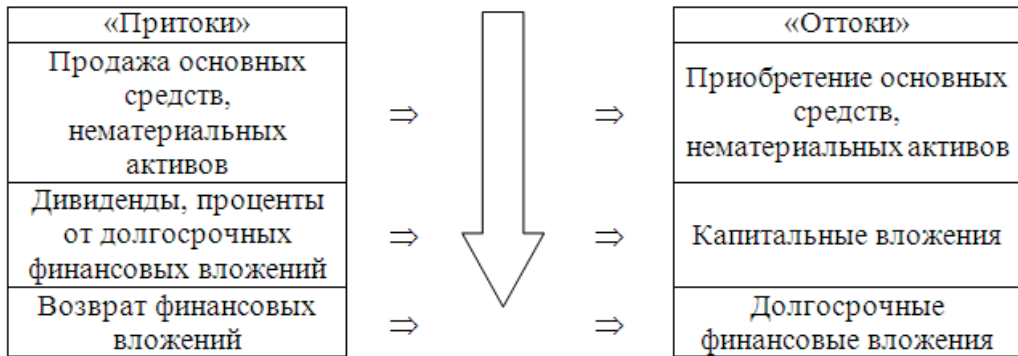

Рис. 2. Притоки и оттоки денежных средств по инвестиционной деятельности

Притоки и оттоки денежных средств по финансовой деятельности представлены на рис. 3.

Финансовая деятельность является «вторичной» по отношению к текущей и инвестиционной, поскольку она не генерирует доходов, а ведет только к возникновению расходов, связанных с компенсацией цены капитала (дивиденды, проценты к уплате, купонные платежи).

Для определения сальдо денежных средств (чистого денежного потока) по каждому из трех видов деятельности и в целом по субъекту хозяйствования может использоваться два метода. Первый, традиционный для отечественной практики составления бухгалтерской отчетности, называется «прямым» методом. Его использование подразумевает расчет показателей чистых денежных потоков как разности сумм поступлений и выплат по каждому виду деятельности предприятия. Суммарное сальдо денежных потоков (чистый денежный поток — ЧДП), формируется как сумма чистых денежных потоков по трем видам деятельности:

$$\text{ЧДП} = \text{ЧДПт} + \text{ЧДПи} + \text{ЧДПф},$$

где ЧДПт, ЧДПи, ЧДПф — чистый денежный поток по текущей, инвестиционной и финансовой деятельности соответственно.

Второй метод, традиционный для международных стандартов составления финансовой отчетности, называется «косвенным». Согласно данному методу расчет величины сальдо денежных средств (чистых денежных потоков) по видам деятельности осуществляется на основе анализа отклонений по статьям баланса субъекта хозяйствования.

Упрощенно, на уровне корпорации, взаимосвязь показателей чистых денежных потоков и балансовых показателей может быть представлена на рис. 4.

Согласно данному подходу, чистый денежный поток по инвестиционной деятельности формируется как отклонение основных активов с обратным знаком. Чистый денежный поток по финансовой деятельности — как отклонение по сумме таких финансовых источников, как уставный капитал, долго- и краткосрочные кредиты и займы.

А чистый денежный поток по текущей деятельности можно определить двумя способами. Первый: сумма отклонения

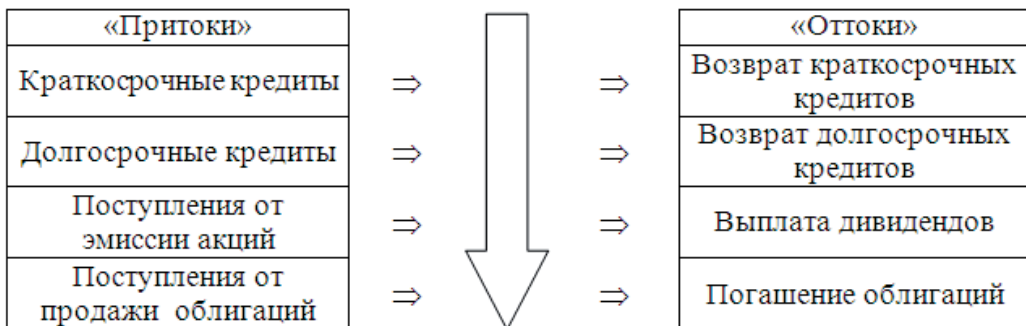

Рис. 3. Притоки и оттоки денежных средств по финансовой деятельности

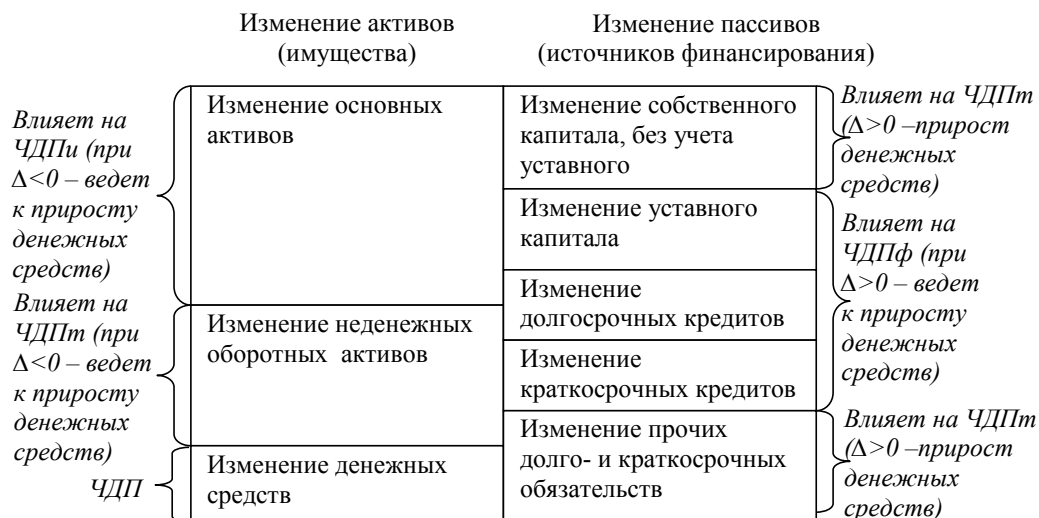

Рис. 4. Связь чистых денежных потоков с динамическим балансом предприятия

неденежных оборотных активов с обратным знаком и отклонения прочих, не относящихся к финансовой деятельности, пассивов. Второй: разность чистого денежного потока предприятия (отклонение по статье «Денежные средства») и чистых денежных потоков по инвестиционной и финансовой деятельности.

Применительно к региону мы будем использовать именно этот метод расчета чистых денежных потоков.

Таким образом, чистый денежный поток по инвестиционной деятельности применительно к региону как объекту исследования, определяется по формуле

$$\text{ЧДПи} = (-1) \times (\text{ИОК}^{\text{К.Г.}} - \text{ИОК}^{\text{Н.Г.}}),$$

где ИОК^{К.Г.}, ИОК^{Н.Г.} — инвестиции в основной капитал на конец и начало отчетного периода, млн руб.

Чистый денежный поток по финансовой деятельности применительно к региону как объекту исследования, определяется по формуле

$$\text{ЧДП}_\phi = (\text{ЗКР}_{\text{ЮЛ}}^{\text{К.Г.}} + \text{ЗКР}_{\text{ФЛ}}^{\text{К.Г.}} + \text{ЗКВ}_{\text{ЮЛ}}^{\text{К.Г.}} + \text{ЗКВ}_{\text{ФЛ}}^{\text{К.Г.}}) - (\text{ЗКР}_{\text{ЮЛ}}^{\text{Н.Г.}} + \text{ЗКР}_{\text{ФЛ}}^{\text{Н.Г.}} + \text{ЗКВ}_{\text{ЮЛ}}^{\text{Н.Г.}} + \text{ЗКВ}_{\text{ФЛ}}^{\text{Н.Г.}}),$$

где ЗКР^{К.Г.}_{ЮЛ}, ЗКР^{Н.Г.}_{ЮЛ} — задолженность юридических лиц по кредитам в рублях на конец и начало отчетного периода, млн руб.;

ЗКР^{К.Г.}_{ФЛ}, ЗКР^{Н.Г.}_{ФЛ} — задолженность физических лиц по кредитам в рублях на конец и начало отчетного периода, млн руб.

ЗКВ^{К.Г.}_{ЮЛ}, ЗКВ^{Н.Г.}_{ЮЛ} — задолженность юридических лиц по валютным кредитам на конец и начало отчетного периода, млн руб.

ЗКВ^{К.Г.}_{ФЛ}, ЗКВ^{Н.Г.}_{ФЛ} — задолженность физических лиц по валютным кредитам на конец и начало отчетного периода, млн руб.

В данном расчете не учитывается отклонение по размерам уставного капитала, поскольку применительно к корпоративному уровню хозяйствования изменение размера уставного капитала явление единичное. На уровне региона данные факты не окажут существенного влияния на значение чистого денежного потока по финансовой деятельности.

Совокупный чистый денежный поток (ЧДП) применительно к региону определяется по формуле

$$\text{ЧДП} = \text{ДКБС} - \text{РКБС},$$

где ДКБС — доходы консолидированных бюджетов региона, млн руб.;

РКБС — расходы консолидированных бюджетов региона, млн руб.

Тогда, чистый денежный поток по текущей деятельности определяется остаточным способом:

$$\text{ЧДПт} = \text{ЧДП} - \text{ЧДПи} - \text{ЧДПф}.$$

Расчет показателей чистых денежных потоков предполагает генерацию их положительных, отрицательных, либо близких к нулю значений, что требует разработки системы критериев оценки данных значений (табл. 1).

Таблица 1

Критерии балльной оценки значений показателей чистых денежных потоков

Показатель Значение	ЧДПт	ЧДПи	ЧДПф	ЧДП
> 0	3 балла	1 балл	1 балл	3 балла
≈ 0*	2 балла	2 балла	2 балла	2 балла
< 0	1 балл	3 балла	3 балла	1 балл
Комментарии	Превышение поступлений над выплатами и формирование положительного значения ЧДПт оценивается положительно, поскольку позволяет осуществлять и погашать ранее взятые обязательства за счет собственных финансовых источников	Превышение выплат над поступлениями и формирование отрицательного значения ЧДПи оценивается положительно, поскольку означает интенсивное вложение средств (как собственных, так и заемных) в объекты основного капитала	Превышение выплат над поступлениями и формирование отрицательного значения ЧДПф оценивается положительно, поскольку означает погашение ранее взятых обязательств (как за счет поступлений от текущей, так и от инвестиционной деятельности)	Превышение совокупных поступлений над совокупными выплатами и формирование положительного значения ЧДП оценивается положительно, поскольку приводит к профициту бюджета и наращиванию резерва денежных средств

* значение, попадающее в интервал ±100 млн руб.

Характеристика сочетаний значений чистых денежных потоков представлена в табл. 2 и позволяет выделить 27 типов сочетаний, каждому из которых соответствует суммарная балльная оценка.

Графическая интерпретация балльной оценки 27 типов формирования чистых денежных потоков представлена на рис. 5.

Регионы могут быть условно классифицированы по трем большим подгруппам:

- 1) с неэффективным механизмом формирования денежных потоков (Тип 1—4, сумма баллов от 3 до 4);
- 2) с удовлетворительным механизмом формирования денежных потоков (Тип 5—23, сумма баллов от 5 до 7);
- 3) с эффективным механизмом формирования денежных потоков (Тип 24—27, сумма баллов от 8 до 9).

Результат исследования и обсуждение

В табл. 3 представлены результаты апробации предложенного подхода к оценке чистых денежных потоков применительно к регионам РФ.

Необходимо отметить, что ежегодно растет число регионов с трехбалльной оценкой чистого денежного потока по инвестиционной деятельности (с 40 до 56 регионов из 85). Но при этом растет закредитованность регионов, что сопровождается приростом числа регионов с оценкой чистого денежного потока по финансовой деятельности на 1 балл (с 35 до 74 регионов из 85). Эффек-

тивность текущей деятельности меняется волнообразно. Так на 3 балла в 2015 г. было оценено 43 региона, в 2016 г. — 52 региона, а в 2017 г. — только 30 из 85 регионов РФ.

К регионам со стабильно неэффективным механизмом формирования денежных потоков можно отнести Калужскую область, а близки к данной оценке: Московская область, Республика Марий Эл, Челябинская, Брянская и Самарская области (во всех перечисленных регионах минимальная оценка получена в двух периодах из трех).

Напротив, к регионам со стабильно эффективным механизмом формирования денежных потоков, можно отнести Пермский край — максимальные оценки за все периоды. Близки в максимальным оценкам: Вологодская, Амурская, Калининградская области, Кабардино-Балкарская Республика. Существенно ухудшилась — с максимальной за два периода до минимальной оценка Новгородской области, Республик Ингушетия и Башкортостан, и напротив существенного улучшения добились Республики Татарстан, Саха-Якутия. Остальные регионы относятся к регионам с удовлетворительным типом формирования денежных потоков.

Остановимся более детально на результатах анализа показателей Челябинской области.

Так, в 2015 г. в регионе формируются положительные чистые денежные пото-

Таблица 2

Характеристика сочетаний значений чистых денежных потоков

Тип (сумма баллов)	Балльная оценка ЧДП			Комментарий
	ЧДПт	ЧДПи	ЧДПф	
Тип 1 (3 балла)	1	1	1	дефицит средств по текущей деятельности покрывается за счет продажи основных средств и новых кредитов
Тип 2 (4 балла)	1	1	2	дефицит средств по текущей деятельности покрывается за счет продажи основных средств, но не приводит к росту задолженности по кредитам
Тип 3 (4 балла)	1	2	1	дефицит средств по текущей деятельности покрывается за счет новых кредитов, но «распродажи» основных средств не требует
Тип 4 (4 балла)	2	1	1	происходит прирост совокупного чистого денежного потока за счет продажи основных средств и новых кредитов, при бездефицитности текущей деятельности
Тип 5 (5 баллов)	1	1	3	дефицит средств по текущей деятельности и погашение ранее взятых обязательств покрывается за счет продажи основных средств
Тип 6 (5 баллов)	1	3	1	дефицит средств по текущей деятельности и осуществление инвестиций обеспечиваются за счет новых кредитов
Тип 7 (5 баллов)	1	2	2	при остановке инвестиционной программы и отсутствии новых кредитов финансирование дефицита средств по текущей деятельности происходит за счет ранее накопленного резерва денежных средств
Тип 8 (5 баллов)	2	1	2	при бездефицитности текущей деятельности и стабильности объема кредитов происходит «продажа» основных средств, обеспечивающая наращивание резерва денежных средств
Тип 9 (5 баллов)	2	2	1	при бездефицитности текущей деятельности и приостановке инвестиционных программ, дополнительные кредиты направляются на наращивание резерва денежных средств
Тип 10 (5 баллов)	3	1	1	пополнение резерва денежных средств происходит за счет профицита по текущей деятельности, «продажи» основных активов и новых кредитов
Тип 11 (6 баллов)	1	2	3	компенсация дефицита средств по текущей деятельности и погашение ранее взятых кредитов происходит за счет использования резерва денежных средств, при приостановке инвестиционных программ
Тип 12 (6 баллов)	1	3	2	компенсация дефицита средств по текущей деятельности и финансирование инвестиционных программ происходит за счет использования резерва денежных средств, при отсутствии новых кредитов
Тип 13 (6 баллов)	2	2	2	поступления денежных средств по текущей деятельности достаточны для осуществления выплат по ней, при остановке инвестиционных программ и неизменности объема кредитов
Тип 14 (6 баллов)	2	1	3	при бездефицитности текущей деятельности погашение ранее взятых кредитов осуществляется за счет «продажи» основных активов
Тип 15 (6 баллов)	2	3	1	при бездефицитности текущей деятельности осуществление инвестиций происходит только за счет новых кредитов
Тип 16 (6 баллов)	3	1	2	профицит средств по текущей деятельности и средства от «продажи» основных активов направляются на пополнение резерва денежных средств при отсутствии роста кредитного финансирования
Тип 17 (6 баллов)	3	2	1	пополнение резерва денежных средств осуществляется на фоне остановки инвестиционных программ за счет профицита средств по текущей деятельности и новых кредитов

Окончание табл. 2

Тип (сумма баллов)	Балльная оценка ЧДП			Комментарий
	ЧДПт	ЧДПи	ЧДПф	
Тип 18 (7 баллов)	1	3	3	компенсация дефицита средств по текущей деятельности, финансирование инвестиционных программ и погашение ранее взятых кредитов осуществляется за счет резерва денежных средств
Тип 19 (7 баллов)	2	2	3	при бездефицитности текущей деятельности и приостановке инвестиционных программ погашение ранее взятых кредитов осуществляется за счет резерва денежных средств
Тип 20 (7 баллов)	2	3	2	при бездефицитности текущей деятельности и неизменности объемов кредитного финансирования, новые инвестиционные программы финансируются за счет резерва денежных средств
Тип 21 (7 баллов)	3	2	2	при приостановке инвестиционных программ и стабильности кредитного финансирования профицит средств по текущей деятельности направлен на пополнение резерва денежных средств
Тип 22 (7 баллов)	3	1	3	на погашение ранее взятых кредитов направлен профицит средств от текущей деятельности и средства от «продажи» основных активов
Тип 23 (7 баллов)	3	3	1	осуществление новых инвестиционных программ происходит за счет профицита средств по текущей деятельности и новых кредитов
Тип 24 (8 баллов)	2	3	3	осуществление новых инвестиционных программ и погашение ранее взятых кредитов на фоне бездефицитности текущей деятельности осуществляется за счет резерва денежных средств
Тип 25 (8 баллов)	3	2	3	погашение ранее взятых кредитов при приостановке инвестиционных программ осуществляется за счет профицита средств по текущей деятельности
Тип 26 (8 баллов)	3	3	2	осуществление новых инвестиционных программ на фоне стабильности кредитных обязательств осуществляется за счет профицита средств по текущей деятельности
Тип 27 (9 баллов)	3	3	3	осуществление новых инвестиционных программ и погашение ранее взятых кредитов осуществляется за счет профицита средств по текущей деятельности

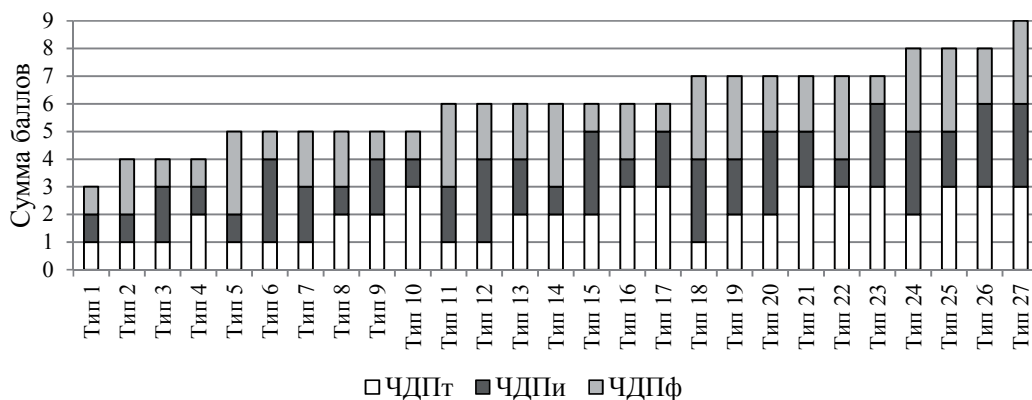

Рис. 5. Типы формирования финансовых потоков

Фрагмент результатов оценки чистых денежных потоков регионов РФ за 2015-2017 гг.

Регион	2015 г.						2017 г.						Сумма баллов	
	ЧДПИ			ЧДПТ			ЧДПИ			ЧДПТ			2015	2017
	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл		
	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл		
Белгородская область	-26 556	3	32 163	1	-8195,1	1	4583	1	4041	1	-7482	1	5	3
Брянская область	3811	1	14 246	1	-21 077,1	1	13 426	1	43 186	1	-54 562,2	1	3	3
Владимирская область	2414	1	-15 290	3	13 397,5	3	-8838	3	14 887	1	-5236,4	1	7	5
Воронежская область	-24 388	3	1030	1	16 715,5	3	-23 177	3	31 718	1	-2749,9	1	7	5
Ивановская область	7362	1	-7209	3	-3777,9	1	-3811	3	3315	1	-161,7	1	5	5
Калужская область	7079	1	3853	1	-18 248,8	1	3144	1	15 632	1	-17 775,2	1	3	3
Костромская область	167	1	-2623	3	-969,9	1	5788	1	-455	3	-8042,2	1	5	5
Курская область	-50	2	-10 794	3	10 398,8	3	-6932	3	20 872	1	-12 982,5	1	8	5
Липецкая область	-10 546	3	17 854	1	-7575,7	1	-12 009	3	23 237	1	-9534,7	1	5	5
Московская область	20 912	1	28 801	1	-50 664,9	1	-57 097	3	246 804	1	-204 394,8	1	3	5
Орловская область	-401	3	61	2	-2464,4	1	-1720	3	11 026	1	-12 493,1	1	6	5
Рязанская область	6368	1	-8707	3	1323,4	3	-12 921	3	14 351	1	2793,3	3	7	7
Смоленская область	1544	1	-15 246	3	6742,7	3	1232	1	-6427	3	5422,1	3	7	7
Тамбовская область	-7044	3	1247	1	2438,1	3	-6647	3	2755	1	1464,4	3	7	7
Тверская область	10 577	1	2621	1	-13 636,2	1	-6539	3	4192	1	4184,2	3	3	7
Тульская область	-10 394	3	-7196	3	16 801	3	-14 503	3	68 978	1	-59 201,9	1	9	5
Ярославская область	13 104	1	-22 519	3	5012,9	3	8543	1	17 859	1	-29 296,2	1	7	3
г. Москва	-1717	3	842 075	1	-695 958,7	1	-260 061	3	703 794	1	-441 886,3	1	5	5
Республика Карелия	662	1	-5151	3	711,6	3	-7007	3	9342	1	-4819,1	1	7	5
Республика Коми	31 096	1	-3541	3	-36 220,2	1	70 946	1	9262	1	-77 402,5	1	5	3
Ненецкий автономный округ	-35 551	3	12 631	1	20 734,6	3	-56 427	3	5721	1	51 417,3	3	7	7
Архангельская область без АО	21 050	1	13 544	1	-37 383,2	1	-19 804	3	12 663	1	6196,1	3	3	7
Вологодская область	-7382	3	-53 654	3	59 085,9	3	-16 649	3	4492	1	19 070,9	3	9	7
Калининградская область	-5299	3	-5894	3	99,3	2	-29 428	3	10 443	1	16 115,8	3	8	7
Ленинградская область	-55 413	3	-32 084	3	99 206,1	3	-74 376	3	32 451	1	33 269,7	3	9	7
Мурманская область	-14 573	3	9494	1	3608,1	3	-25 220	3	-5826	3	30 442,9	3	7	9
Новгородская область	-7967	3	-29 971	3	36 603,5	3	9946	1	1741	1	-11 715,8	1	9	3
Псковская область	2445	1	-4997	3	409	3	-1675	3	3639	1	-3620,2	1	7	5
г. Санкт-Петербург	39 908	1	101 890	1	-134 121,6	1	20 093	1	208 486	1	-271 545	1	3	3
Республика Адыгея	1399	1	3822	1	-6373,9	1	-3724	3	2542	1	473,4	3	3	7

Продолжение табл. 3

Регион	2015 г.				...	2017 г.				Сумма баллов				
	ЧДПИ		ЧДФ			ЧДПИ		ЧДФ		2015	2017			
	млн руб.	балл	млн руб.	балл		млн руб.	балл	млн руб.	балл					
Республика Калмыкия	6004	1	-4591	3	-2519,1	1	-1309	3	1096	1	-384,2	1	5	5
Республика Крым	-21 135	3	10 915	1	5808,6	3	-120 582	3	21 670	1	97 594	3	7	7
Краснодарский край	163 333	1	-10 748	3	-169 721,5	1	-49 010	3	129 779	1	-63 299,9	1	5	5
Астраханская область	3687	1	-2470	3	-4742,7	1	-26 094	3	4155	1	23 818	3	5	7
Волгоградская область	-17 393	3	-12 925	3	23 081,9	3	-7128	3	17 896	1	-12 250,5	1	9	5
Ростовская область	-45 263	3	-4704	3	35 363,2	3	-24 806	3	67 031	1	-40 759,6	1	9	5
г. Севастополь	-3173	3	2146	1	3883,6	3	-11 835	3	2728	1	6548,6	3	7	7
Республика Дагестан	4673	1	-7383	3	-1398,7	1	171	1	6787	1	-3262	1	5	3
Республика Ингушетия	-3560	3	-702	3	2105,3	3	7045	1	171	1	-7098,8	1	9	3
Кабардино-Балкарская Республика	-6180	3	-10 923	3	14 015,7	3	-4640	3	1943	1	0	2	9	6
Карачаево-Черкесская Республика	2536	1	-6037	3	2824,3	3	2743	1	6560	1	-9255,9	1	7	3
Республика Северная Осетия-Алания	5544	1	560	1	-6950,1	1	-1274	3	3199	1	-2310,6	1	3	5
Чеченская Республика	-1396	3	1602	1	-943,3	1	-4860	3	3964	1	1256,8	3	5	7
Ставропольский край	16 811	1	2564	1	-29 763,4	1	-17 034	3	25 325	1	-7908,2	1	3	5
Республика Башкортостан	-34 219	3	-40 493	3	72 833,9	3	94 215	1	46 729	1	-129 249,8	1	9	3
Республика Марий Эл	6896	1	681	1	-10 042,1	1	3249	1	10 823	1	-13 927,4	1	3	3
Республика Мордовия	-5266	3	-10 670	3	7092,8	3	-7287	3	-2086	3	-689	1	9	7
Республика Татарстан	-74 347	3	148 676	1	-80 780,1	1	-1118	3	-29 740	3	44 508,4	3	5	9
Удмуртская Республика	9725	1	37 969	1	-55 097,6	1	7178	1	49 964	1	-56 953,2	1	3	3
Чувашская Республика	-2268	3	-30 838	3	30 197,9	3	-1791	3	14 472	1	-13 181,6	1	9	5
Пермский край	-18 617	3	-26 635	3	39 276,8	3	-14 412	3	-14 439	3	29 370	3	9	9
Кировская область	5688	1	-9461	3	-307	1	-20	2	15 650	1	-15 708,8	1	5	4
Нижегородская область	41 753	1	-31 147	3	-21 562,2	1	-12 061	3	62 021	1	-53 638,1	1	5	5
Оренбургская область	-15 264	3	2810	1	8001	3	-14 434	3	12 970	1	521,5	3	7	7
Пензенская область	-6963	3	6846	1	-2699,1	1	-7601	3	22 012	1	-14814,6	1	5	5
Самарская область	18 876	1	19 629	1	-51 436,1	1	5312	1	-6019	3	412,5	3	3	7
Саратовская область	-2708	3	-17 944	3	14 933,3	3	-4128	3	22 146	1	-17 283,2	1	9	5
Ульяновская область	-2283	3	-33 170	3	27 951,8	3	-21 232	3	9156	1	9379	3	9	7
Курганская область	4920	1	13 940	1	-23 729,5	1	6858	1	7917	1	-170 28,1	1	3	3
Свердловская область	21 667	1	84 668	1	-123 880,2	1	-9395	3	152 845	1	-144 948,5	1	3	5

Регион	2015 г.						2017 г.						Сумма баллов	
	ЧДПИ		ЧДФ		ЧДПТ		ЧДПИ		ЧДФ		ЧДПТ		2015	2017
	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл	млн руб.	балл		
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	-32 203	3	9	2	39 461	3	-142 931	3	-57 150	3	182 776,1	3	8	9
Ямало-Ненецкий автономный округ	-25 219	3	142 495	1	-118 152,6	1	10 800	1	16 263	1	-11 819,5	1	5	3
Тюменская область без АО	30 810	1	274 036	1	-293 057,6	1	-50 907	3	124 938	1	-74 711,7	1	3	5
Челябинская область	10 623	1	1889	1	-15 053,7	1	3544	1	38 489	1	-34 759,7	1	3	3
Республика Алтай	1708	1	-1733	3	-649,9	1	-550	3	864	1	115,8	3	5	7
Республика Бурятия	520	1	-22 837	3	21 097,9	3	-8063	3	4104	1	1258,2	3	7	7
Республика Тыва	4851	1	-8792	3	2729,6	3	1298	1	5706	1	-6587	1	7	3
Республика Хакасия	9645	1	-1436	3	-13 260,5	1	5112	1	375	1	-7522,5	1	5	3
Алтайский край	21 142	1	-30 987	3	7197,3	3	-8927	3	7607	1	3615	3	7	7
Забайкальский край	-6777	3	-635	3	826,9	3	-5556	3	30 392	1	-26 874,2	1	9	5
Красноярский край	-32 909	3	148 951	1	-137 153,1	1	1203	1	-167 329	3	160 336,4	3	5	7
Иркутская область	8347	1	80	2	-18 361,3	1	-8938	3	18 597	1	-10 554,4	1	4	5
Кемеровская область	60 481	1	62 756	1	-132 173,2	1	-42 460	3	17 861	1	45 458,6	3	3	7
Новосибирская область	28 731	1	-34 936	3	-6986,3	1	-11 926	3	32 165	1	-20 181,5	1	5	5
Омская область	1140	1	-19 586	3	13 290,7	3	-6255	3	12 478	1	-8138,7	1	7	5
Томская область	4404	1	-7992	3	766,4	3	9324	1	12 830	1	-28 125,4	1	7	3
Республика Саха (Якутия)	-16 860	3	56 794	1	-44 257	1	-109 277	3	-32 541	3	133 375,8	3	5	9
Камчатский край	2278	1	-3290	3	735,4	3	187	1	10 087	1	-9454	1	7	3
Приморский край	-4907	3	-20 145	3	24 898,3	3	4800	1	107 997	1	-108 336,8	1	9	3
Хабаровский край	14 684	1	1988	1	-27 871,3	1	2899	1	-22 406	3	13 166,2	3	3	7
Амурская область	-25 838	3	-15 317	3	36 877,5	3	-56 808	3	15 408	1	41 848,4	3	9	7
Магаданская область	-19 944	3	-2934	3	17 425	3	-2386	3	907	1	-77,3	2	9	6
Сахалинская область	-35 975	3	-12 650	3	59 331,5	3	-59 456	3	14 385	1	37 923,4	3	9	7
Еврейская автономная область	-1724	3	-1772	3	2050,9	3	2474	1	178	1	-3414,2	1	9	3
Чукотский автономный округ	-6247	3	1997	1	6365,1	3	987	1	3375	1	-5749,9	1	7	3

ки по инвестиционной и финансовой деятельности в объеме 10 623 и 1889 млн руб. соответственно, но значение отрицательного чистого денежного потока по текущей деятельности настолько велико (-15 054 млн руб.), что потребность в покрытии этого дефицита приводит к сокращению суммарного резерва денежных средств региона на 2542 млн руб. (Тип 1 в табл. 2).

В 2016 г. ситуация меняется: по текущей деятельности получен положительный чистый денежный поток в объеме 70 600 млн руб., но сумма погашения обязательств существенна (чистый денежный поток по финансовой деятельности равен -89 197 млн руб.), что для погашения кредитов приходится обеспечивать положительный чистый денежный поток по инвестиционной деятельности (то есть сокращать инвестиции в основной капитал) на 18 949 млн руб. За счет этого же источника происходит незначительное увеличение резерва денежных средств региона на 352 млн руб. (Тип 22 в табл. 2).

В 2017 г. Челябинская область возвращается к сценарию 2015 г.: формируются положительные чистые денежные потоки по инвестиционной и финансовой деятельности в объеме 3544 и 38 489 млн руб. соответственно, что при значении отрицательного чистого денежного потока по текущей деятельности (-34 760 млн руб.), ведет

к наращиванию резерва денежных средств региона на 7273 млн руб. (Тип 1 в табл. 2).

Негативная ситуация с формированием положительного значения чистого денежного потока по инвестиционной деятельности в сущности означает приостановку инвестиционных программ и сокращение стоимости совокупности основных фондов региона за счет их износа.

Заключение

На основе результатов анализа выявлено, что Челябинская область относится к регионам с преимущественно неэффективным механизмом формирования денежных потоков. Идентификация типа региона позволяет перейти к разработке рекомендаций по повышению эффективности формирования денежных потоков, включающие три составляющие в части текущей, инвестиционной и финансовой деятельности (табл. 4).

При этом Челябинской области рекомендуется в части формирования чистого денежного потока по текущей деятельности:

- совершенствовать систему нормирования труда, приводя нормативы выработки к современным условиям, технико-технологическим возможностям производств;
- поддерживать сложившиеся тенденции обратной вертикальной

Таблица 4

Рекомендации по повышению эффективности формирования денежных потоков

Тип региона Рекомендации в части формирования	С неэффективным механизмом формирования денежных потоков	С удовлетворительным механизмом формирования денежных потоков	С эффективным механизмом формирования денежных потоков
ЧДПт	Экономия производственных ресурсов в условиях сокращения объемов выпуска (совершенствование нормативов выработки)	Размещение государственных заказов для повышения деловой активности, экономия ресурсов	Дальнейшее наращивание объемов выпуска, стимулирование развития малого бизнеса, новых инновационных производств
ЧДПи	Повышение загрузки имеющихся производственных мощностей	Реконструкция, техническое перевооружение имеющихся производственных комплексов	Строительство новых производственных комплексов, на основе использования ресурсосберегающих, экологических и инновационных технологий производства
ЧДПф	Реструктуризация задолженности, пролонгация кредитов	Стабилизация объемов погашаемых кредитов	Наращивание кредитов только в случае положительного эффекта финансового рычага

интеграции в производственных системах, предполагающей создание и развитие ресурсной базы, что позволяет сокращать производственные материальные затраты;

- внедрять прогрессивные методы управления элементами оборотного капитала (факторинг, *lean*), влияющими на ускорение делового оборота.

В части формирования чистого денежного потока по инвестиционной деятельности рекомендуется произвести аудит загрузки имеющихся производственных мощностей и на основе исследования прогнозов сбыта по основным отраслям экономики региона, выявить дефицитные и избыточные мощности, что позволит осуществлять инвестиционные и дезинвестиционные программы более обоснованно.

В части формирования чистого денежного потока по финансовой деятельности рекомендуется:

- проводить анализ направлений распределения чистой прибыли по совокупности предприятий региона и активизировать, в том числе посредством налогового регулирования, программы реинвестиций. Данная мера может способствовать повышению потенциала самофинансирования региональных предприятий и сокращению объема кредитных ресурсов в источниках их финансирования (что актуально при отрицательном эффекте финансового рычага);
- обеспечивать реализацию программ финансовой грамотности среди населения региона, что позволит сократить объемы просроченных и проблемных кредитов, в целом повысит социальную стабильность.

Считаем, что использование предложенного подхода для оценки эффективности функционирования и перспектив развития региональной экономики позволит в рамках стратегии экономического развития более объективно планировать реализацию инвестиционных программ с учетом уровня эффективности текущей деятельности и объема кредитных ресурсов в источниках финансирования экономики регионов.

---

1. Азашиков Г. Х. Корпоративный менеджмент в региональной экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 3. С. 70—75.

2. Астафичева Е. Ю. Методы корпоративного менеджмента в реализации приоритетных национальных проектов в регионах России // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 2 (3). С. 61—63.

3. Глушак Н. В., Глушак О. В., Муравьева М. А., Назарова О. Г. Методика оценки экономического потенциала региона // Вестник БГУ. 2015. № 3. С. 264—269.

4. Господарчук Г. Г. Развитие регионов на основе финансовой интеграции. М.: Финансы и статистика, 2006. 287 с.

5. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. 496 с.

6. Гулин Д. А. Зубкова О. В. Использование сбалансированной системы показателей для оценки инвестиционного процесса в регионе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Экономика и менеджмент. 2013. Том 7, № 2. С. 13—17.

7. Гуляев П. В. Особенности применения некоторых инструментов корпоративного менеджмента в управлении субъектом РФ // Региональная экономика: теория и практика, 2010. № 16 (151). С. 19—23.

8. Данилова И. В., Савельева И. П., Лапо А. С. Оценка стратегической социально-экономической политики региона: методический подход // Вестник ЮУрГУ. Серия Экономика и менеджмент. 2019. Т. 13, № 2. С. 17—27.

9. Зубкова О. В., Кантор Р. И. Оценка уровня социально-экономического развития субъекта хозяйствования на основе анализа финансовых потоков // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 45. С. 51—62.

10. Кондратьева М. Н., Рогова Т. Н., Баладина Е. В. Сравнительная оценка и определение экономического потенциала региона // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. Вып. 2. С. 266—281.

11. Морс К., Страйк Р., Пузанов А. С. Эффективные решения в экономике переходного периода. Аналитические инструменты разработки. М.: Ин-т экономики города, 2007. 448 с.

12. Мягкова А. В. Оценка безубыточности экономики региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2009. 25 с.

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. М., 2018. 1162 с.

14. Хатри Г. П. Мониторинг результативности в общественном секторе: пер. с англ. М.: Ин-т экономики города, 2005. 276 с.

15. Хунагов Р. Д., Мокрушин А. А. Региональная экономическая система в контексте теоретической модели квазикорпорации //

Вестник Адыгейского государственного университета. 2015. Вып. 1 (155). С. 133—140.

16. Afonso A., Fernandes S. Measuring local government spending efficiency: evidence for the Lisbon region // *Regional Studies*. 2006. № 40 (1). P. 39—53.

17. Efficiency assessment of Portuguese municipalities using a conditional nonparametric approach // J.M. Cordero, F. Pedraja-Chaparro, E. C. Pisaflores, C. Polo // *Journal of Productivity Analysis*. 2017. Vol. 48 (1). P. 1—24.

18. Førsund F. R. Measuring effectiveness of production in the public sector // *Omega* (United Kingdom). 2017. № 73. P. 93—103.

19. Furubo J.-E., Rist R., Sandahl R. *International Atlas of Evaluation*. New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 2002.

20. Perret B. *L'évaluation des politiques publiques*. Paris : La Decouverte, 2001. 128 p.

21. Pollitt C. *The Essential Public Manager*. Philadelphia : Open University Press, 2003.

References

1. Azashikov G.H. (2010) *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*. no. 3, pp. 70—75 [in Rus].

2. Astaficheva E.Yu. (2007) *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. no. 2 (3), pp. 61—63 [in Rus].

3. Glushak N.V., Glushak O.V., Murav'eva M.A., Nazarova O.G. (2015) *Vestnik BGU*. no. 3. pp. 264—269 [in Rus].

4. Gospodarchuk G.G. (2006) *Razvitie regionov na osnove finansovoj integracii*. Moscow, Finansy i statistika Publ., 287 p. [in Rus].

5. Granberg A.G. (2006) *Osnovy regional'noj ekonomiki*. Moscow, GU-VSHE Publ., 496 p. [in Rus].

6. Gulin D.A., Zubkova O.V. (2013) *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika i menedzhment*, vol. 7, no 2, pp. 13—17 [in Rus].

7. Gulyaev P.V. (2010) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 16(151), pp. 19—23 [in Rus].

8. Danilova I.V., Savel'eva I.P., Lapo A.S. (2019) *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika i menedzhment*, vol. 13, no. 2, pp. 17—27 [in Rus].

9. Zubkova O.V., Kantor R.I. (2011) *Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika*, no. 45, pp. 51—62 [in Rus].

10. Kondrat'eva M.N., Rogova T.N., Balandina E.V. (2017) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, vol. 15, no. 2, pp. 266—281 [in Rus].

11. Mors K., Strajk R., Puzanov A.S. (2007) *Effektivnye resheniya v ekonomike perekhodnogo perioda. Analiticheskie instrumenty razrabotki*. Moscow, Institut ekonomiki goroda Publ., 448 p. [in Rus].

12. Myagkova A. V. (2009) *Ocenka bezbytochnosti ekonomiki regiona*. Abstract of thesis. Chelyabinsk, 25 p. [in Rus].

13. *Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli*. 2018 (2018). Moscow, 1162 p. [in Rus].

14. Hatri G.P. (2005) *Monitoring rezul'tativnosti v obshchestvennom sektore*. Moscow, Institut ekonomiki goroda Publ., 276 p. [in Rus].

15. Hunagov R.D., Mokrushin A.A. (2015) *Vestnik Aдыгейского государственного университета*, no. 1 (155), pp. 133—140 [in Rus].

16. Afonso A., Fernandes S. (2006) *Regional Studies*, no 40 (1), pp. 39—53. [in Eng].

17. Cordero J.M., Pedraja-Chaparro F., Pisaflores E.S., Polo S. (2017) *Journal of Productivity Analysis*, no 48 (1), pp. 1—24. [in Eng].

18. Førsund F.R. (2017) *Omega (United Kingdom)*, no 73, pp. 93—103 [in Eng].

19. Furubo J.-E., Rist R., Sandahl R. (2002) *International Atlas of Evaluation* New Brunswick, London, Transaction Publ. [in Eng].

20. Perret B. (2001) *L'évaluation des politiques publiques*. Paris, La Decouverte Publ., 128 p. [in French]

21. Pollitt C. (2003) *The Essential Public Manager*. Philadelphia, Open University Press Publ. [in Eng].

For citing: Zubkova O.V., Butrin A.G.,
Zhilina T.A., Maskaykin E.P.
Using the cash flow model to manage
the region 's economy //
Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P. 98—112.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-98-112

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-98-112

UDC 338.49

USING THE CASH FLOW MODEL TO MANAGE THE REGION'S ECONOMY

Olga V. Zubkova,

Ural Social Economic Institute (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations,
Head of the Department Chair of Economics,
Doctor of Economics, Associate Professor,
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155/1, 305.
E-mail: Aknozama78@mail.ru

Andrey G. Butrin,

South Ural State University
(National Research University),
Higher School of Economics and Management,
Professor of the Department Chair
of Financial Technologies,
Doctor of Economics, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 76, 310.
E-mail: butrin_ag@mail.ru.

Tatyana A. Zhilina,

Ural Social Economic Institute (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics, Cand.Sc. (Economics),
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155/1, 305,
E-mail: zhilina2004@mail.ru.

Evgeny P. Maskaykin,

Ural Social Economic Institute (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations,
Associate Professor of the Department Chair
of Economics, Cand.Sc. (Economics),
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155/1, 305,
E-mail: evgeniy_mask@rambler.ru

Abstract

In the article, the authors justify the use of the concept "region as a quasi-corporation" being a theoretical basis for developing methods to assess the performance of regional economies. The authors make a review of the methods presented in the literature for assessing the regional economy from a quasi-corporate approach. It was concluded that there is a shortage of methods to assess the efficiency of the region, with the use of corporate management tools, in particular. The authors present a method of estimating regional cash flows, define their types, describe possible values of net cash flows indicators for current, investment and financial activities with emphasis on the impact these values have on the regional economy. The article reflects the scoring criteria for each measure of net cash flows and their combination types. On the basis of the results of evaluating the Russian Federation's regions by the type of cash flow formation for the period of 2015-2017, the regions were classified on the basis of the efficiency of cash flow formation, which make it possible to develop a set of measures for each type of regions.

Key concepts:
region-quasi-corporation,
regional economy,
corporate management,
valuation,
cash flows.

Для цитирования: Борисов С. В. Рождение «глубинной философии» из «духа онтопроектирования» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 113—122. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-113-122

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-113-122

УДК 1(091) + 101.1 + 101.9

РОЖДЕНИЕ «ГЛУБИННОЙ ФИЛОСОФИИ» ИЗ «ДУХА ОНТОПРОЕКТИРОВАНИЯ»¹

Борисов Сергей Валентинович,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский
университет),
доктор философских наук, профессор,
Российская Федерация, 454080,
Челябинск, пр-т Ленина, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

В статье изложены основные принципы «глубинной философии» — одного из направлений современной философской практики. Автор рассматривает эти принципы в контексте феноменологической модели «онтопроектирования», разработанной Ю. М. Резником. Автор дает подробное разъяснение главным концептам «глубинной философии», таким как «глубинное измерение», «созерцание», «персональность», «резонанс» и т. д. с позиции соотношения онтического и онтологического, мира «в-себе» и мира «для-себя». Кроме того, автор делится опытом работы философского ретрита «глубинной философии», который проходил в сентябре 2019 г.

Ключевые понятия:

онтология,
онтопроектирование,
«глубинная философия»,
философская практика,
философствование,
философское созерцание,
диалог,
философский ретрит.

¹ Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности и проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Казалось бы, в области философии трудно придумать что-то принципиально новое и предложить это широкой публике для практики самопознания. Однако, как известно, новое — это «хорошо» (незаслуженно) забытое старое. Философствование — это проективная деятельность, создание проекта самого себя. Осознающий себя человек всегда пребывает в пограничном состоянии между двумя реальностями — реальностью актуального и реальностью возможного. «Мостиком» между этими реальностями становится философствование, которое необходимо ровно настолько глубоко и широко пропасть между этими реальностями. Через осознание себя в сущем (онтический аспект), человеку открывается возможность создать (или завершить) свой проект в бытии (онтологический аспект). Так перед нами открывается бытие возможного, или, используя терминологию российского философа Ю. М. Резника «дух онтопроектирования». «С точки зрения целей онтопроектирования, — пишет Ю. М. Резник, — бытие человека следует рассматривать не как свершившийся факт, а как становление, т. е. возможность стать Человеком, обрести единство с миром и самим собой (возможно-единое)» [5, с. 207]. Тогда получается, что в философии не только возможно возникновение чего-то нового, но это то, что в ней с необходимостью должно происходить согласно «духу онтопроектирования». Философия не может застыть в каких-то раз и навсегда данных, некогда разработанных и промысленных схемах. Ведь эти схемы не самоцель, это средство для того, чтобы что-то *было, состоялось, свершилось* как новое состояние человеческого сознания. Таким образом, философская теория служит практике философского образа жизни. Данная практика всегда совершается «здесь и сейчас» в ситуации осуществления человеческого бытия, как в присказке «жил-был», которой начинается любая сказка. Ведь бывает так, что человек жил, но при этом быть-то его не было.

В 2017 г. в Италии группой философов-практиков был выпущен «Манифест глубинной философии» [2, с. 136 — 137; 7], где провозглашались главные принципы осуществления философии как онтопроектирования.² Философствование, согласно этому

² Более подробно с концепцией «глубинной философии» можно познакомиться на сайте: The Philo-Practice Agora: the electronic meeting-place of philosophical practitioners from around the world // Deep Philosophy: Contemplating in togetherness from our inner depth. URL: https://www.philopractice.org/web/deep_philosophy, а так-

манифесту, есть созерцательный, личностный процесс, ведущий к самотрансформации. Философское созерцание взывает к глубинным структурам человеческого бытия, к фундаментальным проблемам человеческой жизни. Совместная созерцательная коммуникация членов группы усиливает данный эффект. На первый взгляд словосочетание «глубинные структуры человеческого бытия» кажется несколько туманным и даже пугающим. Зачем погружаться вглубь, если привычные функции разума и языка (объяснение, прояснение, проговаривание) как раз обратные — вынесение мысли из глубины на поверхность. Кроме того, укоренившееся в современном представлении психологическая коннотация «глубинных структур человеческого бытия» уводит нас в область исследования и интерпретации бессознательного, что является уделом психолога, а не философа. Однако проект «глубинной философии» как раз направлен на то, чтобы снять эти привычные коннотации. Концепт бессознательного не играет здесь никакой роли и никак не используется. Созерцательное философствование не ставит перед собой задачу дать описание неких психологических структур и объяснить механизм их работы, созерцательное философствование ставит перед собой цель проникнуть за пределы этих структур, двигаться *сквозь* эти структуры, не давая погаснуть той интенции, которая направляет разум на прямой и непосредственный контакт с бытием. Целью философствования является понимание, но не понимание данного «в-себе» (жестких паттернов человеческой психики), а понимание-«просветление» бытия «для-себя».

Азбучной истиной философии является то, что человек не может целиком и полностью полагать себя как данность материального мира. Следовательно, человек не является целиком и полностью данностью психического мира, жестко обусловленного какими-либо нейро-биологическими структурами или поведенческими механизмами. Интенция сознания направлена в будущее

же в книгах издательства Loyev Books: The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques / ed. by R. Lahav. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2019; The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices / ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, 2018; Ляхав Р. Руководство по философскому партнерству: принципы, процедуры, упражнения. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2017; Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2016; Lahav R. Philosophical Contemplation: theory and Techniques for the Contemplator. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2016.

сквозь и осуществляется *помимо* этих структур и механизмов и является потенциально незавершенным проектом бытия «для-себя». Я разрываю с миром «в-себе» самим фактом своего сознания (интенция, рефлексия, трансценденция) и мне открывается возможность иного бытия, т. е. возможность быть иным для мира «в-себе», обретая бытие «для-себя». Именно эту возможность и передает метафорическое словосочетание «глубинные структуры человеческого бытия», т. е. бытия «для-себя», где мне и открывается новое видение фундаментальных проблем человеческой жизни в «истинной коммуникации», т. е. совместном созерцательном процессе по поводу сущностного, ценностного, самого важного для меня.

Философское созерцание — это интеллектуальная работа особого рода. Она задействует интеллект во всем его многообразии, а не ограничивается только логическими и аналитическими возможностями так называемого «критического мышления», по сути, логико-математической формы интеллекта. Аналитика — это редукция, идущая вглубь объекта, мышления, опыта. Философское созерцание — это практика синтеза, идущая из глубины. Понятно, что для того, чтобы идти из глубины, там нужно сначала оказаться. Но проникновение в «глубину человеческого бытия» осуществляется не методом аналитического, по сути, «хирургического» вмешательства (что, кстати, всячески подчеркивается аналитиками посредством концептов «объективность», «незаинтересованность», «независимое суждение», «отстраненность», «нейтрализация эмоционального отношения» и т. д.) [3], а методом органического, ненасильственного проникновения. Как правило, для этого используются различные формы медитации — упражнения, фокусирующие внимание на этой «глубине».

Медитативная практика — это важный компонент философствования. Конечно, все многообразие этой практики не сводится только к практикам, заимствованным из восточной философской, религиозной и бытовой традиции, ставшими популярными в современной культуре и активно пропагандируемыми движением New Age. Данные практики рассматривают медитацию слишком узко как упражнения для достижения определенных психических состояний, служащих целям религиозной обрядности или психолого-медицинским предписаниям. Именно вопрос о цели использования медитативных упражнений является водоразделом между практиками New Age

и философией [6]. В принципе любое глубокое погружение в мысль, переживание, текст, культурный или природный объект является медитацией, а упражнение по достижению полной сосредоточенности на этом является медитативной практикой. В этом смысле вся западная философия, начиная с античности, также практиковала и практикует различные формы медитации.

Например, французский историк философии П. Адо в интервью А. Дэвидсону, говоря о присущем западной философии расхождении «философской речи» и «философской жизни», находит их первоначальное единство в практике «духовных упражнений», по сути медитативной практике. Мы видим, например, Марка Аврелия, который записывает свои «Размышления», чтобы снова пережить в самом себе философскую речь. Однако в виду привычки, развлечений, повседневных забот философская речь всякий раз вновь становится для многих чистой теорией и перестает помогать человеку вести философский образ жизни. Тогда, утверждает П. Адо, возникает необходимость «вернуть в жизнь эффективность речи» [1, с. 173]. В интервью Ж. Карлие Адо говорит: «Я сказал бы, что тема, которая больше всего меня поразила, с самой моей юности, по причине моих чтений и в дальнейшем по причине моих разнообразных хирургических операций (я подвергался анестезии десяток раз), это тема медитации о смерти. Не потому, что меня навязчиво преследует мысль о смерти; но я всегда был удивлен тем фактом, что мысль о смерти помогает лучше жить, как если бы мы жили свой последний день, свой последний час. Такая установка требует полного превращения внимания, она обладает одновременно экзистенциальной ценностью и этической ценностью. Она прежде всего помогает осознать бесконечную ценность настоящего момента, бесконечную ценность сегодняшних моментов, но также бесконечную ценность завтрашних моментов, которые мы примем с благодарностью, как нечаянную удачу. Но она также помогает осознать серьезность каждого момента жизни. <...> Что здесь важно, это не то, что мы делаем, но как мы это делаем. Мысль о смерти соответственно меня вела к этому упражнению сосредоточения на настоящем, что рекомендуют как эпикурейцы, так и стоики» [1, с. 246—247].

Философское созерцание — это практика, в которой наше мышление соприкасается с бытием напрямую. Это то, что отличает его от нашего привычного мышления

и понимания, а именно содержанием этого мышления является не сама по себе мысль или формы и процедуры ее выражения, содержанием этого мышления является сам мыслящий, находящийся в непосредственном отношении с бытием, описывающий этот опыт присутствия. Философское созерцание работает в области уникального, неизвестного, непознанного. Это мысль «впервые», поскольку эти глубины еще не освещались мышлением. Поэтому для характеристики этого опыта мы не можем применять привычные формы и процедуры нашего обыденного мышления, нам нужно преодолеть его узкие рамки, обусловленные его формальными закономерностями. Если представить это на каком-то бытовом примере, то все наши ёмкости для хранения воды покажутся ничтожными, если мы поставим перед собой цель вычерпать ими море. Обыденное мышление объективировано: иметь понятие вещи означает ее выделять и противопоставлять другим вещам, только так мы в состоянии определить ее признаки и свойства, дать ей характеристику. Эта форма мышления очень полезна для практических целей, когда мы имеем дело с конкретными объектами в нашем привычном мире, но ее недостаточно, когда перед нами открываются более широкие горизонты реальности. Матрица объективации не в состоянии вместить все многообразие опыта субъекта, когда он выходит за пределы этой матричной структуры. Проблема в том, что для многих людей эта матричная структура представляется единственно возможной реальностью, поэтому они полагают, что невозможно мыслить, находясь за пределами объективации, за пределами тех форм, которые обусловлены нашими психическими структурами и рассудочными механизмами.

Невозможно заниматься «глубинной философией», используя только наше привычное дискурсивное мышление и его объективирующие структуры. «Глубинная философия» стремится проникнуть к источнику бытийной реальности настолько глубоко, насколько это возможно. Для этого нужен иной тип мышления, способный реализовывать себя не в замкнутой системе повседневного опыта, а в открытой системе онтопроектирования. Философское созерцание служит этой цели. Созерцательная практика нейтрализует привычные рассудочные и психологические механизмы, выходит за границы привычных форм мышления и рассуждения. Если в обыденных формах эти механизмы задают порядок мышления

(т. е. регламентирующая форма является первичной), то в созерцательном мышлении первичным является опыт присутствия в бытии, опыт контакта с ним, который не соответствует ни одной из привычных форм регламентации. Психологические механизмы объективации с фиксированными образцами мышления здесь бесполезны. Философ при этом попадает в странную ситуацию, когда мысль может возникнуть «сама собой», выйдя из-под контроля этих структур. Интуицию невозможно запустить «по желанию», поскольку инсайт сигнализирует о принципиально новом опыте восприятия или мышления. Философское созерцание осуществляется в совершенно ином пространстве, чем то, в котором находится мое привычное психологическое «я», поэтому оно уже не может осуществлять свои контролирующие и регламентирующие функции. Я присутствую в совершенно пустом, бесструктурном внутреннем пространстве молчаливого сосредоточения, которое нельзя охарактеризовать с позиции моей привычной психологической деятельности. Таким образом, я получаю возможность описывать это пространство с позиции своего присутствия в нем, как будто оно само свидетельствует о себе внутри меня. Это совершенно другая форма мышления и понимания. Привычное психологическое мышление имеет дело только с ограниченной частью моего мира, жестко регламентированной механизмами мышления. Созерцательное мышление порождает мысль до ее объективации, поэтому она намного ярче и богаче. Это ощущение знакомо каждому из нас, когда для описания открывающейся нам реальности у нас просто не находится подходящих слов, хотя мы отчетливо чувствуем всю полноту реальности и всю драгоценность и неповторимость переживаемого момента присутствия за пределами наших привычных мыслительных рамок. Как правило, созерцательному настрою мешают наши привычные модели мышления, работающие в режиме автопилота. Для блокировки этих моделей используются медитативные практики, создающие необходимый созерцательный настрой для философствования. Медитативные упражнения являются не более чем рабочим инструментом, это не сакральные ритуалы, служащие религиозным или медицинским целям.

Еще одним принципом «глубинной философии» является ее персональность. Данный принцип тоже требует уточнения, поскольку речь идет не о попытке разобраться с помощью философии в своих личных пси-

хологических проблемах, а о достижении глубокого и вдохновляющего самопознания, открытия того истинно-сущего во мне, что соответствует не только моей личной свободе, но и, говоря словами Г. Гегеля, «свободе духа, изначально во мне заложенной», понять свое предназначение. «Человек есть, что он делает из того, что делают с ним» (К. Ясперс). В формулировке Ю. М. Резника этот тезис звучит так: «Человек есть то, что он делает из себя вопреки тому, что делают (и сделали) с ним» [5, с. 208]. Персональность философствования проявляется в своем уникальном временном измерении. Время обретает онтологическую качественную характеристику. Оно начинает расширяться вглубь, перестает восприниматься как поверхностное чередование мгновений. Расширяясь вглубь, персональное время становится чередой измененных состояний, перевоплощений сознания, которому открываются все новые и новые структуры бытия. Это можно сравнить с интуицией, которая обычно действует мгновенно, а тут весь процесс рождения мысли предстает как в замедленной съемке. Слой за слоем открываются пласты бытия, которые образовались подобно корке на поверхности из застывших идей, впечатлений, привычек, которые мешали сознанию проникнуть вглубь. Именно по этой «корке» скользят «напрасные» мгновения жизни, измеряемые количественным временем. Качественное время расширяется вглубь, сознание проникает сквозь эти пласты к тем истокам, откуда появлялись эти застывшие идеи, когда они еще были живы. Так в процессе созерцательного философствования перед человеком предстает его будущее, т. е. раскрываются все его потенциальные возможности. В этом глубинном измерении именно будущее, а не прошлое становится источником жизни, энергии, желания что-либо изменить. Прошлое остается на поверхности, на которой плавают обломки повседневной рутинной жизни, поверхности того количественного времени, которое уже лишилось своей прежней власти и не навязывает свой мертвящий монотонный ритм.

«Глубинная философия» уделяет пристальное внимание интенции сознания направленной на поиск контакта с бытием, с реальностью. Это своего рода компас человека, который упорно и настойчиво указывает направление, ориентирует. Этот компас достают в критические минуты, когда человек заблудился, запутался в своих скитаниях и метаниях в мире повседневности. Способы ориентирования в мире «в-себе»

и в мире «для-себя» принципиально иные. В мире «в-себе» меня ориентируют внешние факторы, обстоятельства, которые ставят меня в ситуацию выбора. Однако этот выбор касается не меня лично, а только моего присутствия или отсутствия при тех или иных обстоятельствах. Это выбор без выбора, поскольку я могу (или должен) находиться при тех или иных обстоятельствах, но при этом в них не присутствовать. То есть если я выбираю «неприсутствие», тогда я нахожусь в позиции «жертвы» обстоятельств, я выбираю мир «в-себе» как единственный и руководствуюсь той системой указателей, которые созданы, чтобы ориентировать меня в нем.

В мире «для-себя» я ориентируюсь исключительно на «присутствие» независимо от того, в каких обстоятельствах нахожусь. Я выбираю не что-то или кого-то, я выбираю себя. Я прислушиваюсь к своей интенции, и она направляет меня к «глубинным структурам» моего бытия. В отличие от мира «в-себе», внушающего мне мысль о безысходности, мир «для-себя» открывает мне новые возможности, удовлетворяющее мое стремление стать другим. «Иметь присутствие, — пишет Ю. М. Резник, — это значит, во-первых, быть автономным (в смысле дистанцированности от мира), и во-вторых, быть свободным, с точки зрения своей экзистенции» [5, с. 214]. Когда я следую «зову» бытия, я не ищу какого-то приятного опыта или счастья для себя, я не пытаюсь удовлетворить свое любопытство или партикулярный интерес. «Зов» бытия не имеет ничего общего с удовлетворением потребностей. Меня влечет иное, я желаю воспринимать и мыслить себя не с позиции своей неполноты, недостаточности, а с позиции своей наполненности, избыточности, т. е. не с позиции своей данности, а с позиции своего проекта. Это похоже на любовь. Можно любить от недостатка каких-то личностных качеств и испытывать желание восполнить эти качества в себе за счет избыточности другого. Тогда любовь превращается в форму зависимости и порабощения. А можно, наоборот, любить от избытка тех качеств и свойств, которые ты открываешь в себе, черпая их из того источника, который никогда не иссякнет и не оскудеет, из самого бытия. Тогда любовь станет формой освобождения от всех условностей и обстоятельств мира «в-себе».

«Для начала проектирования, — читаем у Ю. М. Резника, — человеку недостаточно лишь одной экзистенциальной решимости к бытию. Необходимо еще преодолеть

инертность человеческого существования и обрести свободу творческого духа, а также сформировать способность создавать (трансцендировать) иное будущее из материала мира» [5, с. 220]. Откликаться на «зов» бытия человек может не только чувствами или переживаниями. Философское созерцание расширяет возможности мышления, понимания. Нас может глубоко тронуть музыка или произведение искусства, воспринимая которые мы почувствуем интенцию к бытию, «зов» бытия. Однако философское созерцание имеет дело не с симфонией как таковой, а с симфонией идей. Если музыкальную симфонию можно воспринимать непосредственно, эстетически, то философская симфония дана нам опосредованно через текст, и воспринимать ее можно только эйдетически. Для этого необходимо понимание философского текста.

Понимание можно рассматривать с онтической или онтологической позиции. Онтическое понимание работает в системе жестких структур интерпретации, заданной той или иной философской парадигмой. Критерием понимания с онтической позиции является установление соответствия философского текста определенной теоретической модели, получившей культурно-историческое признание в академической философии, возможность анализа текста, выявления его базовых концептов, подтверждающих или опровергающих принадлежность текста к той или иной теоретической модели. Спорные моменты (на предмет соответствия или несоответствия) подлежат обсуждению, а сам текст может быть подвергнут научной критике. Для онтического понимания действует правило, что интерпретатор должен понимать текст лучше и глубже, чем сам автор этого текста; в этом выражается мое принципиальное недоверие автору и тексту. Это возможно, если в силу установившихся культурно-исторических или академических прав, я воображаю себя неким «зеркалом объективации», способным воспринимать философский текст и заложенные в нем идеи с позиции внешне-наблюдателя. Текст становится для меня объектом мира «в-себе», поэтому я как эксперт этого мира определяю его положение среди других объектов. Обнаружение моей личностной вовлеченности в текст рассматривается как существенный недостаток моей интерпретации, моя «слабость», которую в идеале необходимо преодолеть. Это не может открыть мне контакт с реальностью посредством этого текста, наоборот, это изолирует меня как от самой реальности, так и от реальности текста.

Однако помимо существования «в-себе» в своей фактичности текст может осуществиться «для-себя» (из меня) в своей возможности. Понимание с онтологической позиции предполагает интерпретацию, идущую из философского текста, которую можно осуществить, вступая в резонанс с мыслями и идеями, порожденными этим текстом и идущими из нашей внутренней глубины. Философский текст становится для меня инструментом интерпретации собственных мыслей, идей, созвучных прочитанному. Ни я, ни текст не подлежат объективации, наоборот философский текст расширяет пространство моей субъектности, служит мне «фонарем» для ориентирования в «глубинных структурах» моего бытия. Я интерпретирую то, что мне удалось уловить, «услышать», вступив в резонанс с текстом. Для онтологической интерпретации не имеет значение мое согласие или несогласие с автором текстом с позиции какого-то воображаемого внешнего критерия (согласованности идей или теорий, их соответствия парадигме) или внешнего наблюдателя (культурного или школярского «цензора»). Резонанс с текстом возможен, если между мной и текстом нет никакого водораздела, если я обнаруживаю свое присутствие в тексте. В этом суть понимания в онтологическом смысле — я понимаю себя текстом, а текст понимается мной в моей интерпретации этого уникального опыта понимания. Я мыслю и интерпретирую из моей реальности, наделяя ее голосом (звучанием) и тем самым озвучиваю свой проект бытия. Для онтологического понимания действует правило, что интерпретатор должен понимать текст, исходя из полного доверия автору, не занимая отстраненную позицию; глубина понимания прямо пропорциональна глубине внутреннего созерцательного отношения к бытию. При этом я могу не разделять мысли и идеи автора, но для моей созерцательной работы это не имеет значения. Философский текст для меня служит стартовой площадкой, дверью, открывающую передо мной новые «места» присутствия (Dasein) в бытии и новые возможности самопознания.

«Глубинную философию» трудно практиковать индивидуально, поскольку она диалогична. Диалог необходим, чтобы выстроить отношение с бытием. Необходимо осознанное, присутствующие «Я» и необходимое осознанное, присутствующее «Ты». Именно благодаря этим полюсам создается онтологическое напряжение, пространство «между», в котором проявляет себя бытие. Для мира «в-себе», где все тотально взаи-

мозависимо и жестко детерминировано, отношения «Я — Ты» невозможны, возможны только отношения «Я — Оно». «Оно» господствует в мире «в-себе». «Оно» проявляется в материальности, объективации, причинно-следственной обусловленности. «Оно» прочно обосновывается в человеке как целый мир бессознательного. «Оно» встраивается в разные формы общественных отношений, симулируя базовые формы родовой (социальной) сущности человека. Сознание спасает нас из мира обусловленности, предоставляя нам возможность свободы в мире «для-себя». Отношения в этом мире выстраиваются иначе. В этом мире наши привычные модусы и знаки отношений теряют свое значение. Например, для того, чтобы общаться в отношении «Я — Ты» можно вообще не пользоваться ни устной, ни письменной речью. Молчаливый разговор открывает гораздо больше смыслов, чем привычные речевые формы общения. Отношение «Я — Ты» освобождает меня от скованности и связанности условиями мира повседневности и открывает мне возможность воспринимать глубину бытия в совместном присутствии. Пока я остаюсь внутри себя, внутри своего мира, я ощущаю себя в безопасности в мире «в-себе». Но в мире «для-себя» мне некого бояться. Я могу не ограничивать себя своими собственными идеями, я могу свободно преодолевать свои собственные пределы, чтобы принять участие в диалогическом отношении «Я — Ты», открывающем мне более широкие горизонты понимания реальности.

В «глубинной философии» достигается единство мышления. Однако это единство не в конформизме, не в формализме, не в регламентации и не в совместной экзальтации, что совершенно не затрагивает экзистенциальные структуры человека и является, скорее, формой его порабощения, а не освобождения. Единство достигается через общую направленность на отношение «Я — Ты», когда я стремлюсь не к тому, чтобы *отделить* свои мысли от мыслей другого и *противопоставить* себя другому, нет, я хочу *разделить* свои мысли с другим, я хочу *принять* другого, я получаю прирост смысла от осознания того, что я больше не единственный создатель и владелец своего мышления. И это я осуществляю не в силу внешнего принуждения, необходимости, безысходности или страха; это является для меня актом свободы. Базовое отношение «Я — Ты» позволяет мне осознать, что у всех участников диалога единое мышление, ибо для всех нас открывается единое бытие; становится не важно через какие

индивидуальные «двери» ты входишь в это единое «помещение». Мои идеи наполняются новыми смыслами за счет резонанса с идеями собеседников и идеями автора философского текста, для мышления открываются более широкие горизонты. Мой слух обострен, звучание реальности наполнено богатой, насыщенной полифонией «голосов» бытия.

Соприкосновение с онтологической глубиной настолько потрясает, что может стать заделом для стремления к самотрансформации. Так называемая «нормальная» психическая жизнь не может удовлетворить человека в силу своей поверхностности и фрагментарности, открывая перед ним весьма лимитированный набор возможностей. «Нормальная» психическая жизнь поглощает и кажется весьма активной, хотя более глубокие измерения человеческого существа при этом бездействуют. Человек скользит по поверхности и не чувствует в себе способность присутствовать в том, что является для него реальным и истинным. Как правило, реальность скрыта от непосредственного взора, ее нужно уметь различать. Для этого необходимо достигнуть определенного состояния мышления, которое даст возможность «видеть». Постепенно, шаг за шагом человек открывает в себе так долго бездействовавшие способности.

Моя «глубина» может «говорить» со мной, выражать себя, указывая мне на новые способы присутствия. Стоит прислушаться и ее голос начнет усиливаться, обретать отчетливость и ясность вещного слова. Я становлюсь садовником, возделывающим свою душу. «Садовник не может указать растению, как ему расти или как цвести. Садовник создает благоприятные условия, в которых жизненные силы растения проявят все свои потенциальные возможности. Точно так же «философский садовник» создает внутренние условия, возделывая «глубину», освобождая ее от «сора» психологических автоматизмов» [10, р. 46]. Я открываю для себя новую форму присутствия и создаю необходимые условия для того, чтобы стать другим.

Однако нужно отдавать себе отчет в том, что самотрансформация — это органический, постепенный процесс. Он не происходит в одночасье, и я становлюсь другим «в известном смысле», т. е. я не смогу стать совершенно другим человеком, это выше моих сил. Мне не преодолеть свое «человеческое, слишком человеческое». Многие из моих укоренившихся жизненных привычек останутся прежними, но теперь я не буду

больше воспринимать их как независимые от меня слепые силы; мой привычный жизненный уклад будет постепенно объединяться вокруг нового внутреннего центра, который, так или иначе, изменит траекторию моего жизненного маршрута. Я не стану другим человеком, но я стану более цельным, сбалансированным, внимательным и пронизательным; я почувствую связь с тем источником, с которым я соединен более глубокими корнями, чем та поверхностная и хаотичная ризома, которая связывает меня с миром повседневности.

«Глубинная философия», работая с философскими идеями, разоблачает распространенный миф о том, что философия абстрактна и далека от жизни. Прежде всего, следует различать философские идеи и философские теории. Теории никогда не имели прямой связи с реальностью, потому что в них дана системно и структурно схваченная модель реальности, ее идеализация. По большому счету теории описывают не реальность, а те условия и взаимосвязи для которых эта реальность либо необходима, либо возможна. В отличие от философских теорий, философские идеи представляют собой отчетливые и ясные «голоса» реальности, которые можно воспринимать, мыслить, понимать. Теория может нечто сообщить, но она не может к чему-то призвать; взывает и призывает идея. Теория может что-то объяснить, обосновать, доказать, но она не может кого-то преобразовать, вдохновить, побудить к действию; это делает идея. Теория мертва, потому что дает законченное и отстраненное описание мира «в-себе», идея жива, потому что служит субъекту для осуществления мира возможного, мира «для-себя».

«Глубинная философия», работая с философскими идеями, направляет силы разума на исследование основ жизни и реальности. У этой работы богатая традиция, однако «глубинной философии» можно отвести в ней особое место: в то время как большинство философов пытались исследовать реальность, создавая теории о ней, «глубинная философия» не может удовлетвориться теоретизированием. Интенция к реальности движется сквозь абстрактные теории, отталкиваясь от них, чтобы произошла встреча с реальностью, непосредственный контакт с ней. Поэтому, работая с философскими текстами, «глубинную философию» не интересуют теории, застывшие в них, даже если авторы этих текстов считали себя теоретиками.

Идеи могут жить своей собственной жизнью, независимой от теории. Конечно, взаимосвязанные идеи могут быть теорией,

но их функция заключается в том, чтобы служить мне картой реальности, для того чтобы я выработал свой собственный маршрут движения по ней. Мое присутствие в реальности свидетельствует о том, что я ее часть, как волна в океане. Таким образом, идеи находят созвучие в том, понимание чего уже есть во мне, подобно тому, как дыхание океана присутствует в каждой волне. Идеи «озвучивают» реальность, в которой я уже присутствую. Поэтому не я говорю «голосом» идей, просто озвучиваю их, наоборот, сами *идеи* говорят моим голосом. Их голос вполне конкретен, это не теоретическая абстракция, которая, выполнив свою функцию «путеводителя», уже не нужна.

«Глубинная философия» использует две метафоры, которые передают возможный контакт с реальностью: «внутренняя глубина» и «голос» реальности. Эти метафоры суть одно как две стороны одной медали. «Глубина» — это визуально-пространственная метафора, «голос» — это слуховая метафора. Таким образом, «внутренняя глубина» — это воображаемое «место», где мы можем «слышать» голос реальности. Созерцать во «внутренней глубине» есть примерно то же самое, что и слышать «голос» реальности. Средой для передачи этого «голоса» является особая атмосфера философской группы, которая обеспечивает резонанс. Резонанс возможен только в совместном созерцании идей. Это не только процедура созерцательного философствования, это также и особое психологическое состояние. Как процедура резонанс означает особую реакцию на идеи собеседника или идеи философского текста, которая позволяет говорить *из* них, а не *о* них. Вместо того, чтобы анализировать эти идеи, вместо того, чтобы оценивать или критиковать их, соглашаться или не соглашаться, философская группа моделирует такой диалог, который напоминает репетицию хора или оркестра. Импровизация с резонансом служит общему развитию музыкальной темы, наполняя ее новыми глубокими смыслами. Как психологическое состояние резонанс открывает для участников группы особую чувствительность и восприимчивость к интенции, направленной на реальность, обостряет интеллектуальные способности и возможности. Данное резонансное взаимодействие открывает возможности для более глубокого понимания реальности посредством обнаружения «созвучия» идей.

В объективированном мире «в-себе» резонансное взаимодействие невозможно, возможен лишь диссонанс. Например,

формально-логические построения не могут допустить нарушение закона противоречия. Нарушение этого закона лишит аргументацию важнейшей опоры. Только в диссонансе противоречивой пары мы можем наделять одно из высказываний статусом истины. В резонансном взаимодействии в мире «для-себя» возможно принятие обоих суждений. Речь идет не о произвольности выбора, а о нахождении того целого, того отношения, где эти противоречия снимаются. Несмотря на то, что разные люди могут по-разному реагировать на один и тот же «голос» реальности, это не всегда приводит к спору или к позиции «скупного» релятивизма (мол, и ты прав, и ты прав). То, что резонирует во мне с реальностью, зависит от голоса моего личного опыта, который может отличаться от опыта другого. Однако, находясь в едином коммуникативном пространстве, мы не просто высказываем разные мнения о реальности, мы созерцаем реальность с разных сторон, обмениваемся опытом ее восприятия, обогащая тем самым общую картину реальности. Только научившись «слушать» музыку реальности, я смогу разбираться в ней и откликаться на нее своим голосом. Это достигается посредством резонансного взаимодействия созерцательной философской группы.

Именно здесь, по словам Ю. М. Резника, «возникают благоприятные условия для метапроектирования, которое осуществляют философы в надежде исполнить свою духовную миссию. В их присутствии можно найти осмысленные попытки преодолеть конечность своего существования и обрести силу духа, необходимую для трансцендирования бытия. Только так они могут осуществить свое жизненное кредо и профессиональное призвание» [5, с. 223].

В заключение хочется сказать несколько слов о прошедшем 26—29 сентября 2019 г. международном ретрите «глубинной философии» в Орвието (Италия). Проводить философские ретриты в Италии стало доброй традицией. Они проходят два раза в год — в марте и сентябре, начиная с 2017 г. В данном формате философия возвращается к своей подлинной сути. Она перестает быть простым информированием о философии и очередным пересказом тех или иных философских теорий и концепций. Философия здесь обретает статус исследовательской деятельности, лаборатории мысли. В рамках ретрита не принято просто излагать позицию того или иного философа, произведение которого выносятся на коллективное обсуждение. Зачем в сотый раз повторять

то, что философам и так хорошо известно? В центре внимания другое. Что новое, уникальное рождается здесь и сейчас в результате данной интеллектуальной практики? Какой новый поворот открывается в хорошо известной любому философу мысли или тексте? Ретрит создает уникальные условия во многом напоминающие практики классических старинных университетов: работа в малых исследовательских группах, где интенсивное обсуждение темы (с использованием специальных методик) сменяется временем уединения, молчания для ясного видения и четкой формулировки той уникальной мысли, идеи, которая будет итогом участия в сессии и которая озвучивается каждым участником в конце рабочего дня. Ретрит начинал свою работу в 9 утра и заканчивал в 9 вечера и так в течение нескольких дней. Полное погружение в тексты, исследовательскую проблематику и коммуникацию — все это создавало особую неповторимую творческую атмосферу, которая так необходима любому ученому, если он действительно ученый, а не просто функционер в командно-бюрократической университетской системе.

В ретрите участвовали философы-практики из США, Испании, Австрии, Германии, Дании, Италии, Израиля. Отрадно отметить, что данная форма практики привлекла внимание представителей ближнего зарубежья, в частности Казахстана. Все участники ретрита исповедуют практико-ориентированную философию в противовес академическому начетничеству. Кто-то является руководителем философского кафе, кто-то занимается философским консультированием, кто-то руководит магистерской программой по подготовке специалистов в области философской практики, кто-то использует философские формы и методы в социальной работе. Все это создает благодатное поле для сотрудничества и обмена опытом. Российским специалистам здесь есть чему поучиться: как сделать философскую практику делом жизни, направленным на реальную помощь людям в удобных и комфортных для них форматах. Все участники ретрита были воодушевлены возможностью побывать в России и поделиться опытом своей работы в рамках VIII Российского философского конгресса, который будет проходить в Москве в мае 2020 г., где нами заявлен симпозиум «Философская практика в современном мире» и в рамках XVI Международной конференции по философской практике, которая также будет проходить в Москве в июле 2020 г. (Следует отметить, что данная конфе-

ренция организована кафедрой философии Южно-Уральского государственного университета при поддержке Института философии Российской академии наук.)

1. Адо П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом Дэвидсоном. М. : Степной Ветер ; СПб. : Коло, 2005. 288 с.

2. Борисов С. В., Гредновская Е. В., Динабург С. Р. Философская практика: лето — осень 2017 (по материалам российских семинаров с международным участием) // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 131—137.

3. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80—87.

4. Лахав Р. Руководство по философскому партнерству: принципы, процедуры, упражнения. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2017. 76 с.

5. Резник Ю. М. Феноменология человека: бытие возможного. М. : Канон+ : Реабилитация, 2017. 632 с.

6. Amir L. Rethinking Philosophers' Responsibility. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2018. 374 p.

7. Deep Philosophy: Contemplating in togetherness from our inner depth // The Philo-Practice Agora: the electronic meeting-place of philosophical practitioners from around the world. URL: https://www.philopractice.org/web/deep_philosophy (дата обращения: 16.10.2019).

8. Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2016. 82 p.

9. Lahav R. Philosophical Contemplation: Theory and Techniques for the Contemplator. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2016. 90 p.

10. Lahav R. The Philosophical Gardener: A New Paradigm for Philosophical Practice // New Frontiers in Philosophical Practice / ed. by L. Amir. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 34—54.

11. The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques / ed. by R. Lahav. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2019. 108 p.

12. The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices / ed. by R. Lahav. Hardwick ; Vermont : Loyev Books, 2018. 100 p.

References

1. Ado P. (2005) *Filosofija kak sposob zhit': Besedy s Zhanni Karlie i Arnol'dom Djevidsonom*. Moscow, Stepnoj Veter Publ., St. Petersburg, Kolo Publ., 288 p. [in Rus].

2. Borisov S.V., Grednovskaja E.V., Dinaburg S.R. (2017) *Socium i vlast'*, no. 6 (68), pp. 131—137 [in Rus].

3. Brenif'e O. (2018) *Socium i vlast'*, no. 1 (69), pp. 80—87 [in Rus].

4. Lahav R. (2017) *Rukovodstvo po filosofskomu partnerstvu: principy, procedury, uprazhnenija*. Hardwick, Vermont, Loyev Books Publ., 76 p. [in Rus].

5. Reznik Yu.M. (2017) *Fenomenologija cheloveka: bytie vozmozhnogo*. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 632 p. [in Rus].

6. Amir L. (2018) *Rethinking Philosophers' Responsibility*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 374 p. [in Eng].

7. Deep Philosophy: Contemplating in togetherness from our inner depth // *The Philo-Practice Agora: the electronic meeting-place of philosophical practitioners from around the world*. Available at: https://www.philo-practice.org/web/deep_philosophy, accessed 16.10.2019 [in Eng].

8. Lahav R. (2016) *Handbook of Philosophical Companionships*. Hardwick, Vermont, Loyev Books Publ., 82 p. [in Eng].

9. Lahav R. (2016) *Philosophical Contemplation: Theory and Techniques for the Contemplator*. Hardwick, Vermont, Loyev Books Publ., 90 p. [in Eng].

10. Lahav R. (2017) *New Frontiers in Philosophical Practice*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, pp. 34—54 [in Eng].

11. *The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques* (2019). Hardwick, Vermont, Loyev Books Publ., 108 p. [in Eng].

12. *The Deep Philosophy Group: Origin, Testimonies, Practices* (2018). Hardwick, Vermont, Loyev Books Publ., 100 p. [in Eng].

For citing: Borisov S.V.

Creating "deep philosophy" from the "spirit of ontoprojection" // *ocium i vlast'*. 2019. № 5 (79). P. 113—122. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-113-122

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-113-122

UDC 1(091) + 101.1 + 101.9

CREATING "DEEP PHILOSOPHY" FROM THE "SPIRIT OF ONTOPROJECTION"

Sergey V. Borisov,

South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
South Ural State University
(National Research University),
Doctor of Philosophy, Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

The article outlines the basic principles of "deep philosophy", one of the areas of modern philosophical practice. The author considers these principles in the context of the phenomenological model of "ontodesigning" developed by Y.M. Reznik. The author gives a detailed explanation of the main concepts of "deep philosophy", such as "deep dimension", "contemplation", "personality", "resonance", etc. from the viewpoint of correlation between the ontic and ontological, the world "in-oneself" and the world "for-oneself." In addition, the author shares the experience of the philosophical retreat of "deep philosophy", which took place in September 2019.

Key concepts:

ontology,
ontodesigning,
"deep philosophy",
philosophical practice,
philosophizing,
philosophical contemplation,
dialogue,
philosophical retreat.

Для цитирования: Чупров А. С.
Диалоги на краю онтологической бездны
(ответ рецензентам) // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 123—137.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-123-137

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-123-137

УДК 101.1

ДИАЛОГИ НА КРАЮ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗДНЫ (ОТВЕТ РЕЦЕНЗЕНТАМ)

Чупров Александр Степанович,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
кафедра всеобщей истории,
философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 675000,
Амурская область, г. Благовещенск,
ул. Ленина 104.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Аннотация

В порядке ответа участникам дискуссии вокруг статьи «Проблема познаваемости мира в свете диалектики бытия и существования», автор, поясняя сущность своего подхода к решению философских проблем, акцентирует внимание на преемственности своей концепции с классическими представлениями о бытии и его познаваемости, излагает своё понимание категорий «идеальное» и «реальное», диалектики бытия и небытия, принципа становления, сущности трансцендирования и предмета онтологии, а также анализирует онто-гносеологические установки Э. Гуссерля и характер философии М. Хайдеггера.

Ключевые понятия:

онтология,
бытие,
небытие,
Я-бытие,
персонализм,
существование,
диалектика,
интуиция,
логика,
понятие.

Сущность философии <...> не имеет никакой основы для оригинальности.

Г. В. Ф. Гегель

Искренне благодарен проф. Григорию Львовичу Тульчинскому, проф. Юрию Геннадьевичу Ершову и доц. Виктории Анатольевне Ашимовой за проявленный интерес к моей статье «Проблема познаваемости мира в свете диалектики бытия и существования» [30]. Их отзывы — это не только критический анализ статьи, полемика с автором, но и собственные размышления о фундаментальных проблемах философии, которые имеют ценность и безотносительно к моей публикации, а для меня лично — повод заново взглянуть на собственную работу как бы глазами рецензентов, что-то исправить, что-то развить, с чем-то согласиться, а что-то оспорить.

* * *

Назначение и социально-значимый смысл деятельности философов я вижу прежде всего в непрестанном переосмыслении извечных проблем бытия и существования с опорой на опыт предшественников и собственные интуитивные озарения. Именно эти интуиции делают философа похожим на поэта, который пишет стихи не потому, что умеет их писать, а потому что не может не писать их. Недаром Хайдеггер утверждал, что именно философствование является душой всякой философии [28, с. 119], которое рождается в те крайне редкие минуты состояния души, при котором сущее как бы открывается человеку в своей сокровенной истине — понимании **единосущности** его собственного Я и мира, в котором он существует. Только удовлетворяя личную **метафизическую** потребность выразить собственное решение «вечных» философских проблем и вместе с тем самоопределяясь в этом мире, философ имеет шанс, говоря на манер Гегеля, **«схватить» мир и эпоху в понятие**, быть понятым и даже, если повезет, быть социально востребованным. Что же касается «борьбы» со сложившимися стереотипами, то это, как заметила В. А. Ашимова, «дело неблагодарное», а может быть, даже пошлое в своем мелком тщеславии, ибо, как подчеркивал Гегель, «сущность философии <...> не имеет никакой основы для оригинальности» [8, с. 156], поскольку объективно назначение философии — фиксировать в единичном вечное, всеобщее, инвариантное, универсальное. Иначе говоря, выражать бытие в его объективной **истине**, парменидовской «алетей» (непотаенном, несокрытом).

* * *

Григорию Львовичу Тульчинскому я признателен прежде всего за **понимание** и моей логики изложения, и видения самой проблемы познания в свете диалектики бытия и существования, и путей ее решения, в том числе интерпретации сущности и роли интуиции, а также диалектической логики в постижении бытия. Такое понимание бытия не часто, и оно дорого стоит. Конечно, это не означает полного совпадения взглядов, но является необходимым условием **диалога**, а не просто какой-то полемики «на поражение».

В своей публикации «Персоналогический синтез парадигмы познания» [25], которая самодостаточна и безотносительно к рецензируемой статье, Г. Л. Тульчинский обозначил те аспекты диалектики бытия и существования, «вокруг да около» которого я ходил, но так и не смог внятно тематизировать. Речь идет об **онтологии свободы** и **персонализме**. Поэтому я с благодарностью ученика принимаю и **персоналистическую трактовку**, и прямо противоположную ей **формально-логическую интерпретацию** проблемы бытия, в том числе ту, о которой пишет Г. Л. Тульчинский: согласно формуле $(\exists x)P(x) \supset E(x)$ — «если существует нечто обладающее неким свойством P, то это нечто существует» [25, с. 89]. Хотя я не могу назвать это «банальным доказательством» бытия, поскольку само по себе наличие чего-либо — это еще не утверждение бытия даже в формально-логической куановской трактовке как «**значение связанной переменной**»: ибо и бытие есть, и существование есть. Кроме того, на мой взгляд, **бытие есть не только нечто логическое или то, что можно помыслить, но и то, что иррационально переживаем**; то, что сродни переживанию человеком собственного Я и той самой «связной переменной» (отношения Я к бытию вообще, представленному в мире конечных вещей) даже безо всякой рефлексии. Поэтому я не сторонник сведения бытия в духе Парменида или Гегеля к Логосу, мышлению, рефлексии, самопознанию и т. п. **аналогам** интеллектуальных способностей человека. Бытие всегда нечто большее, чем мысль, хотя, несомненно, и она тоже.

Попутно хотел бы прояснить мою, условно говоря, «нелюбовь» к логике, которую весьма пронизательно подметил рецензент. Бесспорно, логика — это «скелет», «несущая конструкция», «дисциплина» всякого мышления и доказательства, но у нее есть недостатки, которые оказываются продолжением её достоинств, а именно — «бездушность», «рассудочная одномер-

ность» и «недостаточная манёвренность». Порой она, как тот трамвай, который не может объехать пешехода. Неслучайно «отец» формальной логики Аристотель ставил жизненный опыт и демонстрационный способ изложения, основанный на эмоциональной убедительности, выше и формальной логики, и математических доводов. А, кроме того, подчеркивал **аксиоматичность** законов формальной логики, им же сформулированных. Так, формально-логический запрет противоречий Аристотелем был назван **аксиомой**, т. е. очевидностью, в истинность которой **верят**, и относительно которых философ со всей откровенностью честного ученого пишет следующее: «Так как аксиомы применяются ко всему, <...>, то никакой ученый, ведущий исследование частного характера, не может сказать о них, истинны они или ложны... Ибо **нет доказательства всего** ... В конце концов, мы дойдем до начал, составляющих независимую основу всех зависимых от них положений: **эти начала уже не доказываются**» [31, курсив мой — А. Ч.].

Григорий Львович обратил внимание на то, что «автор постоянно иронизирует над диалектикой и истматом советского марксизма-ленинизма, тем не менее постоянно пользуясь его же аппаратом и терминологией для разъяснения диалектики бытия и существования». Хотел бы пояснить и этот момент. Как говорится, все мы выросли из гоголевской «Шинели». Отечественная академическая и еще более университетская философия и по сей день базируется на философской главе «Краткого курса ВКП(б)» 1938 года. Это и не хорошо, и не плохо: так сложилось исторически, хотя сегодня многие не то стесняются, не то побаиваются даже упоминать имена Маркса, Энгельса, Ленина, а то и вовсе считают своим долгом «пнуть мёртвого льва», то есть советский марксизм-ленинизм, сводя счёты со своей «философской совестью» при переходе на позиции то русской религиозной философии, то некоего «хайдеггеризма», то различных версий постмодернизма. Моё нынешнее отношение к марксизму я достаточно развернуто изложил в обсуждаемой статье. Если очень коротко — уважительно-критическое. А что касается иронии, то это в первую очередь **самоирония**, ведь я, как и большинство ныне здравствующих российских философов, вырос на марксистско-ленинской системе категорий и принципов, и нисколько не стыжусь этого, считая свою философскую базу вполне достойной и пригодной как для развития философской мысли в самых разных направлениях, так и ди-

алога с приверженцами иных философских умонастроений.

* * *

В своей рецензии Юрий Геннадьевич Ершов констатирует «хрестоматийно-безусловную важность» [10, с. 93] поднятой в моей статье проблемы бытия, от решения которой «зависит понимание базовых категорий онтологии и гносеологии», и отмечает: «Статья А. С. Чупрова заставила в очередной раз и обратиться к необходимой литературе, и поломать голову над толкованием фундаментальных философских категорий в их необходимой взаимосвязи, помогающих правильно ставить и решать главные философские проблемы» [10, с. 99]. В заключении Юрий Геннадьевич даже высказывает свою не то надежду, не то иронию: «...как известно, большое видится на расстоянии, — может быть, необходимо время для более точной оценки и понимания замысла автора» [10, с. 99], а пока дает такую оценку, которую можно назвать условно отрицательной. Поэтому в ответном слове я, в свою очередь, вынужден не только обсуждать проблемы бытия и познания, но и говорить об **отличии наших подходов** к ним, по возможности избегая оценочных суждений.

Пафос моей статьи — **возвращение к античной, средневековой и немецкой классике** в понимании диалектики бытия и существования. Замечание Ю. Г. Ершова о том, что автор, «по сути дела, следует давно известным стереотипам классической философии, отказываясь от попытки современного прочтения проблемы бытия» [10, с. 99], как раз косвенно и свидетельствует об этом. Это замечание сделано как указание на очередной недостаток моего подхода к проблеме, но именно его я принял почти как комплимент и свидетельство понимания рецензентом моего замысла, пусть даже не одобряемого им.

Когда-то Фома Аквинский писал в предисловии к своим сочинениям, что в них нет ни одной мысли, ни одного суждения, которого бы до него не высказывал бы и не излагал в своих трудах его учитель Альберт Великий. Для Аквината это было критерием истинности и ценности его сочинений как в его собственных глазах, так и читающей публики. Потом наступили иные времена, когда восторжествовало, как писал А. С. Пушкин применительно к Европе XVIII столетия, «невещественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне» [22, с. 194]. По примеру Фомы Аквинского могу не без гордости заявить, что нет ни одно-

го (!) оспоренного Ю. Г. Ершовым суждения в моей статье, которое не являлось бы либо моей интерпретацией, а чаще «раскавыченными» цитатами классиков мировой философии античности, средневековья и Нового времени, ибо философия «не имеет основания для оригинальности», кроме, пожалуй, **способа изложения**. Недаром И. Фихте, Л. Фейербах и отчасти К. Маркс подозревали, что, в сущности, любая философская система — это способ ее изложения [26, с. 34]. Поэтому понимание любого автора — это в первую очередь понимание собственного ему **стиля мышления** и, соответственно, — **эстетики изложения**, которая выражается не только проговоренным или прописанным, ибо прописать и проговорить всё и сразу невозможно в принципе, но и так называемой **энтимемой** (буквально «в уме», «про себя»), о важности которой писал еще Аристотель [2, с. 333]¹. За буквальным текстом, за *каждым* суждением *всегда* стоит что-то не озвученное, но подразумеваемое. Когда Юрий Геннадьевич упрекает меня в отсутствии системности, непонятности и нелогичности изложения, он всего лишь констатирует недостаточное *для него* совпадение, или сходство, моего стиля мышления (и, соответственно, эстетики изложения) с его собственным.

Не могу не сказать о своем «методе» освоения идей классиков. Читать классические труды можно по-разному в зависимости от цели. Можно пытаться понять их, как бы вживаясь в их систему мировоззрения, а потом мыслить в соответствии с ней и даже жить ею «всю оставшуюся жизнь». А можно **интегрировать** те или иные идеи в свою **собственную** систему (то, что Кант называл единством сознания), которая складывается и трансформируется у **каждого** человека (совсем не обязательно профессионального философа) на протяжении всей его жизни чуть ли не с рождения и до самой смерти, для того, чтобы — через них или с их помощью — **понимать мир, себя этом мире и мир в себе**. Это не тот случай, когда к человеку (точнее, к сочинениям классиков) надо относиться как бы «по-кантовски»: как к цели, а не средству. Здесь прагматизм и уместен, и оправдан.

Что же касается [цитирую] «подвижного, можно сказать — **текучего содержания категорий**, произвольно используемых автором» [10, с. 93], то еще один комплимент, несомненно сделанный рецензентом в мой адрес. Именно так, на мой взгляд, только

¹ Это слово в формальной логике Аристотеля используется не в буквальном значении, а для обозначения вероятностного силлогизма.

и можно, а главное, нужно оперировать и философскими категориями, и житейскими понятиями, поскольку, как писал Аристотель, «число имен и слов ограничено, а количество вещей (явлений) не ограничено» [1, с. 533]. Конечно, этим с античности пользовались софисты в достижении своих не всегда благовидных целей (о чем, собственно, и говорил Стагирит в работе «О софистических опровержениях»), но, если мы хотим, как можно точнее выразить *истину*, которая, как подчеркивал В. И. Ленин, «всегда конкретна» [15, с. 400], или *понять мысль другого*, то в каждом конкретном случае мы должны учитывать, что значение того или иного слова меняется в зависимости от «Его Величества» **контекста**. Даже цвет вещи частично определяется цветом окружения (серое на синем фоне приобретает желтый оттенок, на зеленом — красный), что уж говорить о значении слов. Разумеется, я не имею в виду строго определённые в своем значении узкопрофессиональные или технические термины, значение которых принято *конвенционально*, т. е. по договоренности, например, в физике, технике или медицине: тут разночтения недопустимы, но за пределами этой сферы в «живом» языке у каждого слова (в том числе у слов-понятий, возведенных в ранг философских категорий) есть не только какое-то **примарное** значение, но и бесконечное множество подчиненных смысловых оттенков, каждый из которых как бы высвечиваются в зависимости от контекста. И это отнюдь не то, что в формальной логике называется намеренной или ошибочной «подменой понятий». Это их жизнь.

В частности, это касается и **категорий «реальное» и «идеальное»**, а также их соотношения. Суть моей позиции такова: «Реальное — это то, что (воз)действует на субъект самим фактом своего существования, и по этой причине признается субъектом как нечто действительное, а понятие идеального вовсе не указывает на какое-либо действие, а характеризует качество вещи, которое обретается ею посредством её *существования через другую вещь*» [30, с. 92]. С такой интерпретацией Юрий Геннадьевич не согласился: «Парность этих категорий легко можно допустить, исходя из понимания реального как вещного (помня про латинское «происхождение» реальности от *res* — вещь), а идеального, соответственно, как непротяженного и невещественного. Можно прийти и к отрицанию простого противопоставления, но совсем другим путем» [10, с. 96].

Во-первых, допустить парность и противопоставить можно всё, что угодно, в соот-

ветствии с всеобщим принципом **«иного»**, который Платон называл особым (пятым) родом бытия [20, с. 391]. Во-вторых, латинское слово **res** чрезвычайно многозначно: от «бедствий» и «подвигов» до «интереса» и «лакомства». Есть среди них и самые известные значения — «дело» и «вещь», которая, кстати, обозначалась словом **res** не потому, что она в качестве материального объекта *протяжена*, а именно потому, что она способна как-то *(воз)действовать* [12]. Поэтому буквальный перевод тут не может быть решающим аргументом: один сошлется на то, что **res** — это «вещь», а другой, что — это «дело». Суть-то вопроса совсем не в этом, а в том, что в истории европейской философии слово «реальное» всегда употреблялось *преимущественно, или примарно*, в значении того, что **«действует»**, а не только существует тем или иным способом. В этом были единомышленны и крайние идеалисты, и материалисты. Достаточно вспомнить средневековых реалистов, утверждавших, что общие понятия (универсалии) реальны, ибо они присуще замыслу Божьему и, соответственно, еще как «действенные»; и В. И. Ленина, который, как раз критикуя отождествление материи с вещами или веществом, определял материю как объективную **реальность**, которая **воздействует** на наши органы чувств и притом, существует «вне и независимо от наших ощущений» [14, с. 100], как, впрочем, и «замысел Божий» у реалистов. То, что не может воздействовать непосредственно на вещь, в том числе на органы чувств и само тело человека, то не может быть названо реальным, а поэтому должно быть отнесено либо к **иллюзорному**, либо к **идеальному**. Поэтому, на мой взгляд, целесообразнее соотносить реальное с иллюзорным, а идеальное с материальным. В первом случае речь идет о действительном и недействительном, во втором — о разных способах существования действительного.

Если оставаться на почве научного реализма, никакого мистического воздействия на нас душ умерших и различных духов, перемещения предметов силой мысли и т. п. спиритуалистических «чудес» в нашем мире нет и быть не может. Есть только физическое воздействие. Даже мираж в пустыне — это реальное физическое явление, хотя его «содержание» (оазис с водоемом, пальмами и т. п.) — это, конечно, нечто иллюзорное, но сама «картинка» в сознании человека (без относительно к ее содержанию) тем не менее *действительна*, однако способ ее существования *идеальный*. Таким образом, наличие реальных физических вещей ни-

чуть не исключает наличия в мире отнюдь не мистических, существующих на самом деле, **идеальных** с точки зрения **качества** объектов: всё тех же образов, мыслей, ощущений, эмоций, даже галлюцинаций, пространственно-временных и социальных отношений, души, наконец. **Это «всего лишь» разные способы существования.** Правда, у другого рецензента, В. А. Ашимовой, моя интерпретация соотношения реального и идеального тоже вызвала протест, но уже совсем с другой стороны, мол, как это так — идеальное не воздействует?! [3, с. 104] Отвечаю: я вовсе не отрицал способности идеальных объектов воздействовать, а лишь отметил, что само по себе понятие «идеального» не указывает на действие, хотя, конечно, идеальное воздействует (более того, определяет характер и содержание деятельности человека), но отнюдь не физическим способом. Собственно, это и дало средневековым реалистам повод считать универсалии даже содержанием замысла Божьего, в соответствии с которым творится мир.

Правда, каков «механизм» воздействия идеального, в том числе взаимосвязи души и тела, до сих никто толком сказать не может. Дальше принципа **репрезентации** [16], то есть существования идеального через отношение одной вещи к другой и актуализации *посредством нее* пока никто, ни идеалисты, ни материалисты, по большому счету, не продвинулись, а может быть, дальше продвинуться невозможно в принципе. Но ставить в один ряд **способность воздействия** на материальные вещи, т. е. реальное, и **способ существования**, отличный от материального, т. е. идеальное, — это всё равно что говорить: «У меня есть два пирожка: один с капустой, а другой — вкусный».

В продолжение своего ответа Ю. Г. Ершову, хотел бы коснуться основного предмета статьи — проблемы бытия, а именно двух аспектов: познаваемости и диалектичности.

1. «*Бытие*, — считает Чупров, — может быть только предметом **интуитивного** усмотрения, **интеллектуального** полагания (постулирования), **аффицирования** (обнаружения посредством непосредственного воздействия на органы чувств) и, наконец, **веры** в его реальность (не иллюзорность)». Как это совместить с выводом автора о знании бытия и его смысла как единственном роде знания абсолютно прозрачном и ясном как день — в силу своей самоочевидности? — спрашивает рецензент [10, с. 95].

Я долго колебался, включать ли вообще этот абзац в статью, понимая его формально-логическую уязвимость («самоочевидная тайна» — это, безусловно, оксюморон). Кста-

ти, рассматривал вариант перечисления, как и предлагает Ю. Г. Ершов, этих четырех способов постижения бытия через союз «или». В итоге написал так, как написал, потому что вариант «или-или» был бы просто перечислением наиболее распространенных в истории философии версий постижения бытия. Нет смысла называть имена авторов этих версий: пришлось бы указывать едва ли всех величайших мыслителей прошлого, которые делали акцент на каком-то одном способе постижения бытия, порой противопоставляя иным, например, Парменид, — в отличие от материалистов, — отказывал чувствам в способности постигать бытие в его истине. Некоторые акцентировали внимание не на одном, а двух способах постижения бытия, как это делал Кант, подчеркивавший аффицирование и интеллектуальное полагание, пусть даже непознаваемого бытия как вещи-в-себе. Для меня же гораздо важнее было подчеркнуть, что **всякий** человек, как правило, не дифференцируя эти способы, постигает (схватывает) или, выражаясь хайдеггеровским языком, **присваивает** бытие именно так, т. е. **одновременно** всеми способами. Начиная с *интуитивной* очевидности («прозрачности» самого статуса «быть»), его значимости (ценности) для человека, или **смысла**, *чувственного* аффицирования, *интеллектуального* полагания (как способа согласования рассудка и чувственного опыта) и заканчивая иррациональным чувством *веры*, т. е. убежденностью в подлинности или, напротив, иллюзорности бытия (не суть важно в данном случае, сакрализованного или нет).

«Да был ли мальчик! в смысле — в чем тогда проблема? Кому нужны тогда все эти философские, путанные и непонятные простым людям рассуждения?» — вопрошает Ю. Г. Ершов [10, с. 95]. Отвечаю: они нужны только тем, кто задается вопросами о бытии и особенно существовании, а таких людей довольно много, а может быть, и большинство; тех, кто хотел бы получить на них ясный, квалифицированный по форме и достаточно содержательный ответ. На мой взгляд, разница между, так сказать, неискушенным в философии человеком и философом, состоит прежде всего в том, что первый видит только различие и сходство между явлениями, а философ еще и *основание* этих различий и сходств, а также диалектическую *противоречивость* сущего. По-другому это называется ясностью и глубиной взгляда. Или этого недостаточно для оправдания философии? Лично мне ничего большего для обоснования права философии на существование и не требуется.

2. «...Как можно из факта отсутствия сведений о понимании Гераклитом *единства* противоположностей вывести суждение о том, что **альфа и омега диалектики — целостность, единство, тождество**, которое живет и развивается посредством борьбы противоположностей, выше моего понимания», — констатирует Ю. Г. Ершов [10, с. 97].

Отвечаю: **никак**, поскольку, во-первых, в упомянутом рецензентом фрагменте имя Гераклита названо в продолжении совсем другого (предыдущего) суждения [30, с. 89]; во-вторых, тезис о том, что «альфа и омега диалектики — целостность, единство, тождество», мною не выводится, а **воспроизводится** на основе тех аксиом и постулатов, которые были сформулированы за сотни лет до меня, и не только Гераклитом. С равным успехом я мог сослаться на учение о единстве и противоречивости Дао, о единстве и множественности воплощений Брахмана в «Ведах», об Единице и бесконечности числового ряда Пифагора, о Благе как идеи всех идей у Платона, форме всех форм и Аристотеля, о Единном и его эманации Плотина, о монадологии «плюралиста» Лейбница, о становлении Абсолютной идеи Гегеля, о Мировой воле и ее объективации в отдельных вещах Шопенгауэра. А то, что «Одно» было исходной точкой и конечным пунктом развития и в учении Гераклита, это только подтверждает **инвариантность исходных (онтологических) принципов диалектики**. Было бы проще вообще не называть никого, а исходить из того, что **я знаю** только **одно** бытие, представленное в бесконечном разнообразии противоборствующих вещей, умалчивая об источниках этого знания, и этого было бы вполне достаточно, поскольку истина всегда банальна, а доказывают только то, чему не верят или в чем сомневаются. В конце концов, как *шутит* Марк Твен, «моё мнение, конечно, значит не больше, чем мнение папы римского, но и не меньше». Разумеется, Марк Твен имел в виду не то, как он «гениален» и «велик», а то, что его мнение, как и мнение всякого человека, достойно уважения, поскольку он живет *в том же самом мире*, в котором живет и любой выдающийся человек.

Аналогичным образом обстоит дело и с вопросом Ю. Г. Ершова, касающимся обоснования тезиса, что **бытие пребывает, а существование — становится**, а также последующей оценке взглядов Парменида и Гераклита [10, с. 96]. Этот тезис мною просто **воспроизводится**, исходя из моих представлений об истории философии, которые сложились за десятилетия ее изучения,

в том числе и в результате знакомства со статьей А.В. Лебедева о Гераклите в «Новой философской энциклопедии» в 4 томах, на которую ссылается Ю.Г. Ершов [10, с. 97], а также статьи «Становление» в «Энциклопедическом словаре» [27], где черным по белому написано о принципе становления в учении Гераклита *в противоположность* неизменному бытию Парменида. Но я думаю, гораздо авторитетнее будет сослаться на гегелевскую характеристику философии Гераклита в «Лекциях по истории философии», где особое внимание Гегель уделяет столь важному для его собственной системы понятию **становление** (Werden) как способу перехода бытия в существование, или определенное бытие: «Необходимый шаг вперед, сделанный Гераклитом, заключается в том, что он перешел от бытия, как первой непосредственной мысли, к становлению, как второй мысли; это первое конкретное, абсолютное, как единство противоположностей в нем самом. У Гераклита, таким образом, мы впервые встречаем философскую идею в ее спекулятивной форме, между тем как суждения Парменида и Зенона представляют собою абстрактный рассудок. Гераклита поэтому всегда считали глубокомысленным философом, и он даже приобрел дурную славу как таковой. Здесь перед нами открывается новая земля; нет ни одного положения Гераклита, которого я не принял в свою «Логикку» [7].

3. Гораздо серьезнее вопросы рецензента, связанные с моей характеристикой источника или **онтологического обоснования борьбы противоположностей в мире существования с опорой на идеи Николая Кузанского**, которые, кстати, как справедливо заметил рецензент, развивал в XIX веке Сергей Соловьев. Воспроизводя мою версию, Ю. Г. Ершов замечает: «Автору кажется, что заключение о единстве и борьбе противоположностей в мире существования как *следствии* диалектики бытия и существования логически безупречно <...>. Но почему объектом критики становится попытка Ф. Энгельса *объяснить* сущность действия «основных законов» материалистической диалектики *в природе*, отталкиваясь исключительно от материального единства мира, совершенно непонятно» [10, с. 97].

Отвечаю: логически безупречным мне не кажется ни одно моё суждение, поскольку всегда сохраняется возможность того, что в нем содержится какая-то допущенная мною, но не замеченная ошибка, а что касается Ф. Энгельса, то он, как и позитивисты, фактически **упразднил** понятие вечного и **неизменного** (и в этом смысле противоположно-

го существованию материи) бытия. Иначе говоря, тут нет даже основания для постановки вопроса об основании, поскольку невозможно *объяснить* противоречивость материального мира противоречивостью же материального мира. Это была бы либо абсолютная тавтология, либо принимаемый на веру, но не доказуемый постулат. Кстати, Ф. Энгельс и сам это как минимум подозревал. Обратим внимание на то, как уклончиво, а по большому счету формально-логически противоречиво, построено начало его известного рассуждения о материальном единстве мира: «Единство мира состоит не в его бытии, *хотя его бытие есть предпосылка его единства, ибо сначала мир должен существовать, прежде чем он может быть единым*» [32, с. 43].

Не надо быть логиком, чтобы заметить, что это «хотя» полностью перечеркивает основной тезис о *материальной основе единства мира*. Это даже оксюмороном или диалектикой назвать невозможно. Гораздо логичнее было бы выводить существование материи из ничего (если не в библейском смысле, то хотя бы в духе теории Большого взрыва), не вспоминая о бытии вообще, или просто постулировать вечность ее существования *вместо* бытия, но тогда уже надо забыть об онтологическом обосновании материалистической диалектики. Здесь Ф. Энгельс жертвует формальной логикой ради *желания* обосновать тотальность материи, а там, где господствует желание (интерес), логика бессильна, об этом еще Томас Гоббс в XVII веке сказал¹, а позже напомнил Ленин.

Остается атеистический вариант *credo*, что, собственно, и предложил со свойственной ему бескомпромиссностью и безупречной логикой В. И. Ленин, указавший на единственное отличие материалиста от субъективного идеалиста — первый *доверяет* органам чувств, а второй нет [14, с. 130]. *До-верить* (через дефис) показанием наших органов чувств означает *изначально верить* им, а потому в *логических* доказательствах тотальности материи и ее свойств *можно* и не нуждаться. Тут гораздо важнее оказывается *практика*, что и провозгласил Карл Маркс [17, с. 1—2].

4. И еще один комментарий к следующему замечанию Ю. Г. Ершова: «М. Хайдеггер в своей «фундаментальной онтологии» убедительно показал, что об однозначном прочтении чего бы то ни было не может быть и речи — смысл любого сущего и понимание собственного бытия всегда историчны и от-

носительны. Поэтому бытие всегда связано с конкретной ситуацией, временем и пространством, в котором человек себя «застает», поэтому *бытие не пребывает*, оно исторично, временно» [10, с. 97]. На мой взгляд, если что и показал М. Хайдеггер, так это историчность *понимания и переживания личного* бытия каждым человеком, но отнюдь не историчность бытия вообще. Хайдеггер потому и назвал его *DaSain*, т. е. *определенное* тут-бытие; на что, кстати, указывал Хайдеггеру его учитель Э. Гуссерль, заметивший, что «при этом всё становится глубокомысленно неясным и философски теряет свою ценность» [18].

«Чистое» бытие тем и отличалось мыслителями «всех времен и народов», что оно есть нечто *неизменно* пребывающее, *тождественное самому себе*, как, например, Дао у Лао-Цзы, Брахман и Атман в «Упанишадах», идеи Платона, Единое Плотина или Господь Бог у Фомы Аквинского. В противном случае оно было бы не бытием, а существованием. А вот об историчности бытия гораздо логичнее было бы говорить в связи с «общественным бытием», как исходным понятием исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса, но это, как говорится, «совсем другая история», которая выходит за рамки нынешней дискуссии. Это к вопросу рецензента о том, почему в статье *не затронута* то или иное (например, диалектика применительно к истории, культуре; соотношение диалектики и синергетики) [10, с. 97]. Могу только развести руками: я же не вездесущий Бог, а потому охватить всё и сразу в одной статье, как и любой смертный, не в состоянии, хотя охотно поделился бы своими представлениями и по этому, а также многим другим вопросам, обозначенным в рецензии, но в другое время.

А как же обещанная автором в аннотации *«борьба» со стереотипами*? Отвечаю: весь вопрос, с какими стереотипами? С теми, которые сложились в последние полтора-два столетия. Я говорю о *забвении проблемы бытия* и даже «запрете» на метафизическое высказывания в рамках и позитивизма, и постмодернизма, и структурализма, и отчасти классического, а также советского варианта марксизма. Вплоть до 1989 г., когда появился вузовский учебник под редакцией И. Т. Фролова, даже преподавание этой темы в рамках официальной версии марксизма-ленинизма было фактически исключено.

Завершить своё ответное слово Юрию Геннадьевичу Ершову я хочу одной легендарной-притчей. Еще сравнительно молодой Конфуций пришел в Гималаи, чтобы встретиться с доживавшим свой век Лао-Цзы,

¹ «Если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, то люди научились бы их опровергать».

и спросил его: «Как надо жить?» На что Лао-Цзы ответил: «Если бы ты не знал ответа на свой вопрос, ты бы не пришел ко мне».

* * *

Рецензия Виктории Анатольевны Ашимовой — преимущественно критическая, но в том ее и ценность. Любой отрицательный отзыв — это хороший повод для автора не только исправить какие-то ошибки, но и сказать еще раз то, что он уже сказал, но при этом попытаться сделать это лучше, по крайней мере, понятнее. Кроме того, парадоксальным следствием всех отрицательных отзывов является то, что они как бы оттеняют отдельные достоинства критикуемой работы. Например, рецензент с удовлетворением отметила упоминание в статье имени советского философа Э. В. Ильенкова, а также работы А. Ф. Лосева «Философия имени» [3, с. 101].

Приятной неожиданностью для меня стала в целом положительная оценка **трактовки идеального**, раскритикованной Ю. Г. Ершовым, с использованием категории «**отношение**» [3, с. 106], хотя никакой «Америки» я тут не открываю, а, напротив, двигаюсь в русле традиции, идущей от Платона через всю классическую философию, включая марксизм. Маркс неслучайно иногда употреблял слова «идея» и «отношение» через запятую как синонимы. Но, к сожалению, эта сущностная сторона идеального часто оказывается и менее всего понятой, а то и категорично отрицаемой как «позорная уступка классово чуждому идеализму» (достаточно вспомнить ожесточенную полемику Э. Ильенкова и Д. Дубровского 60—70-х гг. XX в.). В целом рецензент согласилась с моей критикой позитивизма и отчасти марксизма за их фактический отказ от понятия бытия, однако сочла моё «отлучение» логиков от философии не обоснованным [3, с. 103—104]. С последним замечанием я, конечно, не могу не согласиться, но все-таки замечу, что «голая», точнее, формальная логика **без метафизики** — это для меня не философия, а только один из «инструментов» ее, хотя и очень важный. Кстати, у Гегеля есть любопытное замечание по поводу англичан, которые называют философией, всё, что угодно, но мудрый Гегель не осудил такое весьма «расширенное» использование слова «философия», а увидел в этом проявление уважительного к ней отношения. Но то был Гегель...

В отзыве В. А. Ашимовой — помимо замечаний по логике изложения¹ — основа-

¹ Вряд ли взаимный формально-логический разбор моих суждений и оценок рецензента

тельной критике подвергнуты три важных момента:

1) характеристика метода феноменологической редукции Э. Гуссерля (эпохе); 2) трактовка единства существования, бытия и небытия, а также увязанная (рецензентом) с этим единством способность человека к трансцендированию; 3) понимание сущности философии М. Хайдеггера.

Мои суждения о феноменологической редукции *ἐποχή*² как методе философствования рецензент характеризует как «пустую риторику». Поэтому я вынужден еще раз обозначить свою позицию в этом вопросе в надежде наполнить свою риторику хоть каким-то содержанием. К сожалению, вынужден констатировать, что моё понимание феноменологии и ее метода **либо** кардинально отличается от того, которое есть у Виктории Анатольевны, **либо** я, увы, вообще не понимаю, в чем суть феноменологического метода Гуссерля. Кстати, не было полного понимания сущности этого метода и у последователя и одновременно оппонента Гуссерля Хайдеггера: я имею в виду их упомянутую выше полемику о сущности феноменологического метода [18], когда для первого метод *ἐποχή* («убрать за скобки») означает определить *бытие без сущего*, а для другого — свести «бытие вообще» к *бытию личностному*. Слово *ἐποχή* используют одно и то же, а **примарное** значение вкладывают в него совершенно разное.

О методе *ἐποχή*, как правило, говорят в неразрывной связи с другим принципом, введенным Э. Гуссерлем, — **интенциональностью** как устремленностью (направленностью) чистого сознания к предметности. На мой взгляд, конституирование этого понятия стало важной вехой в развитии философии сознания прежде всего в *онтологическом*, а не экзистенциальном, как принято считать, аспекте. Оно стало своего рода антропологической «**персонализацией**» божественного акта-бытия, о котором писал Фома Аквинский, а позже развивали (преимущественно вне теологической терминологии) Фихте, ранний Шеллинг, Гегель. А вот предложенный Гуссерлем принцип *ἐποχή* как некий специфически феноменологический метод будет интересен кому-то, кроме нас двоих, поэтому, на мой взгляд, лучше будет ознакомить В. А. Ашимову с ответом на эту часть критики в приватном порядке, если, конечно, того пожелает рецензент.

² От греч. «задержка, остановка, удерживание, самообладание»; центральное понятие древнегреческого скептицизма, воздержание от суждения; введено Пирроном в III в. до н. э. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%AD%D0%9F%D0%9E%D0%A5%D0%95.

тод философствования, **выявления** чистого Я-бытия, так никому и не удалось применить **на практике**, что и констатировал выдающийся французский (заметьте!) феноменолог Морис Мерло-Понти [30, с. 85], а Хайдеггер сделал это de facto, признав в зрелом возрасте неудачным свой подход к решению проблемы бытия в своем самом известном труде 1927 г. «Бытие и время». Мне представляется, что по-другому и быть не могло по той простой причине, что понятие интенциональности изначально уже предполагает, что речь идет о **явленности** чистого Я-бытия как некоего *света*, позволяющий видеть вещи, которые в силу этого и становятся для человека **предметами**, так или иначе переживаемыми, притягательными или отталкивающими, радующими или ужасающими, и в той или иной степени познаваемыми. Таким образом, всё дело в том, что принцип интенциональности делает применение метода ἐποχή бессмысленным, поскольку то, что предполагается получить в результате его применения, уже **изначально постулировано** (по крайней мере, у Хайдеггера).

«Заслуга феноменологии Э. Гуссерля и его последователей, <...>, — отмечает В. А. Ашимова, — в том, что они предлагают посмотреть на **«вещь саму по себе»**, как она есть, без отсылки, без сопоставления с тварным, «чтойным», миром» [3, с. 102]. Желая подчеркнуть **отличие гегелевской феноменологии и феноменологии Гуссерля-Хайдеггера**, В. А. Ашимова подчеркивает, что «Хайдеггер <...> использовал феноменологический метод, чтобы заново определить бытие само по себе, а не как основу сущего, а также сущность человека саму по себе, *не через отличие, чем она не является*, не через сравнение с неодушевленными вещами, не через сведение к «чтойности» [3, с. 100].

Что такое феноменология духа у Гегеля, — это я еще способен как-то уразуметь. Полагаю, что у Гегеля речь идет о **явленности бытия в существовании**, о том, КАК бытие (оно же Абсолютная идея) — в процессе разрешения присущих ей диалектических противоречий (тождества различий) — ЯВЛЯЕТ себя во всем своем многообразии, начиная с понятий (логики), законов природы, субъективного и объективного духа и заканчивая (на ступени абсолютного духа) осознанием себя в форме философской рефлексии в своей необходимости, а необходимости как свободы [9, с. 303]. А вот, что такое метод феноменологической редукции Гуссерля — Хайдеггера (ἐποχή), а главное — **как его применить практически**, это для меня остается тайной за семью печатями.

Действительно, констатация отличия одной вещи от другой (даже если речь идет о бытии, которое и вещь-то назвать нельзя) еще не является достаточным определением качества вещи. Например, из утверждения о том, что N — это не камень, вовсе не обязательно следует, что N — это дерево, хотя может оказаться и им тоже. Впрочем, главное в суждении рецензента касается совсем другого — того, что определение бытия как **основания** сущего, ничего не говорит нам о том, **каково** это основание **само по себе**. С этим невозможно не согласиться. Далее рецензент приводит слова Хайдеггера о том, что, «с самого начала и до конца исследования определению подлечит не внешний вид этого сущего, но исключительно только его способ быть, не «что» его составных частей», а [далее идут слова рецензента — А. Ч.] каким образом человеческое бытие все-таки есть [3, с. 102].

Нисколько не сомневаюсь в том, что вопрос о **способе бытия** какой-либо вещи нельзя подменять вопросом о ее внешнем виде и составе. Но Хайдеггер был вынужден говорить об этом именно потому, что на уровне обыденного сознания бытие чаще всего понимается как некая совокупность физических объектов. В таком понимании есть одновременно **и реализм** со своей житейской мудростью, но вместе с тем и некая философическая **наивность**. Однако приведенное суждение Хайдеггера ничуть не продвигает меня в понимании того, что есть **бытие само по себе**, то есть бытие безотносительно к конечным вещам (будь то материальными или идеальными), но об этом, кстати, в приведенном высказывании Хайдеггера **речь вообще не идёт**.

Согласно логике рецензента, предполагается, что «таинственный» метод феноменологической редукции (ἐποχή) позволил Хайдеггеру дать принципиально новый ответ на вопрос, мучивший философов тысячелетиями, «Что есть бытие **само по себе?**» И в чем же заключается ответ Хайдеггера? При всей многоаспектности трактовки бытия, которую Хайдеггер развивал и углублял на протяжении многих лет, тем не менее, и в работе 1927 г. «Бытие и время», и в более поздних трудах Хайдеггер **всегда** исходил из положения о том, что **бытие есть бытие сущего** [20]. Чем же в таком случае оно отличается от классической трактовки, согласно которой никакого иного способа, кроме как **быть посредством сущего (существования)**, у бытия нет и быть не может (даже Господь Бог являет своё бытие, творя мир)? По большому счету, НИЧЕМ. Существование — это и есть СПОСОБ быть. Иначе говоря,

единственно мыслимый способ бытия — это обретение им статуса существования в форме конечных вещей (для познающего субъекта феноменов) или **их отсутствия**, поскольку бытие не сводится только к способу, каким оно **есть как вещь**, но включает в себя и способность быть **ничем**, которое тот же Хайдеггер (и не только он, достаточно вспомнить Гераклита: «Всё существует и не существует одновременно») выводил всё из того же существования, например, «ничто-из-сущего», каковыми Хайдеггер называл пространство и время.

Главной отличительной чертой всякой конечной вещи (для субъекта феномена) является **качество**, то есть, по Гегелю, тождественная с бытием **определенность** вещи. Убирая за скобки существование вещей (бытия в его определённости), мы тем самым убираем за скобки и СПОСОБ бытия, поэтому ἐποχή как способ обнаружения чистого бытия (бытия самого по себе) — это поиск «черной кошки в темной комнате при том, что этой кошки там нет». Сказать что-либо о бытии самом по себе, то есть безотносительно к существованию, еще никому и никогда не удавалось. И вряд ли эту цель мог ставить Хайдеггер, который, кстати, начинал свой путь в философии с изучения средневековой схоластики и был прекрасно осведомлен о принципиальной невозможности решения проблемы бытия таким способом. Самое большее, что он мог себе позволить, так это трактовать бытие как **со-бытие**, сопричастность и даже **«присвоение»** бытия как некой собственности, но и в этом случае **невозможно «перепрыгнуть» через существование** ни того, для кого существует (по Хайдеггеру, «присутствует») со-бытие, ни того, кто это со-бытие порождает или «присваивает» самим фактом своего существования.

Новаторство и величие Хайдеггера в трактовке бытия состоит не в том, что он наконец-то решил в принципе нерешаемую задачу, а именно определить «бытие само по себе», а в том, что он поставил проблему бытия в условиях, когда о бытии многие философы (от позитивистов до марксистов) предлагали забыть или сделать вид, что его просто нет. Более того, Хайдеггер отважился показать бытие как нечто само себя ПЕРЕЖИВАЕМОЕ посредством человека, выступающим по отношению к «бытию вообще» неким СО-БЫТИЕМ. Впрочем, так же, как и «бытие вообще» в статусе конечных вещей мира существования выступает по отношению к человеку в качестве со-бытия. Таким образом, традиционные для мировой философии варианты понимание бытия как

«чистого» **наличия и действия**: 1) либо материи; 2) либо воли; 3) либо мышления; 4) либо чувственности, — Хайдеггером было дополнено, образно говоря, неким интегральным **для человека** «пятым элементом» (квинтэссенцией) — **переживанием субъектом здесь-бытия** (DaSain, в поздних работах Seyn). Хайдеггер не упразднил гегелевскую самоё себя познающую Абсолютную идею, а, скорее, пошел ей навстречу через тернии мира существования; пошел **со стороны человека** как присутствия (явления) Я-бытия в сущем, как некоего «просвета» в мире существования конечных вещей. Отсюда — и знаменитое DaSain, и всевозможные «экзистенциалы» (забота, падение, заброшенность, ужас, проект и т. д.), и «ничто-из-сущего» (пространство и время). Наверное, констатировать и постулировать тут можно было еще много чего: хватило бы поэтического воображения, которым Хайдеггер обладал сполна: он ведь, подобно досократикам и поэтам всех времен, не столько доказывал, сколько **постулировал** свои интуитивные озарения и фиксировал переживания человеком себя в мире своим весьма своеобразным языком. Но тем и велик.

Что же касается **апофатического богословия**, которым, кстати, я вовсе не восхищаюсь, как это показалось рецензенту [З, с. 102], то, с логической точки зрения, — это абсолютизация одного из трех действий чистого рассудка (утверждения, отрицания, ограничения) в определении качества, на которые указал И. Кант в трансцендентальной аналитике понятий [11, с. 175]. А с точки зрения эмоциональной, — выражение «логического» отчаяния, постигающего всякого, кто безуспешно пытается «загнать» вечное и бесконечное, каковым представляется верующему человеку Бог, в «прокрустово ложе» каких бы ни было дефициций (буквально «ограничений»). Отсюда — непрекращающийся со времен раннего средневековья спор между сторонниками апофатики и катафатики. Не берусь судить о том, чья логика оказалась продуктивнее, поскольку проблемы богословия вообще находятся за пределами моих интересов: об апофатике я упомянул вскользь в связи с отождествлением средневековыми философами-теологами понятий «бытие» и «Бог», поскольку они столкнулись с логической проблемой, аналогичной той, о которой говорилось выше, а именно о невозможности определения Бога самого по себе, т. е. безотносительно к сущему, и как следствие — **интенция к агностицизму**, которая наглядно присутствует у того же Фомы Аквинского, согласно

которому, как утверждал Этьен Жильсон, высказывание «Бог есть» — это единственный случай, когда мы **не можем знать** смысла глагола «есть» [6, с. 17].

Меня, мягко говоря, удивила интерпретация рецензентом моего замечания относительно **проблемы отношения бытия и небытия** в истории философской мысли. Ссылаясь на моё высказывание о том, что, «поскольку в такой «онтологической бездне» никакого различия между **бытием и небытием** либо нет, либо мы его не в состоянии увидеть и как-то определить» [30, с. 84], рецензент, во-первых, ошибочно приписывает мне **сомнение** в том, есть ли бытие; во-вторых, вообще **не видит здесь никакой проблемы**, мол, [цитирую] «есть устоявшиеся определения бытия, ничто, небытия, сущего, сущности, существования. Это фундаментальные категории онтологии. Они закреплены в учебниках. Парменид и М. Хайдеггер смогли всё «увидеть» и «определить», и даже Гегель с А. Ф. Лосевым с помощью диалектики всё разглядели в «онтологической бездне» [3, с. 105].

В том, что бытие «есть», лично я несколько не сомневаюсь. Сомневаться можно лишь в том, исчерпывается ли бытие этим самым «есть». Плотин, например, называя бытие Единым, утверждал, что о нём нельзя сказать ни того, что оно есть, ни того, что его нет. Да и вся история философского осмысления мира полна таких сомнений, а также диаметрально противоположных и весьма категоричных заявлений и, соответственно, многовековых споров. Так, Парменид, а вслед за ним и Аристотель заявляли: «Бытие есть, небытия нет», а какой-нибудь сторонник древней индуистской традиции столь же безапелляционно утверждает: «Всё есть иллюзия: бытия нет, есть небытие». Сторонников такого суждения и в наше время немало. Например, этот взгляд на бытие разделял А. Н. Чанышев, создавая некую нигилиологию как альтернативу онтологии. А ещё есть и совсем крайний (солипсический) вариант онтологического нигилизма: «Всё есть Абсолютное Ничто», которое оказывается вообще «по ту сторону» бытия и существования [23]. Этому принципу, наверное, можно было бы противопоставить иной принцип: «Всё есть Абсолютное Всё» (в сущности, это вариант лейбницевской монадологии). Наконец, последовательный агностик («правовернее» Канта, который худо ли бедно смягчал своей агностицизм, допуская **аффицирование** и **полагание** в целом непознаваемой вещи-самой-по-себе, чтобы как минимум не впасть в солипсизм) может столь же категорично заявить в духе

Лао-Цзы — философа «Великого молчания»: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать». Это знаменитое изречение Л. Витгенштейна как раз и провозглашает **запрет вообще что-либо высказывать относительно бытия и небытия** [5; 24].

Вот эту ситуацию я и сравнил с онтологической бездной, в которой невозможно разглядеть различий между бытием и небытием, и, казалось бы, теряется всякая надежда на их понимание. На мой взгляд, этот образ достаточно наглядно отображает **драматизм** ситуации с философским осмыслением бытия, и я не намерен от него отказываться, хотя лично мне наиболее близок **диалектический** вариант решения этой проблемы. Вариант в духе Гераклита (**всё существует и не существует одновременно**) и Гегеля (**бытие тождественно ничто** — таково исходное состояние Абсолютной идеи). Я даже готов принять хайдеггеровское **«ничто-из-сущего»**, несмотря на всю экстравагантность и загадочность этой словесной конструкции применительно к пространству и времени.

Тут речь идёт о том, что Кант называл «изменчивостью мира существования по отношению к постоянству созерцающего Я» [11, с. 148—149]. И кантовская-то формулировка далеко не из простых, требующая пространного комментария, а Хайдеггер уж и вовсе «зашифровал» её так, будто речь идет о страшной военной тайне. Между тем хайдеггеровская метафора обозначает лишь то, что время, как и пространство, с одной стороны, есть атрибуты эмпирически познаваемой реальности (из-сущего); с другой стороны, — ни время, ни пространство для человека не являются чувственно воспринимаемыми материально-вещественными объектами, а лишь **отношением** изменчивого мира существования к Я-бытию, т. е. оказываются неким подобием «ничто», поскольку ни у времени, ни у пространства нет свойств, присущих чувственно воспринимаемым вещам. Метафора «ничто-из-сущего» точна и, может быть, по-своему прекрасна (это уж на любителя). Ею можно наслаждаться как поэтическим образом, предварительно поняв, но с ее помощью трудно **объяснить** мироздание.

Впрочем, в данном случае для нас важно не это, а то, что тут мы имеем наглядную иллюстрацию и одновременно частное подтверждение того, что **понятие бытия невозможно хоть как-то интерпретировать, отвлекаясь от понятий «небытие», «сущее» и «ничто»**. Вот почему в статье после слов об «онтологической бездне» я говорю о древнекитайских неразрывно связанные

друг с другом понятиях У-цзы — отсутствие предела или бытие, которого нет (символ — пустой круг), и Тай-цзы — Великий предел, символ:

В моем тексте это больше чем «пример». Это обозначение **исходного (исторически и логически) принципа понимания бытия**, причем, не только у древних китайцев. Аналогично и в древнеиндийской мифологии: мир есть, но вместе с тем — это иллюзия. У древних греков были, конечно, иные образы — Хаос и Космос, но суть их та же, ибо Хаос в восприятии древних — это небытие как вызывающее ужас **разрушение** миропорядка, а упорядоченное состояние, или Космос, это и есть подлинное бытие. Хаос и Космос — это не просто то, что когда-то одно пришло на смену другому. Это характеристика мироздания в его **вечном становлении**, в которой Хаос вечно организуется в Космос, а Космос в каждое мгновение своего существования превращается в Хаос. Кстати, на этой, как говорили в советские времена, «стихийной диалектике» древнегреческой мифологии базируется **синергетика** [21], но, кроме того, она включает в себя теорию систем. Однако тема соотношения диалектики и синергетики требует отдельного разговора.

Мое утверждение о том, что *«выйти за пределы бытия также невозможно, как и за пределы небытия»* [30, с. 91] вызвало категорическое несогласие и даже спровоцировало рецензента изложить своё понимание сущности **трансцендирования**, которое она проиллюстрировала яркими примерами. Цитирую: «...вы сидите на скамейке в парке в городе Екатеринбурге — и ничто не мешает вам «перенестись» мысленно в Тюбингенский университет в 1790 г. с тем, чтобы обсудить Спинозу с друзьями — Шеллингом, Гегелем и Гельдерлином. В парке в это время будет находиться лишь тело, которое ничего не слышит и не видит, а лишь создаёт видимость присутствия <...> Итак, мы можем постоянно возвышаться над сущим, выходить за его рамки, пределы» [3, с. 104].

Признаюсь, я впервые встречаюсь с такой интерпретацией понятия «трансцендирование» (от лат. *transcendens*, «переступающий», «превосходящий», «выходящий за пределы»), наивно полагая, что это философское понятие неоплатоника Дионисия Ареопагита, средневекового схоласта Фомы

Аквинского, критического рационалиста Иммануила Канта, экзистенциалиста Карла Ясперса, гуманиста-феноменолога Кароля Войтылы (папы римского Иоанна-Павла II) относится не к фантазиям или воображению человека, а является обозначением его сущностной характеристики — способности **выходить за пределы чувственного опыта, постигая бытийную основу** мироздания: глубинный смысл и конечную цель сущего, предназначение человека во Вселенной, нравственный закон, прекрасное как таковое, абсолютную истину, Бога и т. д. Способность выходить туда, где теряют смысл понятия места и времени (хоть реального, хоть воображаемого), поскольку речь идет о абсолютном, вечном и бесконечном, а главное — **в принципе не выводимым из эмпирической реальности**.

Не только фантазии о путешествии во времени и пространстве, но даже мечты о рае нельзя назвать результатом трансцендирования, поскольку они основываются на приукрашенном чувственном опыте людей. Трансцендентное противоположно трансцендентальному — тому, что доступно в пределах чувственного опыта и выводится из него. Для Канта трансцендентное (в отличие от трансцендентального) всегда **проблематично**. В него можно верить, но доказать его истинность невозможно, уже хотя бы потому, что в этом случае мы с неизбежностью впадаем в **антиномию** чистого разума. Но даже если бы природа в одночасье открыла человеку все свои тайны, то и в этом случае, — подчеркивал Кант, — мы никогда не сможем выйти «за границы природы, за которыми для нас нет ничего, кроме пустоты» [11, с. 591]. Логика Канта вполне понятна в свете его **агностицизма** как утверждения принципиальной непознаваемости бытия, а также веры как свободы выбора человека, тогда как понимание человека как **явления Я-бытия**, делает способность человека к трансцендированию не только возможной, но и **необходимой**.

Что же касается самого суждения *«выйти за пределы бытия также невозможно, как и за пределы небытия»*, то житейский смысл его очень прост: еще никому не удалось, будучи в добром здравии, ясном уме и твердой памяти, побывать на том свете и благополучно (всё в том же качестве) вернуться назад в посюсторонний мир, мир конечных вещей и чувственного опыта, мир природы как естественной необходимости. Хотя в сказках многих народов мира есть образ храброго солдата, побывавшего и в аду, и в раю, и вернувшегося на землю целехоньким и невредимым.

За что я очень **благодарен** Виктории Анатольевне, так это за **вывод**: «Итак, что мы имеем в итоге, в «сухом остатке». На крайних полюсах находятся чистое бытие и трансцендентное Я, которые тождественны и самоочевидны, но невыразимы. Между ними мир существования конечных вещей, включая эмпирическое Я, которые познаваемы бесконечно, причем всякое познание — это познание сущности, (или) бытия, в существовании конечных вещей, а поскольку «всякий субъект познания в своем основании есть Я-бытие, то можно сказать, что это *само бытие задает вопросы существованию*, вопрошая его о его же смысле...» [3, с. 107]»

Право, сегодня я бы и сам с удовольствием завершил и свою статью, и ответ рецензентом этим пассажем, в котором кратко и ёмко, а главное очень корректно выражена суть моей концепции, если бы не последующие комментарии к этому абзацу в духе «гора родила мышь». Рецензента почему-то разочаровало следующее: «**то, что началось как онтология, закончилось как экзистенциализм**» [3, с. 107]. Я не могу знать, какие на то были причины, но для меня очевидна логическая и содержательная некорректность этого суждения. Дело в том, что онтология вовсе не исключает экзистенциологию **как учение о существовании**. Более того, онтология, эта важнейшая **составляющая** философии, призвана осмысливать проблемы не только «чистого» бытия, но и существования. Недаром средневековые схоласты (вслед за Северином Бозцием) наряду с понятием **essentia** (некой божественной сущностью, собственно, бытием как таковым) использовали и очень строго отличали друг от друга такие понятия, как **existentia** (существование конечных вещей), **consistentia** (взаимоопределяемость форм существования конечных вещей) и, наконец, **subsistentia** как индивидуальное, или личностное, бытие/существование человека [4]. Всё это различные и при том неразрывно связанные друг с другом аспекты или, говоря языком схоластов, модусы (*modus*) бытия, которые в совокупности, собственно, и составляют **предмет онтологии**.

Что же касается экзистенциализма **как конкретно-исторического направления** в европейской философии, представленное такими мыслителями, как С. Кьеркегор, Л. Шестов, отчасти Н. Бердяев, М. Пруст, А. Камю, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и др., то и он никогда просто не мог избежать традиционной онтологической проблематики. Это особенно наглядно выразил в своем творчестве всё тот же Хайдеггер, который, напоминая, начинал

свой творческий путь с изучения средневековой схоластики. Он потому так отчаянно и открещивался в поздний период своей деятельности от принадлежности к экзистенциализму, что его учение было бы точнее называть на манер схоластов **субсистенциализмом**, то есть осмыслением личностного бытия/существования человека. Сегодня такой подход Хайдеггера — по аналогии с философией Николая Бердяева, Эмманюэля Мунье и Жака-Люка Мариона — можно было бы определить как **персонализм**.

1. Аристотель. О софистических опровержениях // Сочинения : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1978. С. 533—593.

2. Асмус В. Ф. Античная философия : учеб. пособие. М. : Высш. школа, 1976. С. 333.

3. Ашимова В. А. К дискуссии о «проблеме познаваемости мира в свете диалектики бытия и существования» // Социум и власть. 2019. № 4 (78). С. 101—108.

4. Бородай Т. Ю. Бозций // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М. : Мысль, 2001.

5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Э. А. Сокулер. Лекции по философии Витгенштейна. URL: [https://docviewer.yandex.ru/view/81534763/?page=1&*\(дата обращения: 25.10.2019\)](https://docviewer.yandex.ru/view/81534763/?page=1&*(дата обращения: 25.10.2019)).

6. Гайденко П. П. Об исходных понятиях доктрины Фомы Аквинского // Ф. Аквинский. Онтология и теория познания : фрагменты соч. М. : Ин-т философии РАН, 2001. С. 3—32.

7. Гегель Г. Гераклит // Лекции по истории философии. URL: <https://litra.pro/lekcii-po-istorii-filosofii-kniga-pervaya/gegelj-georg-viljeljm-fridrih/read/54> (дата обращения: 25.10.2019).

8. Гегель Г. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале 19-го столетия. // Кантовский сборник. Вып. 13. Калининград, 1988. С. 148—174.

9. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. Т. 3. С. 303.

10. Ершов Ю. Г. К дискуссии о бытии и существовании // Социум и власть. 2019. № 4 (78). С. 93—100.

11. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.

12. Латинско-русский словарь. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/latin_rus/ (дата обращения: 25.10.2019).

13. Лебедев В. А. Гераклит. // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М. : Мысль, 2001.

14. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полное собрание сочинений. Т. 18. М., 1956. С. 100.

15. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад // Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1954. С. 400.

16. Любутин К., Пивоваров Д. Синтетическая теория идеального. Псков : ПОИПКРО, 2000.

17. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 3. М., 1964. С. 1—2.

18. Молчанов В. И. Бытие и сознание. Критика феноменологической философии. URL: <https://fil.wikireading.ru/15840> (дата обращения: 25.10.2019).

19. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. М. : Мысль, 2001.

20. Платон. Софист // Сочинения : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993. С. 329—412.

21. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой : пер. с англ. / общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. М. : Прогресс, 1986. 432 с.

22. Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М. : Худ. лит., 1976. С. 194.

23. Самойлов В. Доктрина гиперанархизма. URL: https://ridero.ru/books/doktrina_giperanarkhizma/ (дата обращения: 25.10.2019).

24. Сокулер З. А. Лекции по философии Витгенштейна. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/81534763/?page=1&* (дата обращения: 25.10.2019).

25. Тульчинский Г. Л. Персонологический синтез парадигмы познания // Социум и власть. 2019. № 4 (78). С. 88—92.

26. Фейербах Л. К критике философии Гегеля // Сочинения. Т. 1. М. : Наука, 1955. С. 23—55.

27. Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарика, 2004.

28. Хайдеггер М. Что такое философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113—123.

29. Цендровский О. Понятие бытия (Sein) в философии М. Хайдеггера и её методологические особенности // Философская мысль. 2016. № 9. С. 18—36.

30. Чупров А. С. Проблема познаваемости мира в свете диалектики бытия и существования // Социум и власть. 2019. № 2 (76). С. 82—95.

31. Чупров А. С. Диалектика. История вопроса. URL: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/dialektika-istoriya-voprosa> (дата обращения: 25.10.2019).

32. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. 858 с.

References

1. Aristotel' (1978). O sofisticheskikh opроверzheniyah // Sochineniya: v 4 t. T. 2. Moscow, Mysl' Publ., 687 p. [in Rus].

2. Asmus V.F. (1976) Antichnaya filosofiya. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 544 p. [in Rus].

3. Ashimova V. A. (2019) *Socium i vlast'*, no. 4 (78), pp. 101—108 [in Rus].

4. Borodaj T.Yu. (2001) Boecij // Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. Moscow, Mysl' Publ. [in Rus].

5. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat // Z.A. Sokuler. Lekcii po filosofii Vitgenshtejna. Available at: https://docviewer.yandex.ru/view/81534763/?page=1&*, accessed 25.10.2019 [in Rus].

6. Gajdenko P.P. (2001) Ob iskhodnykh ponyatiyah doktriny Fomy Akvinskogo // F. Akvinskij. Ontologiya i teoriya poznaniya. Moscow, Institut filosofii RAN Publ., p. 17 [in Rus].

7. Gegel' G. Geraklit. Lekcii po istorii filosofii. Available at: <https://litra.pro/lekcii-po-istorii-filosofii-kniga-pervaya/gegelj-georgviljeljm-fridrih/read/54>, accessed 25.10.2019 [in Rus].

8. Gegel' G. (1988) Razlichie mezhdou sistemami filosofii Fihte i SHellinga v sootnesenii s robotami Rejngol'da, imevshimi cel'yu oblegchit' obzor sostoyanii filosofii v nachale 19-go stoletiya // Kantovskij sbornik. Iss. 13. Kaliningrad, p. 156 [in Rus].

9. Gegel' G. (1977) Enciklopediya filosofskih nauk. T. 3. Moscow, Mysl' Publ., 472 p. [in Rus].

10. Ershov Yu.G. (2019) *Socium i vlast'*, no. 4 (78), pp. 93—100 [in Rus].

11. Kant I. (1994) Kritika chistogo razuma. Moscow, Mysl' Publ., 591 p. [in Rus].

12. Latinsko-russkij slovar. Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/latin_rus, accessed 25.10.2019 [in Rus].

13. Lebedev V.A. (2001) Geraklit // Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. Moscow, Mysl' Publ. [in Rus].

14. Lenin V.I. (1956) Materializm i empiriokriticizm // Polnoe sobranie sochinenij. T. 18. Moscow, 525 p. [in Rus].

15. Lenin V.I. (1954) Shag vpered, dva shaga nazad // Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. Moscow, p. 400 [in Rus].

16. Lyubutin K., Pivovarov D. (2000) Sinteticheskaya teoriya ideal'nogo. Pskov, POIPKRO Publ. [in Rus].

17. Marks K. (1964) Tezisy o Fejerbahe // K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. T. 3. Moscow, pp. 1-2 [in Rus].

18. Molchanov V.I. Bytie i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii. Available at: <https://fil.wikireading.ru/15840>, accessed 25.10.2019 [in Rus].

19. Novaya filosofskaya enciklopediya (2001). Moscow, Mysl' Publ. [in Rus].

20. Platon (1993). Sofist // Sochineniya: v 4 t. T. 2. Moscow, Mysl' Publ., pp. 329—412 [in Rus].

21. Prigozhin I., Stengers I. (1986) Poryadok iz haosa: novyj dialog cheloveka s prirodoy. Moscow, Progress Publ., 432 p. [in Rus].

22. Pushkin A.S. (1976) Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg // Sobranie sochinenij : v 10 t. T. 6. Kritika i publicistika. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., p. 194 [in Rus].

23. Samojlov V. Doktrina giperanarhizma. Available at: https://ridero.ru/books/doktrina_giperanarkhizma, accessed 25.10.2019 [in Rus].

24. Sokuler Z.A. Lektsii po filosofii Vitgensteyna. Available at: [https://docviewer.yandex.ru/view/81534763/?page=1&*](https://docviewer.yandex.ru/view/81534763/?page=1&*,), accessed 25.10.2019 [in Rus].

25. Tul'chinskij G.L. (2019) *Socium i vlast'*, no. 4 (78), pp. 88—92 [in Rus].

26. Fejrbah L. (1955) K kritike filosofii Gegelya // Sochineniya. T. 1. Moscow, Nauka Publ., pp. 23—55 [in Rus].

27. Filosofiya. Enciklopedicheskij slovar' (2004). Moscow, Gardariki Publ., Stanovlenie Publ. [in Rus].

28. Hajdegger M. (1993) *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 113—123 [in Rus].

29. Cendrovskij O. (2016) *Filosofskaya mysl'*, no. 9, pp. 18—36 [in Rus].

30. Chuprov A.S. (2019) *Socium i vlast'*, no. 2 (76), pp. 82—95 [in Rus].

31. Chuprov A.S. Dialektika. Istoriya voprosa. Available at: <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/dialektika-istoriya-voprosa>, accessed 25.10.2019 [in Rus].

32. Engels F. (1961) Anti-Dyuring // K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. T. 20. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 858 p. [in Rus].

For citing: Chuprov A.S.

Dialogues on the edge of the ontological abyss (response to the reviewers) //

Socium i vlast'. 2019. № 5 (79). P 123—137.

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-123-137

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-5-123-137

UDC 101.1

DIALOGUES ON THE EDGE OF THE ONTOLOGICAL ABYSS (RESPONSE TO THE REVIEWERS)

Alexander S. Chuprov,

Blagoveshchensk State Pedagogical University, the Department Chair of General History, Philosophy and Cultural Studies,

Doctor of Philosophy, Professor

The Russian Federation, 675000,

Amur region, Blagoveshchensk, ulitsa Lenina, 104

E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Abstract

In response to the participants of the discussion evolved around the article "The problem of the world's cognoscibility in the light of being and existence dialectics", the author explains the essence of his approach to philosophical problems and focuses on the continuity of his concept with classical ideas of existence and its cognoscibility, sets out his understanding of the categories "ideal" and "real," dialectics of being and not-being, the principle of genesis, the essence of transcendence and the subject of ontology; the author also analyses E. Husserl's ontognoseological ideas and M. Heidegger's philosophy nature.

Key concepts:

ontology,
being,
not-being,
I-being,
personalism,
existence,
dialectics,
intuition,
logic,
concept.

ICPP 2020 Moscow

Philosophical practice for self-knowledge by means of intellectual creativity

Уважаемые коллеги!

Научно-образовательный центр практической и прикладной философии Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета), организованный совместно с Институтом философии Российской академии наук, объявляет об открытии регистрации на **XVI международную конференцию по философской практике, которая состоится в Москве 28—31 июля 2020 г.** Тема конференции: **«Философская практика: самопознание посредством интеллектуального творчества».**

Регистрация участников открыта на сайте конференции: <https://www.icpp2020.ru>.

Срок подачи тезисов или описания формата участия — **до 29 февраля 2020.**

Название мероприятия: 16-я Международная конференция по философской практике «Философская практика: самопознание посредством интеллектуального творчества» (Москва, 28—31 июля 2020 г.).

Что такое философская практика? Это направление прикладной философии, которое предлагает различные формы работы с мировоззренческими вопросами людей с использованием методик критического мышления, сократического диалога, философского консультирования, философского партнерства и многого другого.

Для чего? Целью и побудительным мотивом для данной работы являются духовные запросы современного человека для выработки им индивидуальных путей самоопределения в новом культурном и образовательном пространстве, успешной адаптации к изменениям, самопознания собственных возможностей, потребностей и достижений. Философская практика предполагает разнообразные формы и методы организации деятельности по оказанию консультационной помощи по вопросам личностного и духовного развития для всех возрастных и социальных категорий.

На какую целевую аудиторию рассчитано мероприятие? Это будет интересно и полезно философам, педагогам, психологам, социальным работникам, а также ученым, изучающим специфику современного мировоззрения, кроме того, это будет интересно и полезно всем желающим, независимо от рода деятельности и специальности, кто хотел бы изучать философию, практиковать ее в повседневной жизни для умения разбираться в себе, принятия эффективных решений, налаживания плодотворного общения.

История конференций: Начиная с 2014 г. российские философы-практики сотрудничают с ассоциациями философов-практиков разных стран. С 1994 г. международные конференции по философской практике проводятся в разных странах мира. Такие страны, как Канада (1994), Нидерланды (1996, 2010), США (1997), Германия (1998), Великобритания (1999), Норвегия (2001), Дания (2004), Испания (2006), Италия (2008), Южная Корея (2012), Греция (2013), Сербия (2014), Швейцария (2016), Мексика (2018), принимали эти конференции. На последней конференции в Мексике было принято решение проводить очередную конференцию в 2020 г. в России в Москве.

Целью 16-й международной конференции по философской практике является обмен опытом работы философов-практиков для прояснения места и роли философской практики в современной интеллектуальной жизни, целей, принципов и методов работы представителей этого направления прикладной философии, а также налаживания взаимодействия данного направления с академической философией.

Основные темы:

- практики «заботы о себе»: история и современность;
- философская пропедевтика;
- индивидуальное философское консультирование: основные методики;
- групповое философское консультирование: основные методики;

-
-
- философская практика в образовании, бизнесе, управлении, социальной работе;
  - философия для детей;
  - философская практика и психотерапия;
  - критическое мышление и сократический диалог;
  - как организовать философское партнерство;
  - философский образ жизни.

Основные форматы участия:

Воркшоп (демонстрация рабочего процесса опытного мастера для широкой аудитории с целью поделиться идеями и практическими навыками в области данной деятельности) (60 минут).

Интерактивная теоретическая презентация в стиле TED (выступление с целью раскрытия смысла и потенциала важной и интересной идеи, которая может вдохновить, пробудить мысль и инициировать деятельность) (20 минут).

Панельная дискуссия (выступление нескольких спикеров, которых объединяет одна актуальная тема, общая идея или направление работы с последующими ответами на вопросы аудитории и обсуждением) (60 минут).

Открытая лекция (системное, глубокое и последовательное изложение наиболее актуальной и значимой темы, идеи или проблемы с последующими ответами на вопросы аудитории и обсуждением) (60 минут).

Круглый стол (совместное обсуждение актуальной проблемы с целью обобщения идей и мнений участников, выступающих в

роли равноправных пропонентов) (60 минут).

Презентация книги (краткий анонс книжной новинки, журнала или интернет-издания с последующими ответами на вопросы аудитории и обсуждением) (20 минут).

Постер-презентация (выступление с целью изложения главных идей или опыта работы, иллюстрируемое ярким и содержательным постером; постеры будут размещаться на видном месте в течение всей конференции; в определенное время (дважды в течение конференции) они могут быть представлены авторами) (20 минут).

Кроме того, в течение конференции будут проводиться бесплатные **философские консультации** наиболее видных представителей философской практики. Длительность консультации 30 минут.

Возможных участников просим проходить предварительную регистрацию, присылать тезисы (250 слов) или описание формата участия, сопровождаемые авторской справкой (200 слов) по адресу: borisovsv69@mail.ru

Крайний срок для тезисов или описания формата участия 29 февраля 2020. Решения о принятии и регистрации будут готовы к 30 апреля 2020.

Рабочий язык конференции: **английский / русский**.

Примерное количество участников — **200 человек**.

Продолжительность работы конференции — **4 дня (28—31 июля 2020 г.)**.

Дополнительная информация указана на сайте конференции: <https://www.icpp2020.ru>.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
  - а) аннотация;
  - б) ключевые понятия (не более пяти);
  - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
  - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
  - a. annotation.
  - b. key concepts (up to 5).
  - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
  - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board. The articles are to be run through the «Antiplagiat» system. By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

